

1720 (K. 65)
W. H.
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
имени Г. ЦАДАСЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XIII

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Махачкала

1964 г.

72/2706/4)
И 71

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
имени Г. ЦАДАСЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XIII

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала

1964 г.

Редакционная коллегия

Аликберов Г. А., Гаджиева С. Ш., Гаджиев В. Г.,
Г. Д. Даниялов (ответств. редактор), Муркелин-
ский Г. Б., Микайлов Ш. И., Омаров А. С., Ших-
саидов А. Р., Юсуфов Р. Ф.

32211

Джеспандий филиал
Академии Наук СССР
Научная Библиотека

И С Т О Р И Я

112000

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЫРАВНИВАНИЯ КОЛХОЗНЫХ ДОХОДОВ И ОПЛАТЫ ТРУДА

В Программе КПСС говорится, что для осуществления принципа равной оплаты за равный труд необходимо обеспечить равные экономические условия повышения доходов колхозов, находящихся в неравных природно-экономических условиях в различных зонах, а также внутри зон.

Пока у нас наблюдается положение, когда в одном и том же районе колхозы, имеющие земли, отличающиеся повышенным плодородием, получают высокие доходы, а колхозы, пользующиеся землями с пониженным естественным плодородием, — низкие.

Колхозы Дагестана расположены в самых различных природно-экономических условиях. Здесь можно встретить буквально все зоны, встречающиеся в нашей стране, и каждая из них имеет свои специфические особенности.

Почвы низменной зоны — каштанового типа, местами солончаковые и рыхлопесчаные, отчасти лугово-болотные, лесные и алювиальные. Климат северной части зоны засушливый, а в южной — мягкий с относительно высокой влажностью воздуха. Зима здесь бывает обычно бесснежная, теплая, среднегодовая температура 10—12,6° тепла, количество выпадаемых ежегодно осадков колеблется в пределах 356—480 мм.

Очень сложна в физико-географическом отношении предгорная зона. Она представляет собой широкую полосу хребтов, плоскогорий и речных долин. Почвенно-климатические условия не однородны. В северной части зоны почвы буролесные, лесостепные и каштановые. В южной — черноземные, каштановые, горностепные и коричнево-лесные. Количество осадков колеблется от 275 мм до 380 мм в год, а в сел. Дылым достигает 845 мм. Среднегодовая температура 9,7—10,8° тепла.

Горная зона возвышается над уровнем моря в среднем на 1.500—2.000 метров, представляя собой область сурового горного ландшафта (горные скалы и хребты, глубокие долины). Почвенно-климатические условия этой зоны также не однородны. В долинах почвы горно-лесные, сухостепные и

террасно-луговые, а высоко в горах — горно-луговые альпийские на сланцах и черноземовидные на известняках. Осадков в году выпадает 470—690 мм, среднегодовая температура 6,1—6,5° тепла. Снег в горах держится с конца сентября и до конца апреля.

Колхозы низменной зоны располагают достаточным количеством пахотоспособных, орошаемых земель. Земельные участки расположены большими массивами. Это создаёт благоприятные условия для использования сельскохозяйственной техники. В Дагестане наибольшее количество техники сосредоточено в этой зоне. На один колхоз в среднем приходится 10 физических тракторов, 4,6 комбайна, 9 автомашин.

Самая высокая в республике выработка на один 15-сильный трактор относится к колхозам низменной зоны и составляет 544 гектара мягкой пахоты, против 382 га в колхозах предгорной и 187,5 га в колхозах горной зоны.

Такое значительное различие в уровне использования тракторного парка обусловлено прежде всего природными условиями. Это, в конечном счете, приводит к различиям индивидуальной стоимости единицы продукции и доходности, которая в колхозах низменной зоны значительно выше.

Колхозы предгорной и особенно горной зон имеют в своём пользовании незначительное количество пахотоспособных земель, причем расположены они на крутых склонах самой различной конфигурации, представляют собой мелкие участки — террасы, на которых просто невозможно производительно использовать имеющуюся сельскохозяйственную технику.

Естественно, что и себестоимость гектара условной пахоты здесь значительно выше, нежели в низменной зоне.

Колхозы горной зоны имеют в своём пользовании пахотных земель 147 тыс. гектаров, половина которых расположена на плоскости, где благоприятные природные условия позволяют широко использовать наличную технику, механизировать труд. Земли эти в большинстве своём орошаемые, колхозы получают здесь относительно высокий урожай сельскохозяйственных культур. Всё это ведёт к сокращению затрат на единицу площади и на центнер продукции. Высокие же затраты труда на единицу площади в горах нейтрализуются относительно низкими его затратами на плоскости.

В колхозах же предгорной зоны почти все пахотоспособные земли, находящиеся в их пользовании 120 тыс. га, расположены на территории своих районов.

Этот природный фактор оказывает существенное влияние на величину затрат труда на единицу площади. Причем растениеводство в предгорной зоне является ведущей отраслью сельского хозяйства и занимает в валовой продукции 62%.

Затраты труда на 1 га сельхозугодий в колхозах разных зон составили:

	1953 тр. дней	1956 тр. дней	1957 тр. дней	1960 чел. дн.
Плоскость	18,5	22	22,5	15
Предгорье	34,5	42	38,8	15,5
Горы	10,8	12	11	9,5

Как показывают эти данные, наибольшее количество труда на единицу площади затрачивается в колхозах предгорной зоны.

Урожайность же сельскохозяйственных культур за последние 4 года в колхозах предгорной зоны была наиболее низкой.

Сельхозкультуры	Плоскость	Предгорья	Горы
Зерновые и бобовые в цент. с 1 га	10,9	8,5	8,1
Пшеница яровая	«	11,3	9,4
Ячмень озимый	«	11,9	11,5
Ячмень яровой	«	7,0	5,1
Овощи	«	80,9	54,0

Вследствие различия природных условий производительность труда, себестоимость продукции и доходность хозяйств по отдельным зонам республики весьма различна. В 1960 году эта картина выглядела примерно так:

Зоны	Себестоимость одного центнера (руб. коп.)					
	Зерно	Фрукты	Виноград	Мясо крупн. рогат. скота жив. вес	Шерсть	Мясо ба-нина (жив. вес).
Низменная	4—84	18—50	18—20	96—35	211—20	41—95
Предгорная	10—10	17—99	72—22	160—70	345—00	72—07
Горная	11—05	8—71	37—72	100—10	227—90	45—50

Оплата труда колхозников взята по тарифным расценкам совхозов.

Таблица показывает, что себестоимость колхозной продукции в условиях различных природно-экономических зон существенно различается. В низменной зоне, в силу высокой механизации работ и более высокого уровня интенсивности производства, себестоимость почти всех продуктов сельского

хозяйства значительно ниже, чем в других зонах. Самая высокая себестоимость сельскохозяйственной продукции, особенно продукции животноводства, в колхозах предгорной зоны.

В хозяйствах предгорной зоны ведущей отраслью является растениеводство. Количество скота в сельхозартелях этой зоны незначительно, он распылен по мелким фермам. Это, естественно, вызывает непроизводительные затраты, связанные с содержанием помещений, излишним количеством обслуживающего персонала и т. д.

Очень дорого обходится колхозам и производство кормов. В ряде случаев себестоимость кормов превышает себестоимость зерна.

Затраты кормов на получение 1 центнера молока составили в колхозах Новолакского района 6 руб. 10 коп., Буйнакского — 7 руб. 70 коп., Казбековского — 9 руб. 90 коп. Себестоимость животноводческой продукции из учёта фактической оплаты труда в 1960 году по сравнению с 1957 годом не снизилась, а, наоборот, по мясу крупного рогатого скота и баранине возросла. Для того, чтобы снизить себестоимость кормов, надо резко поднять урожайность кормовых культур, особенно кукурузы, шире механизировать работы на животноводческих фермах, укрупнять их. Механизация производственных процессов в животноводстве, переход на беспривязное содержание скота — мощный резерв роста производительности труда и снижения себестоимости продукции.

Себестоимость продукции — одна из важнейших экономических категорий социалистического хозяйства. От её уровня зависит рентабельность колхоза, его доходы. На себестоимости продукции сказывается урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность животноводства, производительность труда и его организация, умелое руководство коллективным хозяйством, условия погоды.

На основе роста производительности труда, экономии затрат живого и прошлого труда на единицу продукции систематически снижается себестоимость продукции, растёт величина чистого дохода, представляющего собой валовой доход (за вычетом оплаты труда колхозников), часть которого идет на расширение производства. Но величина чистого дохода колхозов зависит также и от уровня тех цен, по которым колхоз реализует свою продукцию. Колхозы реализуют свою продукцию в основном государству по закупочным ценам, часть её продают кооперации, на колхозном рынке, через комиссионную торговлю, а также колхозникам в счёт денежной оплаты их труда. Все эти каналы реализации оказывают определенное влияние на величину чистого дохода, ибо цена в каждом из этих каналов на однородную продукцию различна. Поэтому для определения величины чистого дохода, получаемого на единицу продукции, и рентабельности

Величина чистого дохода на единицу продукции и рентабельность производства сельхозкультур по зонам за 1960 год
(в рублях. коп).

Зоны	Зерно				Фрукты				Мясо, крупн. рогатого скота			
	Себе- стоим. 1 ц.	Средняя реализ. цена 1 ц.	Чистый доход на 1 ц.	Рентаб. произв. в %/л	Себе- стоим. 1 ц.	Средняя реализ. цена 1 ц.	Чистый доход на 1 ц.	Рентаб. произв. в %	Себе- стоим. 1 ц.	Средняя реализ. цена 1 ц.	Чистый доход на 1 ц.	Рентаб. произв. в %
Низменная	4—85	7—95	+ 3—10	68	18—50	29—00	+10—50	56	96—30	61—60	—34—70	—
Предгорная	10—10	9—16	— 0—94	—9	17—90	26—00	+ 8—10	45	160—70	61—30	—99—40	—
Горная	11—05	24—80	+13—75	125	8—71	29—74	+21—03	241	100—10	65—00	—35—10	—

Баранина				Шерсть			
Себестоим. 1 ц.	Средняя реализ. цена 1 ц.	Чистый доход на 1 ц.	Рентаб. произв. в %/о	Себестоим. 1 ц.	Средняя реализ. цена	Чистый доход на 1 ц.	Рентаб. произв. в %
41—95	53—24	+11—29	26	211—20	412—60	+201—40	95
72—07	52—72	—19—35	—	345—00	327—00	— 18—00	—
45—50	56—61	+11—11	24	228—00	400—00	+172—00	75

производства отдельных культур взяты средние реализационные цены применительно к различным зонам. Использование среднереализационных цен позволяет уяснить процесс распределения дифференциальной ренты.

Таблица показывает, что величина чистого дохода, получаемого на единицу продукции колхозами разных зон, имеет весьма существенные различия. В колхозах низменной зоны производство всех перечисленных продуктов сельского хозяйства, за исключением мяса крупного рогатого скота, было весьма доходным. Рентабельность зерна составила 68%, фруктов — 56%, баранины — 26%, шерсти — 95%. Следует, однако, заметить, что 1960 год был неблагоприятным для садоводства, урожайность садов и виноградарства была относительно низкой по сравнению с предыдущими годами.

В колхозах горной зоны производство перечисленных продуктов сельского хозяйства, за исключением мяса крупного рогатого скота, было доходным. Может показаться странным, почему производство зерна в горах было высокорентабельным, несмотря на высокую себестоимость? Дело в том, что колхозы горной зоны, освобожденные от поставок государству, 86% всего реализованного зерна продали на колхозном рынке. Более высокая рыночная цена на зерно и обеспечила высокую рентабельность, достигшую 125%. Самая высокая рентабельность по сравнению с другими зонами республики достигнута в горных колхозах по производству фруктов — 241%, хотя климатические условия года были неблагоприятными. Рентабельность производства баранины составила 24%, шерсти — 75%.

В то же время в колхозах предгорной зоны производство зерна, мяса крупного рогатого скота, молока, баранины и шерсти было убыточным и лишь производство фруктов было рентабельно, причем норма рентабельности их составила 45%, т. е. на 20% ниже, чем в низменной зоне и в 5 с лишним раз ниже, чем в колхозах горной зоны.

Если взять совокупную рентабельность колхозного производства по зонам, мы увидим следующую картину:

Зоны	Сумма затрат на товарную продукцию (тыс. руб.)	Выручка от реализ. товарной продукции (тыс. руб.)	Чистый доход от реализац. продукции (тыс. руб.)	Совокупная рентабельность %
Низменная	19436	25160	5724	29
Предгорная	11478	7697	—	—
Горная	26963	29919	2956	11

Таким образом, производство сельскохозяйственных продуктов было наиболее рентабельным в колхозах низменной

зоны. Здесь совокупная рентабельность составила 29%, а в колхозах горной зоны — 11%. Что же касается колхозов предгорной зоны, то в них реализация продукции не покрыла даже затрат на её производство.

Возникает вопрос: как же колхозы предгорной зоны осуществляют воспроизводство, если они не покрывают затрат на производство сельскохозяйственной продукции? Вот здесь-то как раз и сказывается порочность существующего порядка исчисления себестоимости продукции исходя из условной оценки труда колхозников по совхозным ставкам зарплаты. Его можно применять в колхозах, в которых уровень производительности труда достиг совхозного уровня. В тех же колхозах, в которых уровень производительности труда значительно ниже совхозного, исчисление оплаты труда колхозников по совхозным ставкам дает искаженную картину. Она не отражает действительных затрат и потому не может служить мерой для исчисления чистого дохода. Для того, чтобы себестоимость наиболее полно отражала экономику каждого колхоза, в нее надо включать фактическую оплату труда.

Если мы возьмем совокупную рентабельность колхозного производства по зонам, а затраты на производство продукции по фактической оплате труда колхозников, то увидим следующую картину:

Зоны	Фактич. затраты на производство товарной продукции (тыс. руб.)	Выручка от реализации продукции (тыс. руб)	Сумма чистого дохода (тыс. руб)	Совокупная рентабельность
Низменная	19182	25160	5978	31%
Предгорная	8120	7697	—423	—
Горная	24574	29919	5345	21%

Приведенные данные показывают, что соотношение и уровень совокупной рентабельности колхозного производства, исходя из фактической оплаты труда по зонам республики, не одинаковы. В колхозах низменной зоны производство сельскохозяйственной продукции было наиболее рентабельно. Здесь и оплата труда была почти равна совхозной (1 человеко-день = 1 руб. 69 коп.).

В колхозах горной зоны совокупная рентабельность колхозного производства, при фактической оплате труда 1 человеко-день 1 руб. 42 коп., на 10% выше, чем при условной оценке труда колхозников.

В колхозах же предгорной зоны, при фактической оплате труда колхозников, которая была в два раза ниже, чем в колхозах низменной зоны и на 47% ниже, чем в горных колхозах,

затраты на производство товарной продукции не были возмещены на 423 тыс. рублей.

В тридцати колхозах предгорной зоны расходы превышают полученные доходы. Это вызывало у колхозов потребность в кредите, который использовался не по назначению. Удельный вес отстающих колхозов по отношению к их общему числу наибольший в колхозах предгорной зоны.

Некоторые научные работники и экономисты все различия в производственных результатах разных зон пытаются объяснить одними только организационно-хозяйственными причинами. Такой подход в принципе не верен, ибо различия в качественных показателях в значительной мере зависят от условий производства, которые необходимо учитывать при планировании в целях более объективной оценки результатов труда.

Игнорировать экономические условия воспроизводства, предавать забвению и не брать в расчет различия природных факторов — это значит сознательно освобождать себя от объективного научного анализа экономики колхозного производства республики.

В Программе КПСС говорится: «Своей организаторской работой и мерами экономической политики партия будет добиваться того, чтобы в течение ближайших лет полностью преодолеть отставание экономически слабых колхозов и превратить все колхозы в экономически мощные, с высокими доходами» (Материалы XXII съезда КПСС, М., 1962 г., стр. 382).

Претворению в жизнь этого программного положения способствуют ликвидация травопольной системы, установление правильной структуры посевных площадей, специализация производства, переселение избыточной рабочей силы с гор на плоскость, лучшая организация труда, сокращение отгона скота, усиленные поставки удобрений и машин колхозам, хозяйствующим в худших условиях и т. д. Наряду с этими организационными и экономическими мероприятиями важная роль принадлежит совершенствованию распределения избыточного дохода, который государство оставляет колхозам.

Механизмом, дающим возможность распределять избыточный доход в нужной пропорции между государством и колхозами, являются цены. В перераспределении стоимости прибавочного продукта ценностный механизм, если он правильно применяется, содержит большие возможности для стимулирования производства. Свойство этого механизма состоит в сочетании одинаковости закупочной цены и её дифференциации при определенном уровне цен.

В одинаковости выражается необходимость оставления колхозам всего или определенной доли прибавочного продукта. Чем больше количество колхозов, на которые распро-

страняется одинаковая цена, тем больше прибавочного продукта остается колхозам.

В дифференциации же, наоборот, выражается необходимость получения государством всего или определенной доли прибавочного продукта. Чем больше дифференцированы цены, чем сильнее они сближаются с зональными стоимостями, а затем и с индивидуальными, тем больше прибавочного продукта поступает государству.

Таким образом, принципы одинаковости цен и дифференциации их действуют в противоположных направлениях и их сочетанием определяется пропорция, в которой прибавочный продукт распределяется между государством и колхозами.

От того, в каких пропорциях распределяется прибавочный продукт, зависит, во-первых, стимулируется или тормозится производство и, во-вторых, становятся ли экономические условия доходности колхозов всё более неравными или, наоборот, эти условия выравниваются. Более девяти десятых денежных поступлений колхозы имеют от продажи продукции государству. В Программе КПСС указывается: «Необходимо обеспечить создание все более равных экономических условий повышения доходов для колхозов, находящихся в неравных природно-экономических условиях в различных зонах, а также внутри зон, с тем, чтобы последовательнее осуществлять принцип равной оплаты за равный труд в масштабе всей колхозной системы» (Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962 г., стр. 382).

После решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.) в связи с мероприятиями партии и правительства по повышению материальной заинтересованности в сельскохозяйственном производстве и по обеспечению крутого подъёма сельского хозяйства, ранее существовавшие экономически необоснованные, чрезмерно низкие цены были пересмотрены и значительно повышены.

В результате введения новой системы заготовок сельскохозяйственных продуктов, установления единых закупочных цен в 1958 году, цены на большинство продуктов приблизились к стоимости продуктов, произведенных в колхозах, работающих в относительно худших природно-экономических условиях, но при общественно нормальных условиях производства.

Введение единых цен во всей зоне позволяет всем колхозам получать одинаковые денежные доходы за равное количество реализуемой продукции. Чем ниже в колхозе себестоимость продукции, тем больше дохода он получит.

Введение единых закупочных цен на животноводческую продукцию резко подняло в колхозах Дагестана доходность всех отраслей животноводства. Достаточно сказать, что дополнительный денежный доход от реализации продуктов

животноводства в 1958 году по единым закупочным ценам составил 6,6 млн. руб.

В то же время новые закупочные цены и их дифференциация во многих случаях недостаточно экономически обоснованы. В силу этого они не устранили резкого неравенства экономических возможностей повышения доходов для колхозов, находящихся в различных условиях производства.

В 1961 году наибольшая разница в уровне зональных цен в целом по стране составила: по зерну — 35 процентов, подсолнечнику — 41 процент, мясу крупного рогатого скота — 36 процентов. В то же время самая высокая себестоимость превышала самую низкую; по зерну — в 6 раз, подсолнечнику — в 3 раза, по мясу крупного рогатого скота — в 2,5 раза.

Такое соотношение цен и себестоимости ставит колхозы различных зон страны в неравные экономические условия при производстве одних и тех же продуктов.

Программа КПСС требует постоянного улучшения системы цен, приведения их в соответствие с задачами коммунистического строительства. Цены должны всё в большей мере отражать общественно-необходимые затраты труда, обеспечивать возмещение издержек производства и обращения и известную прибыль каждому нормально работающему предприятию.

Политика в области закупочных цен на продукцию сельского хозяйства и отпускных цен на средства производства для села должна учитывать интересы расширенного воспроизводства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, способствовать образованию необходимых накоплений в колхозах.

Все это вызывает необходимость усиления дифференциации цен с тем, чтобы закупочные цены по зонам страны соответствовали степени дифференциации условий производства.

Еще более острой проблемой, на наш взгляд, является сглаживание внутрizonальных различий в экономике колхозов. Зоны, в которых установлены определенные закупочные цены, охватывают очень большие территории с большими различиями в условиях производства внутри каждой зоны. IV ценностная зона РСФСР по крупному рогатому скоту, например, включает в себя — 2 автономных республики Северного Кавказа, в том числе Дагестан, 5 областей Поволжья, ряд областей Урала и Сибири. Применение единой цены на таком большом пространстве вызывает большие различия в экономике колхозов.

Так, в колхозах Алтайского края в 1958—59 г. средняя норма рентабельности хозяйства составила 50%, оплата трудодня — 1 руб. 11 коп. В колхозах Омской области норма рентабельности производства составила 25%, оплата трудодня 76 коп. В колхозах Тюменской области соответственно

2% и 52 коп.¹ В колхозах Дагестанской АССР, расположенной в этой же зоне, норма рентабельности в 1960 году составляла 18%, оплата труда 1 руб. 01 коп.

Все эти области и республики, входящие в одну и ту же зону, резко различны по природным условиям и специализации производства. Так, удельный вес животноводческих отраслей в общей выручке от реализации продукции сельского хозяйства составил: в Алтайском крае — 35%, в Омской области — 54%, в Тюменской — 69%, в Дагестанской АССР — 60%.

Исследуя этот вопрос глубже, мы пришли к выводу, что дифференциация закупочных цен необходима и внутри нашей республики. Как уже указывалось выше, природно-экономические условия сельскохозяйственных артелей Дагестана резко отличны и влияние здесь объективных факторов на результаты труда весьма существенно.

К. Маркс в «Капитале» указывал, что различия в производительности труда, обусловленные неравенством видов почв, являются относительно постоянными. Далее он писал, что «повышение абсолютного плодородия всей сельскохозяйственной площади не уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает»².

Эти особенности сельского хозяйства, обусловленные тем, что земля является основным средством производства, объективно влияют на ценообразование в сельском хозяйстве.

Колхозы республики, при наличии разных природно-экономических факторов производства, в силу существующих одинаковых закупочных цен ставятся в равные условия по реализации произведенной продукции. Этим, собственно, и обуславливается пестрота в рентабельности производства, которая весьма существенно сказывается на темпах расширенного воспроизводства, на уровне оплаты труда в колхозах различных зон Дагестана.

В артелях, хозяйствующих в относительно лучших условиях (низменная зона), создается большая масса дифференциального дохода, который не «улавливается» ценой и остается колхозам. В то же время колхозам, находящимся в худших условиях (предгорная зона), остается лишь незначительная доля прибавочного продукта.

Для того, чтобы рассчитать величину основного и избыточного прибавочного продукта, надо исчислить зональную (индивидуальную) стоимость. Методики исчисления общественной и индивидуальной стоимости у нас пока нет. Это, видимо, и создает почву для произвольного толкования

¹ Экономика сельского хозяйства. 1961, № 9, стр. 17.

² К. Маркс. Капитал, т. III, 1955, стр. 673.

стоимостных категорий, в том числе категорий дифференциальной ренты.

Исходя из интересов практики, мы не должны ждать пока будет усовершенствован точный учёт величины стоимости. К тому же для обоснованного экономического анализа и совершенствования планирования стоимостных показателей важно и приблизительное определение стоимости. Стоимость валового продукта, как известно, состоит из $C + V + M$, т. е. из стоимости израсходованных средств производства и вновь созданной стоимости.

Первая часть стоимости валового продукта, представляющая прошлый труд, ни при каких условиях не является доходом колхоза. Вновь затраченный труд колхозников на производство продукции образует валовой доход колхоза, т. е. $V + M$. Валовой доход колхоза распадается на стоимость необходимого продукта, который идет на личное потребление колхозников, и стоимость прибавочного продукта.

В колхозах учёт затрат прошлого и живого необходимого труда ведётся на отдельные виды и единицу продукции, т. е. себестоимость. А вот величина стоимости прибавочного продукта не известна и это затрудняет исчисление общественной и индивидуальной стоимости.

Советские экономисты предлагают три способа определения стоимости.

Первый способ. Стоимость исчисляется путём прибавления к себестоимости прибавочного продукта пропорционально заработной плате (затратам живого труда).

Второй способ. Научные работники считают, что затраты труда следует определять по цене производства. Стоимость прибавочного продукта должна распределяться пропорционально величине основных и оборотных фондов.

Третий способ. Его сущность состоит в том, что стоимость устанавливается на уровне себестоимости плюс прибавочный продукт в определенном проценте к себестоимости.

Наиболее приемлемым, простым, отвечающим потребностям практики, является третий способ. Этот способ оправдывается и теоретически, ибо живой труд, технически оснащенный, приносит больше прибыли, нежели труд, менее оснащенный техникой. Нам известно, что в целом по народному хозяйству 75% чистого продукта идет на потребление, а 25% — на накопление. Таким образом, на каждую сотню рублей потребления приходится 33,3 рубля накопления.

В Дагестане, в силу того, что на цели личного потребления идет несколько большая величина, стоимость 1 центнера продукции по зонам республики определяется путём прибавления стоимости прибавочного продукта в размере 30% от среднезональной себестоимости. Конечно, эти расчеты не пре-

тендуют на абсолютную точность, но они близки к действительности и важны для практики.

Руководствуясь описанной методологией, мы произвели исчисление стоимости 1 центнера продукции по зонам республики, определили сумму прибавочного продукта, реализуемого колхозами, на центнер продукции, в том числе величину основного и избыточного прибавочного продукта. Об этом свидетельствуют данные приводимой здесь таблицы.

Виды продукции	Себе-стоимость 1 центнера в руб. коп.	Индив. стоим. 1 ц. в руб. коп.	Средняя цена реализ. 1 ц. в руб. коп.	Сумма прибав. продукта на 1 ц. в руб.-коп.	В том числе	
					Общ. необ. прибавоч. продукт на 1 центнер руб. коп.	Избыточ. приб. продукт на 1 центнер руб. коп.
1	2	3	4	5	6	7

Низменная зона

1. Зерновые	4-85	6-30	8-00	3-15	1-45	1-70
2. Кукуруза	2-87	3-74	5-54	2-67	0-87	1-80
3. Фрукты	18-50	24-00	28-70	10-20	5-60	4-60
4. Виноград	18-20	23-60	28-70	10-50	5-40	5-10
5. Шерсть	211-20	274-50	412-60	201-40	63-30	138-10
6. Мясо баран.	41-90	54-60	53-20	11-30	11-30	—
7. Мясо крупн. рог. скота	96-30	125-20	61-60	—	—	—

Горная зона

1. Зерновые	11-05	14-30	24-80	13-75	3-25	10-50
2. Кукуруза	15-00	19-50	5-80	—	—	—
3. Фрукты	8-70	11-30	29-70	21-00	2-60	18-40
4. Виноград	37-70	49-00	—	—	—	—
5. Мясо крупн. рог. скота	100-00	130-00	65-00	—	—	—
6. Шерсть	227-90	296-30	400-00	172-10	68-40	103-70
7. Мясо баранина	45-50	59-20	56-60	11-10	11-10	—

Предгорная зона

1. Зерновые	10-10	13-00	9-16	—	—	—
2. Кукуруза	5-94	7-72	5-80	—	—	—
3. Фрукты	17-90	23-40	26-00	8-10	5-40	2-70
4. Виноград	72-20	93-90	29-10	—	—	—
5. Мясо крупн. рог. скота	160-70	228-80	61-30	—	—	—
6. Шерсть	345-00	448-50	327-30	—	—	—
7. Мясо баранина	72-10	93-70	52-70	—	—	—

Следовательно, чем лучше условия хозяйствования, тем ниже индивидуальная стоимость одного центнера продукции

и тем больше величина избыточного прибавочного продукта, поскольку разница между средней ценой реализации и индивидуальной стоимостью центнера продукции увеличивается.

Колхозы низменной зоны почти на все основные виды товарной продукции реализовали не только общественно необходимый, но и избыточный прибавочный продукт, который на центнер кукурузы, шерсти был выше более чем в два раза, чем общественно необходимый прибавочный продукт. Лишь производство мяса крупного рогатого скота в колхозах низменной зоны в 1960 году было убыточным. С повышением закупочных цен с 1 июня 1962 года на продукцию животноводства производство мяса крупного рогатого скота становится рентабельным, а на производстве баранины колхозы будут получать не только общественно необходимый прибавочный продукт, но и избыточный прибавочный продукт.

В колхозах горной зоны производство зерновых, фруктов, шерсти, баранины было рентабельным. Мы уже указывали ранее, что в колхозах горной зоны себестоимость зерновых самая высокая, на каждый центнер зерновых они получили 13 руб. 75 коп. прибавочного продукта, в том числе 10—50 рублей добавочного дохода. Заметим, что этот дополнительный доход, полученный горными колхозами, не связан с уровнем производительности труда в них. Условием возникновения дополнительного дохода являются относительно высокие цены колхозного рынка, превышающие государственные розничные цены. На производстве же фруктов колхозы горной зоны получают по 21 рублю прибавочного продукта на 1 центнер, где 18 рублей 40 коп. составляют избыточный прибавочный продукт, который в 4 раза больше, чем в колхозах низменной зоны.

Высокорентабельным является овцеводство. На производстве 1 центнера шерсти горные колхозы получили 68 руб. 40 коп. общественно необходимого прибавочного продукта и 103 руб. 70 коп. избыточного прибавочного продукта.

В горных колхозах производство кукурузы, винограда, мяса крупного рогатого скота и молока в 1960 году было убыточным. Следовательно, убытки, понесенные колхозами на производстве этих продуктов, были перекрыты доходами, полученными на производстве других продуктов — фруктов, шерсти и баранины.

Совершенно иное положение в колхозах предгорной зоны. Здесь не только зональная стоимость не вложилась в цену реализации, но и себестоимость почти всех продуктов, за исключением фруктов.

Повышение с 1 июня 1962 года закупочных цен на скот и птицу значительно сократило убыточность этих отраслей, но в силу высокого уровня затрат на производство полная убыточность пока не ликвидирована. Следовательно, неблаго-

приятные природно-экономические условия колхозов предгорной зоны при единой закупочной цене на сельхозпродукты обусловили такое положение, которое не только не образовало избыточного дохода, но даже не создало той части чистого дохода, которая создается при общественно-необходимых условиях. И, наоборот, мы видим, что при благоприятных природно-экономических условиях хозяйствования колхозов низменной зоны образовался избыточный чистый доход больших размеров. Так, в колхозах низменной зоны из всей массы прибавочного продукта (чистого дохода) 7581 тыс. рублей, полученного от реализации товарной продукции, 4252 тыс. рублей или 56% составляет избыточный прибавочный продукт, который выступает в форме дифференциальной ренты I и II; весь он остался колхозам зоны.

Таким образом, колхозы предгорной зоны находятся в наиболее тяжелом экономическом положении. Они вынуждены выдавать на трудодни колхозникам незначительную сумму. Здесь и отчислений, приходящихся на гектар сельскохозяйственных угодий, на одного трудоспособного значительно меньше.

Для подтверждения этого приведем данные за 1960 год по зонам республики.

Показатели	Низменная зона	Предгорная зона	Горная зона
1. Денежный доход на 1 га с/х угодий (руб. коп.)	36-00	15-70	17-00
2. Отчислено в неделимый фонд на 1 га с/х угодий (руб. коп.)	6-70	2-50	3-00
3. Отчислено в нед. фонд в расчёте на одного трудоспособного (руб. коп.)	91-80	24-30	40-40
4. Средняя оценка 1 человеко-дня (в руб. коп.)	1-68	0-96	1-42

Колхозы низменной зоны, получая после реализации сельскохозяйственной продукции основной прибавочный продукт, а также избыточный прибавочный продукт, производят значительно больше отчислений в неделимый фонд, не снижая оплату труда колхозников. Колхозы же предгорной зоны, производя относительно меньшую величину отчислений в неделимый фонд на единицу площади, располагают меньшими экономическими возможностями для ускорения роста производства сельскохозяйственных продуктов.

Относительно низкий уровень оплаты труда в колхозах зоны не создает достаточных материальных стимулов к труду, в силу чего трудовая дисциплина и активность в колхозах

предгорья низки. В колхозах предгорной зоны таких излишков рабочей силы, как в горах, не наблюдается, однако одним трудоспособным вырабатывается 140 человеко-дней, в то время как в горах — 125 человеко-дней.

В колхозах низменной зоны трудовая активность колхозников самая высокая — она составляет 203 человеко-дня на одного трудоспособного. Для того, чтобы обеспечить быстрый рост производства сельскохозяйственных продуктов, надо увеличить капиталовложения в сельскохозяйственное производство, поднять материальную заинтересованность колхозников, а это можно осуществить, прежде всего, за счет роста производительности труда и снижения себестоимости колхозной продукции. Задача резкого подъема производительности труда и снижения себестоимости — одна из главных задач. Однако решить эту задачу можно лишь на основе повышения степени механизации и дальнейшей интенсификации колхозного производства, а интенсификация предполагает дополнительные затраты на единицу земельной площади. Колхозы же для осуществления капиталовложений, кроме собственных, других источников финансирования не имеют. Следовательно, возникает объективная необходимость создания равных экономических условий для повышения доходности производства в колхозах и осуществления равной оплаты за равный труд в масштабе всей колхозной системы путём перераспределения дифференциальной ренты, которую реализуют колхозы низменной зоны.

Исчисление дифференциальной ренты I и II представляет определенный практический смысл. Оно поможет решить поставленную партией задачу — обеспечить равные экономические условия для повышения доходов колхозов разных природно-экономических зон.

По нашим расчетам, во всей массе избыточного прибавочного продукта — 4.252 тыс. рублей, полученного колхозами низменной зоны от реализации товарной сельхозпродукции, дифференциальная рента I составляет 1.984 тыс. рублей или 44%, а 2267 тыс. рублей или 56% — дифференциальная рента II

Дифференциальная рента I — это излишек дохода, который образовался в результате созданных обществом и не зависящих от самих колхозов условий производства. Высокая производительность сельскохозяйственного труда колхозников низменной зоны обусловлена использованием ими участков земли лучшего естественного плодородия и местоположения. Эти благоприятные условия труда есть даровая природная сила. Поэтому дифференциальная рента I по своей экономической природе есть продукт для всего общества.

Условием же образования дифференциальной ренты II являются не различия в плодородии и местоположении земель

колхозов, а дополнительные затраты средств производства и труда, которые осуществляются в виде капиталовложений колхозами и государством.

Проблема распределения дифференциальной ренты имеет исключительно важное значение для обеспечения правильного сочетания интересов государства и колхозов для повышения материальной заинтересованности колхозов и колхозников в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов.

Оставление колхозам низменной зоны слишком большой массы избыточного дохода, где 44% его величины составляет дифферента I, недостаточно побуждает руководителей колхозов к совершенствованию производства и улучшению его качественных показателей. Поэтому, на наш взгляд, назрела необходимость перераспределить дифференциальную ренту I путём дифференциации закупочных цен, т. е. путем некоторого понижения цен на продукцию сельского хозяйства в колхозах низменной зоны и соответствующего повышения закупочных цен для колхозов предгорной зоны, не увеличивая общих ассигнований денежных средств на закупку сельхозпродуктов по Дагестану. Это улучшит условия реализации для предгорных колхозов, хозяйствующих в худших условиях, и несколько уменьшит долю прибыли, ныне получаемой колхозами низменной зоны с относительно лучшими условиями хозяйствования, что будет стимулировать труд и в колхозах, хозяйствующих в худших условиях, и в колхозах, хозяйствующих в лучших условиях.

Некоторое понижение цен для колхозов низменной зоны побудит их к еще большей интенсификации производства, вызовет стремление компенсировать потерю от пониженной цены дальнейшим ростом производства и понижением себестоимости. Поэтому экономически обоснованное уменьшение составляемого колхозам избыточного дохода восстанавливает стимулы производства. «Нужно, чтобы уровень закупочных цен, — говорится в Программе КПСС, — побуждал колхозы повышать производительность труда и снижать производственные затраты, так как основу повышения колхозных доходов составляет увеличение сельскохозяйственной продукции и снижение ее себестоимости» (Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962, стр. 381).

Весьма сложный вопрос, имеющий практическое значение, состоит в том — какой должна быть глубина дифференциации закупочных цен? Не имея показателей экономической оценки земель по зонам республики, трудно точно определить глубину дифференциации закупочных цен. Но, имея данные об удельном весе дифференциальной ренты I в средней реализационной цене на продукцию колхозов низменной зоны, можно приблизительно исчислить, на какую величину

Надо понизить закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию колхозов низменной зоны и повысить закупочные цены на продукцию колхозов предгорной зоны. Так, по нашим расчётам, понижение закупочной цены на продукцию колхозов низменной зоны можно осуществить в следующих пределах:

зерновые	— на	8—10%
кукуруза	— на	18%
фрукты	— на	16%
виноград	— на	6—8%
шерсть	— на	17—19%

От реализации всех этих продуктов колхозы низменной зоны получат дифференциальную ренту I.

Понизив на указанную величину закупочные цены на продукцию колхозов низменной зоны, мы таким путём изыщем дифференциальную ренту I на сумму 1984 тыс. рублей, полученную колхозами только от реализации товарной продукции, но часть ренты оставим в колхозах. Это скажется на уровне оплаты труда колхозников низменной зоны. Но потери быстро компенсируются дальнейшим ростом производства и понижением себестоимости продукции.

Ясно, что, не осуществив перераспределения дифференциальной ренты I, нельзя осуществить принцип равной оплаты за равный труд в масштабе всей колхозной системы. Возникает вопрос: на сколько и на какие продукты сельского хозяйства надо повысить закупочные цены для колхозов предгорной зоны?

При решении этого вопроса надо руководствоваться программным теоретическим положением партии о том, что цены «должны во всё большей степени отражать общественно необходимые затраты труда, обеспечивать возмещение издержек производства и обращения и известную прибыль каждому нормально работающему предприятию»³.

Важность этого положения для нас, экономистов, трудно переоценить. На основе сравнительного анализа мы сможем определить, какой уровень цен будет наиболее оптимальным, наилучшим образом побуждающим к повышению объёма производства на единицу земельной площади и затрат живого труда, к максимальному снижению себестоимости.

Коллективное участие экономистов, практиков, работников планирующих органов в разработке этого вопроса поможет найти правильное решение. При этом необходимо учитывать не только совокупность природно-экономических факторов, но и политические условия.

³ Программа КПСС. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962, стр. 387.

Перераспределение ренты благотворно скажется на экономике колхозов предгорной зоны, позволит колхозам возмещать издержки производства, получать каждому нормально работающему предприятию известную прибыль для осуществления высокими темпами расширенного воспроизводства и, кроме того, повышать оплату труда колхозников.

Борясь за повышение производительности труда и снижение себестоимости на основе интенсификации производства, колхозы будут увеличивать доходы. Это позволит уже в первом десятилетии осуществить равную оплату за равный труд.

В перераспределении дифференциальной ренты I, видимо, следует пойти дальше. Необходимо учесть, что в Дагестане много горных колхозов, не имеющих кутанных земель и возделывающих свои присельные сельскохозяйственные угодья без применения каких-либо средств механизации. Выборочные данные о затратах на единицу продукции в этих колхозах говорят о том, что она им обходится весьма дорого.

Правда, переселение излишков рабочей силы с гор на плоскость, намечаемое директивными органами республики, явится одним из существенных организационных мероприятий по поднятию экономики отсталых колхозов. Но оно не исключает необходимости перераспределения дифференциальной ренты.

Передать всю дифференциальную ренту I из колхозов низменной зоны в колхозы предгорной зоны будет не совсем правильно. Во-первых, для покрытия издержек и получения оптимального уровня рентабельности передаваемой дифференции I многовато. Следовательно, часть дифференции I надо использовать, исходя из экономической целесообразности, там, где имеется самая высокая отдача дополнительных вложений, т. е. там, где может быть произведено больше продукции с наименьшими затратами.

Так, в горах, в силу благоприятных климатических условий, колхозы собирают фрукты, самые дешевые в республике. Производство фруктов является высокорентабельным, отдача дополнительных вложений высокая. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно использовать ренту и на орошение горных долин, наряду с орошением земель на плоскости.

Мы рассмотрели проблему перераспределения дифференциальной ренты I, как предпосылку выравнивания экономических условий колхозов.

Другой предпосылкой создания равных экономических условий для всех колхозов является совершенствование существующего порядка взимания подоходного налога.

Подоходный налог ныне исчисляется по отношению к валовому доходу. Налоговому обложению подлежат как денежные, так и натуральные доходы колхозов. Ставка подоходного

налога с облагаемого дохода колхозов для Дагестана определена в размере 12% с дифференциацией ее по ряду районов и даже колхозов.

Существующая система налогового обложения доходов колхозов выполняет не одинаковую роль в разных природно-экономических зонах республики. В колхозах низменной зоны с относительно благоприятными природными условиями хозяйствования, высоким уровнем интенсификации колхозного производства, образуется наряду с необходимым чистым доходом большая сумма дифференциальной ренты I и II. Только от реализации товарной продукции в 1960 году колхозы низменной зоны получили дифференциальную ренту в сумме 4.252 тыс. рублей, не считая ренты в натуральном выражении, а уплатили в бюджет 3.723 тыс. рублей подоходного налога.

В то же время колхозы предгорной зоны не только не получили прибыли, но и не возместили свои издержки.

Взимание подоходного налога с колхозов предгорной зоны в сумме 847 тыс. рублей снижает и без того незначительные здесь возможности расширенного воспроизводства. Заметим, кстати, что существующая дифференциация ставок подоходного налога в республике такова, что в одну группу (третью) со средней ставкой подоходного налога 12% входят колхозы четырех плоскостных, четырех предгорных и 8 горных районов.

Подобную дифференциацию ставок налога вряд ли можно считать экономически обоснованной.

Существующая система налогового обложения не учитывает всей полученной колхозами продукции и всех произведенных затрат. В силу этого получается, что одни колхозы с низкой производительностью труда отдают через подоходный налог часть необходимого продукта, другие — часть необходимого чистого дохода, а колхозы с высоким естественным плодородием и высокой производительностью труда оставляют у себя значительную часть дифференциальной ренты.

Распределение дифференциальной ренты II производится лишь при помощи подоходного налога.

Дифференциальная рента II — это дополнительный доход, который образуется в результате дополнительных вложений труда и средств. Поскольку эти дополнительные затраты средств производства осуществляются в виде капитальных вложений колхозами и государством, постольку необходимо распределение дифференциальной ренты II между колхозами и государством пропорционально этим вложениям.

Однако при ныне существующей системе налогового обложения в должной мере правильное распределение дифференциальной ренты II не обеспечивается. Поэтому назрела необ-

ходимость улучшить систему налогового обложения доходов колхозов.

На наш взгляд, необходимо облагать подоходным налогом не валовой доход, а чистый доход колхоза. Советские экономисты единодушно выступают с таким предложением. Однако против него возражают работники финансовых органов, считающие, что часть колхозов придется освободить от подоходного налога и это отрицательно скажется на выполнении доходной части бюджета. Нам кажется, что подобное возражение мало основательно.

Чтобы избежать сокращения доходов бюджета, надо произвести дифференциацию ставок подоходного налога. Для тех колхозов, где обеспечивается оптимальная норма рентабельности, следует установить твёрдую ставку подоходного налога, а в колхозах низменной зоны, получающих дифференциальную ренту II и обеспечивающих значительное превышение оптимальной нормы рентабельности, нужно ввести дифференцированные прогрессивные ставки подоходного налога с тем расчётом, чтобы обеспечить изъятие рентных доходов.

Отметим еще одно обстоятельство. С 1 июня 1962 года закупочные цены на скот и птицу повышены. Это позволило колхозам уже в 1962 году получить дополнительный денежный доход от реализации мяса, молока и яиц в сумме 6.099 тыс. рублей. Кроме этого, как известно, 80% доходов колхозов от животноводства за период 1961—1965 гг. освобождаются от уплаты подоходного налога, что дополнительно увеличивает доходы колхозов республики примерно на 3 млн. рублей.

Всё это весьма благотворно скажется на повышении доходов, укреплении финансового положения и развитии животноводческих отраслей в низменной и горной зонах, где животноводческие отрасли определяют: в первой 53% и во второй около 66% всей валовой продукции.

Вместе с тем в колхозах предгорной зоны, где животноводческие отрасли дают всего лишь 37% валовой продукции и продолжают оставаться убыточными, эти меры не особенно благотворно влияют на повышение доходности колхозов данной зоны по сравнению с другими зонами.

В перераспределении стоимости прибавочного продукта ценностный механизм, если он правильно применяется, содержит сравнительно больше возможностей для стимулирования производства, в то время как в налоговой системе такие возможности ограничены. Налоги по преимуществу являются средством корректирования для той доли прибавочного продукта, которая должна поступать государству.

С разработкой и установлением закупочных цен на уровне, который обеспечит минимальные накопления для колхозов предгорной зоны, все же небольшое количество хозяйств

не будет располагать необходимыми экономическими условиями воспроизводства.

Для колхозов, не покрывающих издержки производства, корректирование доходности можно обеспечить путем таких планов закупок, которые позволяют им часть излишков продукции продавать на комиссионных началах по ценам, сложившимся на колхозных рынках.

Подобное регулирование объема заготовок в республике осуществляется по отношению к горным колхозам при заготовках зерна и играет положительную роль в подтягивании отстающих хозяйств и выравнивании оплаты труда колхозникам.

Планирование размеров государственных закупок для зон и отдельных колхозов, наряду с регулированием закупочных цен, является экономическим рычагом перераспределения доходов колхозов.

Конечно, регулирование объема государственных закупок должно осуществляться не по фактически достигнутому колхозом уровню производства, а с учетом объективных условий хозяйствования. И эту меру следует рассматривать как временную, направленную на повышение материальной заинтересованности экономически слабых колхозов в подъеме их экономики.

Проблема выравнивания экономических условий повышения доходности для колхозов, находящихся в неравных природно-экономических условиях, очень сложна и она не может быть сведена только к изъятию у колхозов дифференциальной ренты, перераспределению ее, совершенствованию системы налогового обложения.

Эти мероприятия являются очень важными.

Выравнивание доходов колхозов, находящихся в разных природно-экономических зонах, будет осуществляться не путем нивелировки с колхозами, получающими низкие доходы, а путем быстрого подтягивания колхозов с низкими доходами до уровня средних колхозов, а этих колхозов до уровня колхозов с наиболее высокими доходами, путем всемерной интенсификации колхозного производства.

В создании все более равных экономических условий повышения доходов для колхозов, находящихся в неравных природно-экономических условиях, огромное значение имеют рациональное размещение сельскохозяйственного производства по природно-экономическим зонам и районам, производство тех видов сельскохозяйственной продукции, для которых имеются в этих районах наилучшие условия и по которым достигается наибольшая экономия затрат. В республике сложилась более или менее устойчивая специализация по производству зерна, фруктов, винограда, а также продуктов животноводства. Однако во внутриобластной специализации

есть немало недостатков, связанных с неполным учётом почвенно-климатических условий и экономической эффективности производства того или иного вида продукта.

Так, большие площади пахотных присельных участков горные колхозы используют под возделывание озимой пшеницы. Здесь в силу низкой урожайности и больших затрат ручного труда себестоимость 1 центнера зерна достигает 30—40 рублей.

Напрашивается вопрос, не целесообразнее ли горным колхозам сеять озимые на кутанах, где есть пахотоспособные орошаемые земли и себестоимость одного центнера зерна составляет 3—4 рубля, а горные земли использовать под картофель, корнеплоды, кукурузу, сады. Рациональное использование земли будет способствовать увеличению производства сельскохозяйственных продуктов с наименьшими затратами труда и средств.

Углубленная специализация колхозно-совхозного производства по зонам республики уменьшает значение естественных различий в условиях производства, поскольку резко повышает доходы артелей, ведущих свои хозяйства в наилучших природно-экономических условиях. Большие мероприятия, проводимые по орошению сельскохозяйственных угодий республики, площадь которых к 1980 году должна достигнуть 700 тыс. га, а также мероприятия по мелиорации, химизации сельского хозяйства, уменьшат влияние неблагоприятных природно-экономических условий.

Выравнивание экономических условий для колхозов, находящихся в разных природно-экономических условиях, последовательное внедрение в колхозном секторе равной оплаты за равный труд, нельзя решить единовременным актом.

Этот экономический процесс, осуществляемый на основе интенсификации сельскохозяйственного производства, предполагает использование гибких экономических мер, в том числе внутрizonальной дифференциации цен (временной или постоянной), подоходного налога, дифференциации расчетов за услуги и др.

На наш взгляд экономически целесообразно изымать часть дифференциальной ренты I рода, оставляя колхозам дифференциальную ренту II полностью для стимулирования лучшего использования земли и интенсификации сельскохозяйственного производства.

Осуществление этих мероприятий позволит уменьшить различия в экономических условиях колхозного производства, а следовательно и в уровне доходов колхозов, находящихся в неравных природно-экономических условиях. Всё это будет способствовать дальнейшему развитию экономики колхозов, общему подъёму производительных сил сельского хозяйства республики.

ТРУДОВОЙ ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО КЛАССА ДАГЕСТАНА В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В великой борьбе за революционное преобразование общества Коммунистическая партия неизменно опиралась и опирается на неиссякаемую творческую инициативу и трудовой подъем народных масс. Народ всегда был подлинным творцом истории, основной силой общественного развития. Неизмеримо выросли силы народные, поднялась их роль после Великой Октябрьской социалистической революции. «Историю, — писал В. И. Ленин, — творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей»¹.

Важнейшим методом, обеспечившим развитие творческой энергии и инициативы масс, явилось социалистическое соревнование, к развертыванию которого призывал В. И. Ленин с первых же дней установления Советской власти.

Социалистическое соревнование прошло путь от первых коммунистических субботников до своей высшей формы — движения коллективов и ударников коммунистического труда. Оно превратилось в могучую организующую силу, стало школой массового трудового героизма и воспитания трудящихся.

В этой статье мы ставим задачу осветить трудовой энтузиазм рабочего класса Дагестана и процесс развертывания движения новаторов производства в годы второй пятилетки. Изучение этих вопросов способствует правильному пониманию роли народных масс в историческом развитии, определению наиболее верных и целесообразных путей средств в борьбе за достижение поставленной цели и помогает избежать возможные ошибки в руководстве массами.

* *
*

Досрочное выполнение советским народом плана первой пятилетки явилось крупнейшей победой в строительстве социализма в СССР. На основе успехов в развитии народного хозяйства, достигнутых в годы первой пятилетки, значительно повысилось материальное благосостояние и улучшилось

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 136.

культурно-бытовое обслуживание широких трудящихся масс города и деревни. Неуклонное осуществление Коммунистической партией ленинской национальной политики обеспечило особенно значительное хозяйственное и культурное развитие ранее отсталых народностей и создало все предпосылки к окончательной ликвидации унаследованной от царизма их отсталости.

Дагестанская АССР, как неотъемлемая часть Советского Союза, благодаря постоянной заботе партии и правительства при огромной помощи русского и других братских народов нашей страны, также досрочно завершила выполнение плановых заданий первой пятилетки. Итоги первой пятилетки позволяли говорить об изживании трудящимися Дагестана былой экономической и культурной отсталости республики.

В январе 1933 года объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) определил задачи второго пятилетнего плана, которые были окончательно утверждены XVII съездом партии.

Основной политической задачей второй пятилетки являлась окончательная ликвидация капиталистических элементов, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию человека человеком.

Главной хозяйственной задачей второй пятилетки было завершение реконструкции всего народного хозяйства на новейшей технической базе, а также обеспечение еще более быстрого подъема благосостояния и повышения уровня потребления советского народа.

Руководствуясь решениями XVII партийной конференции и XVII съезда партии были определены и конкретные задачи развития Дагестанской АССР во втором пятилетии. По утвержденному ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1934 года плану общий объем капитальных работ по Дагестану был определен в сумме 383 млн. руб. Эти работы были запланированы с ростом на 136,3 проц., против фактических капиталовложений за первую пятилетку. Во второй пятилетке намечалось доведение валовой продукции промышленности до 600 млн. руб. против 215 млн. руб. в первой пятилетке². Второй пятилетний план продолжал курс на дальнейшую социалистическую индустриализацию республики.

Пятилетний план развития народного хозяйства республики обеспечивал значительное улучшение материального благосостояния и подъем культурного уровня трудящихся Дагестана.

Трудящиеся республики с большим энтузиазмом принялись за выполнение планов второй пятилетки. 1 января

² ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 12, д. 60, л. 1.

1933 г. в г. Махачкале состоялся слет ударников, посвященный встрече второй пятилетки. В работе слета приняли участие около тысячи представителей промышленных предприятий Махачкалы, Хасавюрта, Буйнакса, Кизляра и Дербента. На нем были подведены итоги выполнения первого пятилетнего плана. Выступившие на слете заверили партию и народ в том, что в 1933 году — в первом году второй пятилетки — армия ударников станет еще сильнее, еще энергичнее будет бороться за выполнение программы великих работ.

В начале 1933 года на промышленных предприятиях проводился «день ударника», в ходе проведения которого трудящиеся республики брали на себя конкретные обязательства, обещали до конца второй пятилетки оставаться на своих предприятиях.

Большую работу в этот период проводили профессиональные союзы. Их деятельность была направлена на усиление воспитательной работы, на поднятие трудовой дисциплины, особенно среди рабочих, пришедших на производство в последние годы, на борьбу с расхитителями общественной собственности, на борьбу с прогулами и нарушениями трудовой дисциплины. Опираясь на старые кадры рабочих, на передовиков — ударников, профсоюзные организации помогали молодым рабочим встать в ряды передовых и сознательных рабочих. В начале 1933 г. Дагестанский совет профессиональных союзов проводил конкурс — смотр ударных бригад, цехов и предприятий. Основной задачей смотра являлось улучшение руководства инициативой и энтузиазмом масс, укрепление козрасчетных бригад, расширение внутриводского соревнования и обеспечение на этой основе выполнения планов 1933 года.

В целях улучшения руководства промышленностью и мобилизации трудящихся на борьбу за выполнение производственных заданий в сентябре 1933 года было проведено партийное совещание по промышленности. В связи с подготовкой к совещанию, особенно после его проведения, наметилось значительное улучшение производственной деятельности предприятий, развернулось закрепление рабочих за производством, многие бригады предприятий стали выполнять сменные нормы на 110 и более процентов.

По инициативе ударников, участвовавших в партийном совещании, развернулось вседагестанское социалистическое соревнование. Для руководства соревнованием была создана специальная комиссия, основная задача которой заключалась в мобилизации масс на выполнение и перевыполнение плановых заданий промышленных предприятий. В обращении республиканской комиссии по руководству соревнованием отмечалось, «что делом каждого предприятия, каждой партийной, комсомольской ячейки, фабзавкома, месткома, мастера, бри-

гадира, директора, работников трестов и наркоматов является такая ударная работа, которая немедленно ликвидировала бы создавшиеся прорывы и обеспечила бы не только выполнение, но и перевыполнение планов»³.

На призыв ударников промышленности горячо откликнулись и включились в общереспубликанское социалистическое соревнование коллективы всех предприятий республики.

Ткачи 1, 2 и 3 комплектов фабрики им. III Интернационала, включившись в социалистическое соревнование за лучшую бригаду, начали бригадное внутривзаводское соревнование. Они взяли обязательство вырабатывать за смену на каждом станке по 37,7 метра бязи, против нормы 33,46 метра, с тем, чтобы добиться покрытия задолжности по своим комплектам и помочь всему коллективу фабрики выйти из прорыва. Кроме того, они обязались обучить прядильному делу 10 домохозяйек и вызвали на соревнование 4, 5, 6 комплекты. Ткачи потребовали от руководства фабрики наладить точный учет показателей работы, чтобы каждый ткач знал, сколько продукции выработал за день он сам, комплект, цех и вся фабрика. Они призвали весь коллектив предприятия решительно бороться с простоями, за полное использование самого короткого в мире рабочего дня, выдвинули лозунг «работать все 420 минут в смену с полной нагрузкой».

С первых же дней социалистического соревнования ударники ткацкого цеха фабрики им. III Интернационала добились высокой выработки. Надежда Есауленко за 20 дней октября 1933 года в среднем вырабатывала от 40 до 41 метра в смену, Антонина Кочергина — 40,1 метра, Анна Воробьева — 41 метр, Августа Кузьмина — 38 метров. Среди ткачей 1, 2 и 3 комплектов были ударники, которые вырабатывали по 38—40 метров за смену. Передовые ткачи помогали отстающим овладевать техникой производства и выйти в число передовых.

Включившись в республиканское социалистическое соревнование, ударники второй бригады цеха стекловарки завода «Дагестанские огни» обязались во время работы сохранять нормальную температуру ванной печи, уничтожить колебания уровня стекла, своевременно производить загрузку смесью. Рабочие этой бригады призвали весь коллектив завода последовать их примеру.

В сентябре Буйнакский кожбубвной комбинат имел простой 213 станко-часов и не выполнил план. Образовавшийся прорыв встревожил коллектив. Были приняты срочные меры и в первой декаде октября наметился перелом. План был выполнен на 95,9 процентов. Во второй декаде октября план

³ Архив Дагестанского обкома КПСС, ф. 1, оп. 14, д. 531, л. 23.

был выполнен на 150 проц., и к 25 октября комбинат погасил весь свой долг стране. Коллектив ударников комбината упорно боролся за снижение брака и улучшение качества продукции. Он и здесь добился положительных результатов. В первом полугодии по плану предполагалось снизить брак до 4,9 проц., а фактически брак снизился до 2,1 проц., а по обувно-механическому цеху в третьем квартале брак был снижен до 0,17 процентов⁴.

Соревнование рабочих, бригад, цехов и предприятий приняло еще более широкий размах в период подготовки к XVII съезду партии.

В ответ на обращение московских рабочих, труженики дагестанских предприятий с большим энтузиазмом включились во всесоюзный производственный поход им. XVII съезда партии. Партийно-советский актив, передовики промышленных предприятий столицы республики — г. Махачкалы в обращении ко всем коллективам фабрик, заводов,строек и транспорта республики призывали:

а) организовать широкое соревнование за лучшее освоение техники, внедрение техминимума, уплотнение рабочего дня и сдачу техэкзамена;

б) проверить выполнение рационализаторских предложений и изобретений и организовать их массовый сбор в фонд XVII съезда партии;

в) добиться того, чтобы каждый ударник принял конкретные обязательства по повышению качества продукции, по выполнению производственных заданий.

В Махачкале, Дербенте, Хасавюрте, Буйнакске, Дагестанских Огнях основные кадры рабочих брали на себя конкретные предсъездовские обязательства.

В период подготовки к XVII съезду партии газета «Дагестанская правда» ввела на своих станциях «Красную доску имени XVII съезда ВКП(б)». В ней указывались достижения отдельных предприятий, фамилии руководителей и лучших ударников. Из газет республика узнавала все новые и новые имена ударников производства. Газета обобщала передовой опыт лучших производственников и выступала организатором соревнования производственных коллективов.

Уже в первые месяцы 1934 года наметился перелом в выполнении промышленными предприятиями производственных заданий. Так, например, предприятия местной промышленности план выполнили в январе на 134,6 проц., в феврале — на 146,5 проц., гвоздильный завод, несмотря на увеличенный в 1934 году план, сумел выполнить десятимесячную программу на 139 процентов. Значительно лучших показателей, чем

⁴ Газета «Дагестанская правда», 3 ноября 1933 г.

в 1933 году, добились в выполнении 9-месячного плана фабрика им. III Интернационала, ремонтно-механический завод, мебельная фабрика, пивоваренный, мыловаренный и винокуренные заводы⁵.

К 20 октября 1934 года завод «Дагестанские огни» выполнил годовую программу по строительному стеклу. Себестоимость ящика стекла была снижена на 7 рублей, производительность труда возросла на 27 проц. против плана. Коллектив завода взял обязательство улучшить качество стекла, перевыполнить годовое задание на 25 проц., дав стране 355 тыс. кв. метров стекла⁶.

В 1934 году по сравнению с предыдущим годом все отрасли промышленности республики достигли значительных успехов. Но этого было еще недостаточно для успешного выполнения предначертаний второго пятилетнего плана.

Задача состояла в дальнейшем улучшении работы партийных и профсоюзных организаций, руководителей предприятий. Необходимо было еще шире развернуть социалистическое соревнование за повышение производительности труда, улучшение качества и снижение себестоимости продукции, более интенсивно бороться за подготовку кадров, особенно из коренных народностей, в совершенстве овладеть техникой производства.

Наряду с огромными усилиями, направленными на выполнение и перевыполнение производственных заданий, рабочие промышленных предприятий республики оказывали большую помощь колхозному крестьянству. Эта помощь особенно усиливалась во время посевной и уборочной кампаний. Так, например, в период весенней посевной кампании 1933 года из промышленных предприятий в подшефные колхозы было направлено 13 ремонтных бригад из 29 слесарей и кузнецов⁷. Большую помощь подшефным колхозам оказывал махачкалинский шефсовет. В 1933 году шефсоветом было послано на помощь подшефным колхозам и сельсоветам 22 бригады по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, которыми было отремонтировано 386 плуга, 430 борон, 21 сеялка. Кроме того, шефсоветом посылались две бригады плотников, три бригады сапожников, которые отремонтировали 576 пар обуви. По сбору семян шефячейками было послано 34 бригады, по масовой работе — 4 бригады и одна агитационная бригада⁸.

В годы первой пятилетки промышленность республики располагала преимущественно старой техникой. В ходе выполнения второго пятилетнего плана количество техники

⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 15, д. 942, л. 8.

⁶ Газета «Дагестанская правда», 18 и 24 октября 1934 г.

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 15, д. 16, л. 86.

⁸ Газета «Дагестанская правда», 6 апреля 1933 г.

в народном хозяйстве все более и более увеличивалось. Только за первые два года второй пятилетки промышленность, транспорт и сельское хозяйство получили станков, машин и другого технического оборудования почти столько же, сколько за всю первую пятилетку. Уже к середине второй пятилетки, к 1935 г., СССР достиг решающих успехов в технической реконструкции народного хозяйства. По объему продукции машиностроения СССР в 1935 г. выдвинулся на второе место в мире и на первое место в Европе, а в целом по объему промышленного производства занял третье место в мире, после США и Германии, и второе место в Европе, обогнав Англию⁹.

Новая техника создала прочную базу для повышения производительности труда. Таким образом, возникло расхождение между ростом техники и ее освоением. Создалась опасность, что рост кадров, способных мастерски использовать новую технику, может не поспевать за ее развитием.

Остро встал вопрос о подготовке квалифицированных кадров, способных полностью использовать новую, усовершенствованную технику. Поэтому партия в мае 1935 года выдвинула лозунг: «Кадры решают все!», который являлся естественным дополнением лозунга: «Техника в период реконструкции решает все!».

Провозглашая новый лозунг, партия видела, что процесс овладения новой техникой уже совершается на практике. В промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и в других областях народного хозяйства развертывалось движение сквозных ударных бригад, общественных «буксиров», бригад образцового качества продукции, движение за пересмотр устаревших технических норм, встречных промфинпланов, хозрасчетных бригад и т. д. Большую роль в воспитании нового пополнения рабочего класса, в повышении квалификации рабочих сыграло возникшее в 1932 г. изотовское движение, названное по имени донецкого шахтера Никиты Изотова, выступившего инициатором обучения новых и отстающих рабочих. В ходе развертывания изотовского движения выявилась огромная тяга рабочих к приобретению квалификации. На многих предприятиях начали создаваться кружки по изучению технического минимума. В июне 1932 г. советское правительство вынесло постановление об обязательном техминимуме для основной массы рабочих промышленности.

Вопрос о подготовке технически образованных кадров в условиях Дагестана приобретал чрезвычайную остроту. К 1934 г. промышленность республики была оснащена пер-

⁹ В. В. Куйбышев. Статьи и речи, стр. 593.

воклассной техникой. Уже в 1933 г., подводя итоги развития промышленности за 8 месяцев, партийное совещание по промышленности отметило, что, несмотря на свою реальность, планы большинства промышленных предприятий не выполнялись. Промышленность, оснащенная новейшим оборудованием, имела все технические и материальные возможности для выполнения плана. Совещание отметило также, что производственный план 1932 г., когда технические и материальные возможности промышленности были намного хуже, за те же 8 месяцев был выполнен намного лучше, чем в 1933 г. В основном причина отставания в выполнении плана промышленными предприятиями республики заключалась в отсутствии достаточного технического руководства, в неумении использовать новое оборудование, новые станки и агрегаты.

Трудящиеся Дагестана горячо откликнулись на призыв партии овладеть знаниями, новой современной техникой, повысить культурно-технический уровень. На предприятиях проводились технические консультации, производственные инструктажи, были организованы многочисленные школы и курсы технического образования. Кружки технического минимума число слушателей которых быстро возрастало. По далеко неполным данным в Дагестане к концу 1935 г. через кружки технического минимума и различные курсы и школы по повышению квалификации прошло 30 тыс. человек.

Усилилась также и работа по подготовке специалистов средней и высшей квалификации. Число обучающихся в вузах и средних специальных учебных заведениях возросло в 1935 году до 4,1 тыс. человек, против 2,5 тыс. в 1932 г. Специальные средние учебные заведения республики в 1933—1936 гг. дали для народного хозяйства более 1280 молодых специалистов. Из крупных индустриальных центров страны наряду с оборудованием, станками, материалами в Дагестан направлялись и квалифицированные рабочие и инженерно-технические кадры. С их помощью рабочие Дагестана осваивали новую технику, приобретали квалификацию. Много было подготовлено кадров технической интеллигенции из представителей народностей Дагестана в специальных высших и средних учебных заведениях РСФСР, Азербайджана, Грузии, Украины и др.¹⁰

В ответ на призыв Коммунистической партии широко развернулось социалистическое соревнование за овладение и лучшее использование передовой техники, на основе которого трудящиеся Дагестана добивались значительного повышения производительности труда. В 1935 году движение передовых рабочих за освоение новой техники, за пересмотр старых технических норм получило название стахановского •

¹⁰ Очерки истории Дагестана, т. II, стр. 223—224.

движения — по имени донецкого забойщика А. Стаханова, вырубившего за смену 102 тонны угля, в 14 раз превысив обычную норму.

Центральный орган КПСС газета «Правда» полным голосом выступила в поддержку этого, нового, коммунистического, народного движения за высокую производительность труда на базе новой техники. Из номера в номер в газетах шли сообщения о новых производственных рекордах, назывались все новые и новые имена новаторов производства. Партия дала высокую оценку этому движению передовых рабочих и возглавила его.

Это движение новаторов за высокую производительность труда представляло собой новый этап социалистического соревнования масс. Оно являлось одним из замечательных результатов проделанной партией работы по политическому воспитанию масс, результатом роста культурно-технического уровня рабочего класса за годы пятилеток. Оно было неразрывно связано с утверждением социалистических производственных отношений во всех отраслях народного хозяйства, ростом материального и культурно-технического уровня трудящихся, с коренными изменениями взглядов на труд, с социалистическим отношением к труду.

Партийные организации смело подхватывали каждый новый почин в освоении новой техники, в замене устаревших низких норм высокими, и делали его всеобщим достоянием. Публикуя сообщения о первых рекордах, газеты с самого начала выдвигают принципиально важный лозунг «От соревнования одиночек к соревнованию масс».

Движение новаторов производства в Дагестане начало развиваться вслед за сообщением газет о рекордной выработке А. Стаханова в Донбассе. Первыми его последователями в Дагестане были рабочие бондарного завода Сергей Егоров и Любовь Бычкова ¹¹.

15 октября 1935 года Дагестанский обком партии обратился с письмом к секретарям первичных партийных организаций о развертывании движения новаторов производства, в котором предлагал всем партийным организациям, директорам предприятий и профсоюзным организациям широко разъяснить сущность движения новаторов и внедрять в практику дагестанских предприятий новые методы труда, привлекая к этому делу широкие массы рабочих и инженерно-технических работников, выявляя лучших ударников, популяризуя опыт и практику их работы ¹².

Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б), ВЦСПС 15 октября 1935 года принял «Обращение ко всем рабочим, инже-

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 17, д. 6, л. 245.

¹² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 16, д. 981, л. 31.

нерам, техникам, служащим, профорганизациям Советского Союза», призывавшее к широкому распространению новаторских методов труда и оказанию им всесторонней помощи. «Профессиональные союзы, — указывалось в обращении, — должны организовать соревнование таким образом, чтобы каждый ударник и отличник стремился стать стахановцем»²³. В Обращении подчеркивалось, что прямой обязанностью всех профорганизаций является широкий показ опыта и методов работы передовых рабочих, перенесение этого опыта из бригады в бригаду, из цеха в цех, с завода на завод.

Обращение ВЦСПС было обсуждено в коллективах промышленных предприятий республики. Партийные и профсоюзные организации широко разъясняли сущность и значение движения новаторов производства, пропагандировали их передовые методы труда. В этой работе участвовали руководители предприятий, инженеры, техники, передовые рабочие. Методы работы новаторов производства широко освещались в республиканской печати, в фабрично-заводских газетах.

В конце октября 1935 года состоялось совещание руководителей, секретарей партийных и председателей профсоюзных организаций предприятий с участием новаторов промышленности и транспорта.

Участники совещания делились опытом своей работы, вскрывали причины, тормозящие дальнейшее повышение производительности труда, и наметили мероприятия, направленные на дальнейшее развертывание движения новаторов.

В принятом на совещании обращении «Ко всем рабочим и инженерно-техническим работникам» отмечалось огромное политическое и хозяйственное значение этого движения. Выдвигались предложения об организации и руководстве им, об участии в нем рабочих, мастеров и всего технического персонала. В обращении приводились многочисленные примеры выдающихся успехов новаторов производства республики. Так, например, передовики движения новаторов в Дагестане — диспетчера Махачкалинского отделения железной дороги Пятаков, Семенцов, Майхер, Калиновский значительно повысили коммерческую скорость движения поездов. Составители поездов Чернышев, Павлов, Лутцев, Федотов, Орехов и Рагозин показывали образцы высокой производительности. Составители ст. Махачкала П Чернышев формировал поезда в 20—25 минут, вместо 88 минут по норме, Ткаченко формирование поезда с 88 минут довел до 18 минут, составитель ст. Дербент Федоров сократил время формирования поезда с 60 до 10 минут. Машинист депо ст. Дербент Астафьев стал

¹³ Газета «Правда», 17 октября 1935 г.

проводить поезда на участке Махачкала—Дербент со скоростью 45—50 км. в час, вместо 33 км по норме.

На предприятиях г. Каспийска также имелось немало новаторов, овладевших техникой и дающих рекордные выработки производственных норм. К их числу относились: каменолом Крикунов М. А. (выполнивший норму на 176 проц.), мотористка Шиянова М. (225 проц.), плотник Казитинский С. М. (197 проц.), бетонщик Хуразов М. (217 проц.), каменщик Макаров И. Г. (181 проц.), плотник Мысин Г. В. (177 проц.).

На рыбоконсервном заводе бригадир резчиков рыбы Данилова выполняла норму выработки на 220—240 проц. и добилась выполнения нормы всей бригадой на 200 проц. Давыдова Люба — резчица, перешла с одного станка на два, норму выполняя — на первом станке на 272 проц., а на втором — на 218 процентов.

Лучшие ткачи фабрики им. III Интернационала — Бокова, Кобылянская, Рогова, Катущенко, Полтавская, Фоменко, Григорьевская, Нурганова, Вахидова, Воробьева, Новикова и Степанова живо откликнулись на достижения ткачихи Вычугской фабрики им. Ногина Дуси Виноградовой и перешли с 4 станков на работу на 6 станках, повысив при этом производительность каждого станка.

Хорошо работали передовики производства разведочных участков Ачи-Су, Уйташ, строительства новой нефтегавани порта Махачкала и ряда других предприятий республики.

Участники совещания совместно с новаторами производства призвали коллективы предприятий шире развернуть социалистическое соревнование и с каждым днем множить ряды новаторов. Вокруг лучших людей промышленности и транспорта партийные, профсоюзные и комсомольские организации мобилизовали широкие массы рабочих и инженерно-технических работников на дальнейшее развертывание движения новаторов и успешное выполнение планов второй пятилетки.

Партийные организации прежде всего обеспечивали ведущую роль коммунистов в движении новаторов. Коммунисты, непосредственно работавшие у станков, в своем подавляющем большинстве являлись подлинными мастерами социалистического труда, инициаторами и организаторами новаторства. На ремонтно-механическом заводе, нефтесбыте, на Буйнакском кожобувином комбинате и в ряде других предприятий члены партии, занятые на производстве, все до одного были новаторами.

Традиционное предоктябрьское социалистическое соревнование в 1935 году было связано с началом движения новаторов и приобрело несравнимый с прежними годами размах. В связи с этим начиная со второй половины октября 1935

года движение новаторов производства в республике значительно усилилось. Об этом свидетельствуют имеющиеся по 11 предприятиям данные: ¹⁴

Число рабочих на 11 предприятиях	Из них стахановцев					% стахановцев к общему числу рабочих
	на сентябрь	на октябрь	на ноябрь	на декабрь	на январь 1936 г.	
13885	61	313	637	972	1303	9,4

Последний месяц дал большой прирост числа новаторов, особенно по Буйнакскому кожобувному комбинату, Гергель-ГЭС и Махачкалинскому бондарному заводу.

Приводимые ниже данные за три месяца 1935 г. свидетельствуют о том, что внедрение новаторских методов работы обеспечивали значительный рост производительности труда и перевыполнение производственных планов предприятий ¹⁵.

Наименования предприятий	% выполнения производств. плана		
	октябрь	ноябрь	декабрь
Рыбоконсервный завод	107,0	не работал	115
Кожобувной комбинат	95,0	105,5	114,7
Стеклозавод «Дагогни»	113,0	83,7	130,0
Хлопкоочистительный завод	112,3	127,3	159,2
Фабрика им. III Интернационала	89,1	94,6	102,4

В ответ на призыв партии выжать из техники максимум того, что она может дать, новаторы производства добивались перевыполнения норм выработки, внедрения передовых методов работы. Только на одном Буйнакском кожобувном комбинате среднегодовая выработка одного рабочего с 610 пар обуви в 1930 году возросла до 1120 пар в 1936 году ¹⁶.

Абакар Ахмедов, рабочий ичижного цеха этого кожобувного комбината первым на предприятии перешел на новаторские методы работы, добился выполнения задания на 390 процентов и передавал свой опыт другим рабочим.

Любовь Бычкова, зачинщица движения новаторов в республике, старшая рабочая бондарного завода, путем

¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 17, д. 6, лл. 37, 245.

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 17, д. 6, л. 40.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 34, л. 17.

предварительной сортировки и подноски полуфабрикатов к станкам подсобными рабочими, добилась выполнения задания на 308 процентов.

Давыдова Люба, баночница рыбоконсервного завода, первая на предприятии путем рационализации процессов труда добилась выполнения планового задания до 375 проц. и помогала многим работницам завода перенять новаторские методы труда.

Иван Задорожный — бригадир грузчиков промысла Главный Лопатин путем правильной расстановки сил и сокращения звеньев во время погрузки добился выполнения плана всей бригадой на 525 процентов.

Хайрулла Гарифулин — бригадир слесарей-монтажников на отлично сдал техминимум, норму выработки по монтажу оборудования выполнял на 935 процентов. Его бригада твердо закрепила за собой 575 процентов производительности труда.

Пырнов Г., каменщик, на отлично сдал техминимум, выполнял норму выработки на 953 процента¹⁷.

М. Махмудьяров — в результате внедрения новых, им разработанных методов труда добился высокой производительности, улучшил качество выпускаемой продукции, повысил выработку нефти.

Ш. Асламутдинов, кубовой кочегар добился большой производительности труда и значительной экономии топлива.

М. Ибрагимов, мастер соусного отделения махачкалинского рыбоконсервного завода, ввел новый метод варки соуса, и благодаря повышению производительности труда в этом отделении работу 9 рабочих стали выполнять 5 человек.

М. Абдулмеджидов — с Буйнакского кожобувного комбината, работая на строгальной машине в дубовом цехе до перехода на новаторские методы труда, выполнял норму на 144 процента. Теперь же он добился выполнения сменного задания до 375 процентов. Такие результаты были достигнуты за счет освоения техники производства, полной загрузки и рационального использования рабочего времени¹⁸.

В движение новаторов втягивалось все большее число женщин-горянок. На кожобувном комбинате Зоя Рашидова перевыполнила норму выработки в полтора—два раза. Высокой производительности труда добивались Баканова (Буйнакский консервный завод), Исламгереева (Хасавюртовский консервный завод), Уружбекова (фабрика им. III Интернационала)¹⁹.

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 17, д. 6, лл. 37, 39.

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 17, д. 6, лл. 37, 39.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 34, лл. 17, 21.

Движение новаторов производства охватило и артели промысловой кооперации в горных районах республики. В 1936 году в кумухской трикотажной артели было 27 горянок-новаторов, в мугинской трикотажной артели — 11, в хунзахской — 8 и т. д. Все они выполняли норму выработки от 200 до 300 процентов²⁰.

К середине ноября 1935 года, когда движение новаторов производства приняло уже широкий размах и его опыт требовал обобщения в общегосударственном масштабе, Центральный Комитет ВКП(б) решил провести в Москве совещание рабочих и работников-стахановцев промышленности и транспорта. Всесоюзное совещание открылось 14 ноября 1935 г. В нем приняли участие 3 тыс. передовых рабочих и работников тяжелой, легкой, пищевой и лесной промышленности и железнодорожного транспорта. Совещание открыл Г. К. Орджоникидзе. Движение новаторов он назвал «подлинно народным движением верных сынов социалистической родины»²¹.

Совещание проходило в обстановке большого политического подъема. За четыре дня на нем выступило 83 оратора, в том числе 49 рабочих и работниц. Каждое выступление на совещании служило демонстрацией тесной сплоченности рабочего класса вокруг коммунистической партии и Советского правительства. Выступления были насыщены большим фактическим материалом. Они вскрывали серьезные недостатки в работе промышленности и транспорта, указывали на встречающиеся трудности. На совещании выступили руководители коммунистической партии и Советского правительства. Они горячо приветствовали всех рабочих-новаторов, внимательно выслушивали их претензии, замечания и предложения.

Значение Первого Всесоюзного совещания новаторов производства состояло в том, что оно обобщило накопленный рабочими опыт освоения новой техники, определило перспективы борьбы за быстрое и неуклонное повышение производительности труда и придало новую силу движению новаторов.

Вслед за Первым Всесоюзным совещанием новаторов с 25 по 28 ноября 1935 г. на промышленных предприятиях республики проходили слеты новаторов производства. На этих слетах был вскрыт ряд недостатков в руководстве движением новаторов. Основным недостатком было резкое отставание хозяйственных руководителей предприятий и инженерно-технических работников от энтузиазма и творческой инициативы масс. На слетах отмечалось также совершенно недостаточное руководство и помощь этому движению со стороны партийных и профсоюзных организаций.

²⁰ Архив Дагестанского обкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 462, л. 6.

²¹ Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи, стр. 378.

Большую роль в дальнейшем развертывании движения новаторов сыграло созванное 29 ноября 1935 года первое республиканское совещание стахановцев промышленности и транспорта, на котором приняли участие 250 лучших новаторов производства. Лучшие люди Дагестана с трибуны этого совещания рапортовали о результатах перестройки работы. Они разработали практические мероприятия по реализации указаний партии по выявлению новых возможностей в промышленности и транспорте, по поднятию производительности труда и устранению недостатков, которые тормозили успешное развертывание движения новаторов производства.

В принятом на совещании обращении «Ко всем стахановцам, ко всем рабочим и инженерно-техническим работникам промышленности и транспорта Дагестана» участники совещания писали: «Мы призываем всех рабочих и итр повести повседневную деловую борьбу за внедрение стахановских методов труда у каждого станка, в каждой бригаде, на каждом агрегате, в каждом цехе, чтобы тем самым в ближайшее время добиться создания сплошных стахановских цехов, сплошных стахановских фабрик, заводов,строек, разведок, депо, участков и т. д.»²².

После совещания соревнование с каждым днем принимало все более широкий размах. Многие новаторы после совещания на деле показали, что те достижения, которых они добились, не являются пределом. Так, например, асфальтировщик Анохин, по возвращению с совещания, 2 декабря со своей бригадой выполнил задание на 463 проц., а в следующий день — на 732 проц., а в последующие дни эта бригада достигла 780 процентов выработки²³.

Развивающееся движение новаторов производства, как и всякое прогрессивное движение, на своем пути встретило сопротивление со стороны отдельных несознательных, а порой и прямо враждебных элементов. Часть инженерно-технических работников, находясь в плену старых представлений о технических нормах, не сумела сразу отрешиться от старых норм, приемов, поддержать это новое движение и возглавить его. Факты, свидетельствующие об этом, имели место на нефтепромыслах Избербаша, на рыбоконсервном заводе, на строительстве Дворца труда, на Хасавюртовском хлопкоочистительном заводе и ряде других предприятий²⁴.

Часть хозяйственников явно недооценивала важность организации и руководства движением новаторов производства. Они не сразу поняли, что это движение, подготовленное всем предшествующим развитием страны, многолетними уси-

²² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 16, л. 1030, л. 18.

²³ Газета «Дагестанская правда» 12 декабря 1935 года.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 17, д. 6, л. 42.

лиями партии, требует от них настойчивой и кропотливой организаторской работы и политического руководства.

Партийные и профсоюзные организации республики беспощадно пресекали всякое противодействие движению новаторов производства со стороны консервативной части хозяйственников и инженерно-технических работников, всемерно помогали тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые шли навстречу этому движению, но не сумели еще возглавить его.

Партийные организации вели борьбу и против фактов извращения сущности движения новаторов производства. На фабрике им. III Интернационала был период, когда новатором считали каждого рабочего, перешедшего на обслуживание большего количества станков (с 4 на 6 станков), хотя он систематически не выполнял норму выработки. В некоторых предприятиях вместо организации движения новаторов, их «выявляли» в конце месяца по результатам выработки.

Большую роль в дальнейшем развертывании массового движения новаторов производства, перестройке всей хозяйственной работы и совершенствовании методов партийного руководства социалистическим соревнованием сыграл состоявшийся в декабре 1935 года Пленум Центрального Комитета партии. Пленум заслушал доклад народного комиссара тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе и народных комиссаров легкой, пищевой, лесной промышленности и путей сообщения по вопросам промышленности и транспорта в связи с движением новаторов производства. В работе Пленума ЦК ВКП(б) принимало участие около 3 тыс. хозяйственников, инженеров, техников, рабочих-новаторов.

В решениях декабрьского Пленума ЦК помимо определения основных общих задач движения новаторов была тщательно разработана конкретная программа для каждой отрасли промышленности, с учетом ее состояния, специфики и особенностей технической базы, общегосударственного баланса металла, топлива, сырья. В разных отраслях промышленности проблема увеличения объема производства и повышения производительности труда решалась по-разному. Пленум рекомендовал конкретные мероприятия отдельно для тяжелой промышленности, отдельно для легкой, пищевой, лесной промышленности и для железнодорожного транспорта.

Декабрьский Пленум ЦК ВКП(б) уделил особое внимание повышению технической квалификации рабочих и работниц, что должно было обеспечить успешное освоение новых норм. Пленум ЦК ВКП(б) указал, что «необходимо, наконец, сделать обучение техническому минимуму всеобщим и обязательным для всех рабочих и работниц, подчинив это важнейшее дело задаче подъема культурно-технического уровня

рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда»²⁵.

Опираясь на решения декабрьского Пленума, партия по-ленински организовала и возглавила народное движение за высокую производительность труда. Решения Пленума стали боевой программой Дагестанской партийной организации в деле развития движения новаторов производства. В связи с развертыванием движения новаторов коренным образом была перестроена работа промышленности и транспорта; на предприятиях вводились новые технические нормы и велась борьба за их освоение; всем консервативным элементам, цеплявшимся за старые нормы и заниженные проектные мощности, был дан решительный отпор; широко развернулась техническая учеба рабочих, усилилась борьба за внедрение в производство прогрессивных методов труда.

Для освоения новых норм важное значение имело организованное в соответствии с решением декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) массовое обучение рабочих. Во многих местах застрельщиками технической учебы, ее организаторами, а также руководителями различного рода кружков и школ явились наиболее активные новаторы производства и инженерно-технические работники.

Повышение квалификации рабочих осуществлялось путем организации кружков техминимума, курсов мастеров социалистического труда и индивидуально-бригадного ученичества²⁶.

В организации технической учебы в 1936 г. наилучших результатов добился ремонтно-механический завод. На этом предприятии в техническую учебу включился весь состав рабочих. Различного рода курсовыми мероприятиями и техминимумом было охвачено 204 чел., окончили учебу и сдали экзамен 144 чел., были переведены на повышенные курсы 61 чел. На заводе была организована специальная группа из рабочих-новаторов, подготавливавшихся для поступления в технические вузы. 129 рабочих и служащих обучались на производственно-технических курсах мастеров социалистического труда²⁷.

В Буйнакском кожобувном комбинате в 1935 году курсами техминимума было охвачено 67 чел., а в 1936 г. были организованы дополнительно курсы повышенного техминимума на базе 4-х классов и курсы мастеров социалистического труда, на которых обучалось 141 человек. В 1937 году на различных курсах повышения производственной квалификации занимался 161 человек.

²⁵ КПСС в резолюциях... т. II, изд. 7, стр. 814.

²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 34, л. 13.

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 22, д. 363, л. 65—66.

На стекольном заводе «Дагестанские огни» в 1935 году на производственно-технических курсах обучалось 90 чел., в 1936 году эти курсы окончили 415 человек. В 1937 году было охвачено техническим обучением 200 человек. При заводе была создана школа фабрично-заводского обучения, где обучался 61 человек.

В системе «Дагнефть» в 1936 году на курсах мастеров социалистического труда обучалось 79 человек. С отрывом и без отрыва от производства было подготовлено 67 квалифицированных рабочих и 77 шоферов. В 1937 г. через курсы техучебы прошло более 50 человек.

На предприятиях Дагвинпромтреста в 1936 году было охвачено техучебой 173 чел., в 1937 г. — 508 человек²⁸.

В отношении организации технической учебы среди молодых рабочих большую работу проводили комсомольские организации. По их инициативе на фабрике им. III Интернационала в 1936 году сдали техминимум 201 человек. Кроме того, там были организованы курсы новаторов производства, где занималась молодежь, уже сдавшая техминимум и курсы по изучению новаторских методов работы, которыми было охвачено 270 человек. Комсомольцы и молодежь заводов «Дагестанские огни» и «Дагюн», винкомбината также организовали общеобразовательные и технические курсы. На Дербентском консервном заводе был создан учебный комбинат, где обучались 427 комсомольцев. В Махачкалинском рыбоконсервном заводе в 1936 году техучебой было охвачено 58 молодых рабочих, в том числе 23 комсомольца.

После введения новых норм выработки комсомольцы с большим энтузиазмом взялись за их освоение и дальнейшее повышение производительности труда. Уже в 1936 году на предприятиях республики имелось 1022 молодых новатора производства, полностью освоивших новые нормы труда. Среди них — Стефанов Сафанья — смазчик поездных бригад и Мурсалов Гашим — директор рыбозавода Буйнак, которые были награждены орденами «Знак почета».

Большая работа была проведена по выполнению решений Крайкома и Дагестанского обкома ВКП(б) о привлечении девушек-горянок к работе в промышленных предприятиях республики. В результате этой работы в производство было вовлечено 435 девушек-горянок и организовано их обучение различного рода производственным квалификациям через ФЗУ и другие курсовые мероприятия²⁹. На основе решений декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) профсоюзные организации добивались привлечения инженерно-технических работников

²⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 18, д. 801, лл. 15, 31, 66—68.

²⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 18, д. 144, лл. 45, 47, 51.

к активному участию в развертывании движения новаторов и организации технической учебы их.

В результате этого многие инженерно-технические работники промышленных предприятий республики стали подлинными организаторами новаторских методов труда. На бондарном заводе техники Израилевич и Чернов практически помогали рабочим освоить методы работы новаторов, руководили кружками по повышению квалификации рабочих. На строительстве Гергебиль-ГЭС инженер Завалишин явился инициатором организации техучебы, разработал программу и сам проводил занятия. На Буйнакском кожбувном комбинате все инженерно-технические работники горячо откликнулись и поддержали движение новаторов, они оказывали помощь рабочим в устранении производственных неполадок и в овладении ими техникой производства. На предприятиях г. Каспийска инженерно-технические работники, такие, как Лацко, Макаров, Сошников, Крымский, Бабаев, Басмаев, Семенов, Болад, Павлюк и многие другие, были активными борцами за передовые новаторские методы труда и ликвидацию технической неграмотности рабочих.

В рыбной промышленности, которая чрезвычайно отставала в выполнении плановых заданий, Крайкомом союза рыбаков была выявлена бездеятельность бюро инженерно-технических работников. В ноябре 1935 года неработоспособное бюро ИТР было распущено и избрано новое. В результате этого было достигнуто общее оживление работы. Все инженерно-технические работники были посланы на рыбозаводы для оказания практической помощи по внедрению новаторских методов труда в рыбной промышленности. Было проведено индивидуальное прикрепление инженерно-технических работников к отдельным новаторам, организованы курсы и кружки по повышению квалификации рабочих³⁰.

Рабочие и инженерно-технические работники повсеместно проявляли творческую активность в рационализации процессов производства, в разработке новых технических усовершенствований. За период 1935—1936 гг. рабочими предприятий и инженерно-техническими работниками было внесено 1200 изобретений и рационализаторских предложений. Экономический эффект от внедренных в производство этих изобретений составил 2 млн. рублей³¹.

На основе широко развернувшегося в республике движения новаторов в 1935 году было достигнуто повышение производительности труда рабочих государственной промышленности республики на 22,3 проц. Производственные планы 1935 года промышленностью республики (без рыбной) были

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 17, д. 6, лл. 40—41.

³¹ Очерки истории Дагестана, т. II, стр. 225.

выполнены на 100,5 процентов³². 1935 год явился годом резкого перелома в работе консервной промышленности. Впервые в этом году консервная промышленность Дагестана досрочно выполнила годовой план, выработав 36385 тыс. банок консервов против плана в 28800 тыс. банок, что означал прирост продукции на 49 проц. против 1934 г. и на 61 проц. против 1933 года. Перевыполнив план и повысив качество продукции, консервная промышленность имела 5 млн. руб. накоплений при плане 1300 тыс. рублей³³.

Быстро развивавшееся движение новаторов производства, охватившее все отрасли промышленности и транспорта, выдвинуло перед профсоюзными организациями актуальнейшую задачу перестройки работы и улучшения обслуживания растущих культурно-бытовых запросов новаторов производства. В связи с этим Дагестанский совет профессиональных союзов с 1 февраля по 1 октября 1936 года провел конкурс профсоюзных организаций на лучшее обслуживание передовиков. Условия конкурса предусматривали:

1. Полную ликвидацию неграмотности и малограмотности среди рабочих-новаторов.

2. Охват технической учебой всех новаторов.

3. Охват курортно-санаторным лечением всех больных новаторов производства.

4. Обеспечение установки радиоточек на квартирах лучших новаторов и во всех общежитиях рабочих.

5. Приведение в образцовый порядок в санитарно-культурном отношении квартир и общежитий новаторов производства.

6. Полный охват дошкольными учреждениями детей новаторов производства и обеспечение бесплатными горячими завтраками их детей — школьников³⁴.

Добиваясь массовости движения новаторов, партийные и профсоюзные организации осуждали попытки отгораживания передовиков от всей массы рабочих, создать особо благоприятных условий для отдельных новаторов. Задача состояла в том, чтобы создать всем рабочим необходимые условия для повышения производительности их труда. Исходя из этого партийные и профсоюзные организации, руководители предприятий, наряду с созданием наиболее благоприятных условий для новаторов производства, проявляли постоянную заботу об улучшении культурно-бытовых условий всех рабочих, оказывали практическую помощь рабочим, пока что не выполнявшим норм выработки, предупреждали против недооценки ударничества, как ближайшего резерва новаторства, заботились о постоянном улучшении организационно-тех-

³² Очерки истории Дагестана, т. II, стр. 225.

³³ Газета «Дагестанская правда», 21 января 1936 г.

³⁴ Газета «Дагестанская правда», 9 февраля 1936 г.

нического руководства производством, планирования, снабжения, учета выполненной работы.

Конец 1935 года и начало 1936 г. были отмечены в Дагестане новыми формами движения новаторов. Это движение, начавшееся в форме выдающихся достижений, рекордов отдельных рабочих, приобрело массовый характер. Во многих предприятиях республики передовые методы труда стали достоянием целых коллективов, бригад, цехов, смен. 23 декабря 1935 года в Дагестане впервые была проведена новаторская смена на предприятиях г. Каспийска. Если до этого на стройке числилось 272 новатора, то после ее проведения число новаторов возросло до 822 человек.

В декабре 1935 года новаторская смена проводилась на Буйнакском кожобувном комбинате, 3 января — на бондарном заводе. В результате проведения новаторской смены план был выполнен на 129,1 проц., тогда как раньше он систематически не выполнялся, а на 31 декабря был выполнен лишь на 98,3 проц. 4 января 1936 г. план был выполнен на 131,3 проц., 5 января — на 144 проц. Количество новаторов возросло до 37 чел. вместо 25 в декабре 1935 года. Везде, где только проводились новаторские смены, возрастало число передовиков производства, улучшалась организация труда, резко повышалось выполнение норм и производственных заданий предприятий.

В связи с опубликованием 12 июня 1936 года проекта новой Конституции СССР и последующим ее всенародным обсуждением, социалистическое соревнование и движение новаторов поднялось на новую, более высшую ступень. Обсуждение проекта Конституции СССР сопровождалось повышением политической и производственной активности трудящихся масс. Результатом этого явилось досрочное выполнение и перевыполнение рядом промышленных предприятий планов по количественным и качественным показателям. О массовом

Наименование предприятий	К-во новаторов		Наименование предприятий	К-во новаторов	
	на I. I. 36 г.	на I. XI. 36 г.		на I. VII. 36 г.	на I. XI. 36 г.
Фабрика «Дагюн»	5	91	Консервные заводы:		
Мебельная фабрика	12	44	Махачкалинский	155	187
Ремонтно-механический завод	14	96	Буйнакский	50	163
Кожобувной комбинат	14	139	Дербентский	66	206
Дагвинпромтрест	40	149	Хасавюртовский	72	80
Итого:	85	519	Итого:	343	639

характере движения новаторов в этот период свидетельствуют вышеуказанные данные ³⁵.

Широкое распространение получило движение новаторов на предприятиях г. Каспийска. Здесь отдельные цеха и участки целиком становились новаторскими, многие рабочие выполняли новые нормы на 200 и более процентов. Бригада слесарей-монтажников, руководимая орденосцем Гарифулиным, достигла самой высокой производительности труда, выполнив 16 ноября 1936 года норму на 741 процент. Бригада Гарифулина приняла обязательство систематически выполнять норму не менее, чем на 400 проц., с отличным качеством работ, и призвала рабочих всех предприятий республики последовать её примеру.

На избербашских нефтепромыслах число новаторов в период всенародного обсуждения проекта Конституции возросло втрое, с 60 до 180 человек ³⁶.

К концу 1936 года коллектив рыбоконсервного завода перешел на сплошную новаторскую работу. Этому предшествовала большая подготовительная работа. К бригадам, цехам и отдельным участкам были прикреплены ответственные работники, коммунисты и комсомольцы, которые в процессе работы, вместе с новаторами производства выявляли новые возможности увеличения производительности труда и мощностей оборудования. В результате этого на заводе постоянно росло число новаторов, новаторских бригад и цехов. Первая стахановка этого завода Люба Давыдова за высокие производственные показатели и заслуги в развертывании новаторского движения на предприятии была награждена орденом «Знак почета» ³⁷.

О массовом характере движения новаторов в промышленности Дагестана свидетельствуют следующие данные: в 1936 г. удельный вес новаторов среди производственных рабочих местной промышленности возрос с 10 до 25 проц., число новаторов на предприятиях консервной промышленности, стекольном заводе «Дагестанские огни», химическом заводе и Буйнакском кожобувном комбинате только за вторую половину 1936 г. увеличилось втрое ³⁸.

Важнейшим результатом трудового подъема рабочего класса, вдохновляемого и направляемого Коммунистической партией, явился достигнутый в 1936 году значительный рост производительности труда, ставший основным источником

³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 22, д. 363, лл. 64—65

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 22, д. 363, л. 67.

³⁷ Газета «Дагестанская правда», 26 сентября 1936 г.

³⁸ А — К. И. Эфендиев. «Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920—1940 гг.)», 1960, стр. 131.

нового подъема промышленного производства на предприятиях республики. В 1936 году промышленность Дагестана выработала продукции на 25,2 проц. больше, чем в 1935 году. Годовой план выпуска промышленной продукции был выполнен на 100,9 проц. Продукции местной промышленности увеличилась на 49,6 проц. Вся продукция промышленности республики в 1936 году в неизменных ценах 1926—1927 гг. составила 110,8 млн. руб. против 75,7 млн. руб. в 1932 году³⁹. Среднемесячная выработка одного рабочего возросла на 26,9 проц. и заработная плата на 18 процентов⁴⁰.

К XIX годовщине Октябрьской социалистической революции с досрочным выполнением производственных заданий 1936 г. пришли следующие предприятия⁴¹:

Наименование предприятий	Годовой план в тыс. руб. (в ценах 1926—1927 гг.)	Фактическое выполнение	На какое число выполнен годовой план
Фабрика «Дагюн»	1437,1	1464,1	1 октября
Мебельная фабрика	966,0	1013,0	1 ноября
Ремонтно-механический завод	1287,7	1288,0	3 ноября
Кожобувной комбинат	2551,0	2653,7	4 ноября
Дагвинпромтрест	11530,0	11630,0	20 октября

Консервные заводы	План в тыс. усл. банок	% выполнения
Махачкалинский	6631,5	102,0
Буйнакский	9205,5	114,1
Хасавюртовский	5387,0	101,6
Дербентский	10319,1	110,2
Горские пункты	8432,9	115,5
Касумкентский	1448,5	111,4
Кизлярский	161,0	—
Итого	41585,5	109,9

Передовым предприятием местной промышленности являлся ремонтно-механический завод, завоевавший в 1936 году переходящее Красное знамя ЦИК Дагестанской АССР. Завод к 3 ноября выполнил годовую программу. Заводская

³⁹ Основные установки и показатели плана развития народного хозяйства и социально-культурного строительства Дагестанской АССР на третью пятилетку (1938—1942). Госплан ДАССР, М-К, 1937, стр. 1.

⁴⁰ Газета «Дагестанская правда», 17 июля 1937 г.

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 22, д. 363, л. 64—65.

себестоимость продукции была снижена на 1 проц., брак по чугуно-литью был ниже планового на 0,25 проц., производительность одного рабочего составила 111 проц. к плану. На заводе из месяца в месяц росло число новаторов. Новые технические нормы, введенные с 1 октября 1936 г., перевыполнялись большинством рабочих-сдельщиков. Так, например, инициатор движения новаторов на заводе слесарь, бригадир Шишкин выполнял новые нормы на 160 проц., кузнец Минаев на 168 проц., токарь Базиев на 187 проц., слесарь Коцарь на 191 проц.

В 1936 году быстрыми темпами шло строительство электростанций. К концу года в Дагестане имелось уже более 100 электростанций⁴².

1936 год для молодой нефтяной промышленности Дагестана был характерен переходом от многолетнего изучения и разведки к промышленному бурению и эксплуатации богатых нефтяных месторождений. Первый фонтан дагестанской нефти ударил в апреле 1936 года из скважины № 8. К концу года республика получила второй фонтан нефти из скважины № 11, пробуренной под дно Каспийского моря. Была закончена проходка еще 5 скважин⁴³.

Не менее огромны были достижения трудящихся Дагестана в социалистической реконструкции железнодорожного и водного транспорта. Была произведена реконструкция путевого и паровозного хозяйства. В Махачкалинском порту заканчивалось строительство первой очереди новой нефтегавани. Грузооборот Махачкалинского отделения железной дороги с 1,2 млн. тонн в 1913 г. вырос до 5,4 млн. тонн в конце 1936 г. Грузооборот порта соответственно возрос с 700 тыс тонн до 7 с лишним млн. тонн⁴⁴.

Задача партийных, советских, профсоюзных организаций и хозяйственных руководителей состояла в том, чтобы в 1937 году еще организованнее направлять трудовой энтузиазм коллективов промышленных предприятий на закрепление и дальнейшее развитие достигнутых успехов. Большую роль в осуществлении этой задачи сыграл почин донецких сталеваров. 30 декабря в г. Мариуполе состоялся слет сталеваров-новаторов Донбасса, созданный Донецким обкомом КП(б)У. Участники этого слета обратились ко всем сталеварам Советского Союза с предложением продлить социалистическое соревнование, начавшееся по инициативе известного сталевара Макара Мазая, на 1937 год с тем, чтобы с самого начала

⁴² Дагестан накануне выборов в Верховный Совет СССР, Даггиз, 1937, стр. 12—13.

⁴³ Газета «Дагестанская правда», 12 января 1937 г.

⁴⁴ Дагестан накануне выборов в Верховный Совет СССР, Даггиз, 1937, стр. 13.

1937 года давать стране такое количество стали, которое обеспечило бы выполнение по всей стране программы в 60 тыс. тонн стали в сутки.

По всей стране ширилась новая волна трудового подъема. Этот новый подъем социалистического соревнования органически был связан с принятием новой Советской конституции и тем удовлетворением, с которым были восприняты сообщения о выполнении второй пятилетки многими предприятиями и отраслями народного хозяйства в четыре года.

10 января 1937 года бюро Дагестанского обкома ВКП(б) утвердило план организационно-массовых мероприятий по обсуждению обращения донецких сталеваров на промышленных предприятиях республики. Двухтысячный коллектив «Дагнефти» после обсуждения письма донецких сталеваров с большим воодушевлением включился в соревнование за перевыполнение плана 1937 года и обратился ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим промышленности и транспорта Дагестана с призывом развернуть соревнование за досрочное выполнение плана 1937 года.

Буровые бригады, мастера бурильщики, эксплуатационники, строители обязались годовой план выполнить к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, бурить еще лучше, еще быстрее, и все скважины сдавать в отличном состоянии. В своем обращении нефтяники писали: «Мы обращаемся к вам, чтобы и вы, взяв на себя конкретные обязательства в борьбе за лучшие показатели в 1937 году, поставили перед собой основной задачей вовлечение в соревнование отстающих рабочих вашего производства. Добьемся того, чтобы промышленность и транспорт Дагестана всеми звеньями твердо и уверенно шли к новым победам»⁴⁵.

Самое замечательное в новом подъеме социалистического соревнования заключалось в том, что уже с первых дней принятые обязательства подкреплялись завоеванием новых успехов. Так, например, нефтяники Дагестана добились перевыполнения плановых заданий на 7 скважинах из 10.

На призыв нефтяников отзывались одно предприятие за другим. В соревнование включились коллективы Махачкалинского порта, мебельной фабрики, фабрики им. III Интернационала, предприятия города Каспийска, Хасавюрта и Буйнакса. Коллектив Махачкалинского ремонтно-механического завода обязался выполнить годовой план к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и превратить завод целиком в новаторский, а коллективы гвоздильного и литейного цехов обязались стать новаторскими не позднее 1 мая 1937 года.

⁴⁵ Газета «Дагестанская правда», 12 января 1937 г.

В феврале 1937 года московские и тульские железнодорожники обратились ко всем железнодорожникам Советского Союза с призывом шире развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов 1937 года. Поддержав этот почин, рабочие Махачкалинского узла выступили инициаторами социалистического соревнования на Северо-Кавказской железной дороге. Они обязались работать безаварийно, увеличить скорость продвижения порожняка и груженных составов, сократить сроки формирования поездов, досрочно выполнить плановые задания по всем показателям.

Так, например, все 83 работника станции Хасавюрт обязались ежемесячно перевыполнять план погрузки составов на 20 процентов и этим обеспечить выполнение годового плана к 7 ноября. Одновременно они поставили перед собой задачу сделать коллектив станции полностью новаторским. Большой подъем энергии в эти дни наблюдался в бригадах грузчиков. Среди 31 грузчика станции 15 человек были новаторами и не было ни одного не выполняющего норму выработки. Бригада Мирзоева ежедневно выполняла норму погрузки на 150 процентов.

В этот период в республике новаторские методы работы, дающие высокую производительность труда и повышение качества продукции, постепенно становились достоянием целых бригад, цехов и предприятий. Как было сказано выше, отдельные коллективы уже включились в борьбу за превращение своих объектов в новаторские.

Социалистическое соревнование, развернувшееся в 1937 году по призыву донецких сталеваров, московских и тульских железнодорожников, в последующем развивалось под лозунгом достойной встречи XX годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и выборов в Верховный Совет СССР.

В сентябре 1937 года состоялось совещание новаторов производства предприятий г. Махачкалы. Совещание сыграло важную роль в дальнейшем развитии движения новаторов, в расширении рядов передовиков производства. На совещании были вскрыты серьезные недостатки в руководстве движением новаторов, выяснилось, что отдельные хозяйственники и профсоюзные работники тормозили новаторство, не заботились об удовлетворении материальных и культурных нужд передовых людей производства. Выступления участников совещания, его решения и последующие мероприятия областного комитета партии нацелили внимание партийных, профсоюзных организаций, руководителей наркоматов и предприятий на ликвидацию имевшихся недостатков, на более четкое и постоянное руководство движением новаторов, на создание на всех предприятиях нормальных условий для высокопроизводительного труда.

Участники совещания новаторов предприятий г. Махачкалы приняли обращение ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам, хозяйственникам предприятий города и республики с призывом организовать во всех промышленных предприятиях соревнование за досрочное выполнение плана 1937 года к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Новаторы производства, лучшие производственники фабрик, заводов и других промышленных предприятий еще до этого совещания начали предоктябрьское социалистическое соревнование. После обсуждения обращения на предприятиях республики, соревнование за перевыполнение производственных заданий, поднятие производительности труда и улучшение качества продукции приняло исключительно широкий размах, и предприятия от отдельных новаторских рекордов стали переходить к коллективному высокопроизводительному труду, к массовым новаторским рекордам.

В 1937 году ежегодное традиционное предоктябрьское социалистическое соревнование приобрело особое значение. Дело в том, что в октябре был объявлен день выборов в Верховный Совет СССР. В период избирательной кампании партийные организации развернули большую политическую работу. Состоялось выдвижение кандидатов в депутаты, в их числе кандидатами в депутаты Верховного Совета были выдвинуты лучшие новаторы производства, повсеместно проводились встречи кандидатов в депутаты с избирателями, было опубликовано и широко обсуждалось обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям. Все это вызвало большую политическую и производственную активность самых широких слоев рабочего класса республики, и предоктябрьское социалистическое соревнование приняло невиданный доселе размах.

В начале сентября 1937 г. на предприятиях г. Каспийска по инициативе новаторов-двухсотников тт. Данилкина, Павлова, Костенко, Русиянова, Шушникова и других был объявлен производственный поход имени XX годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Рабочие производственных цехов и строители развернули социалистическое соревнование под лозунгом: встретим великий праздник новыми производственными победами. Двухсотники-новаторы прорабства Тискина П. обязались ко дню праздника Октября сдать в эксплуатацию административное здание и окончить кладку нового здания для фабрично-заводской школы. Рабочие и инженерно-технические работники городского строительного участка поставили своей задачей закончить строительство двух больших домов для больницы со всеми подсобными зданиями, летнего театра, клуба, 6 магазинов и ресторана.

Уже на другой день после принятия обязательств бригада асфальтировщика-новатора Анохина А. выполнила задание на 214 процентов, бригада мостовщиков Петрова К. перекрыла норму в два раза, бригада путевых рабочих Чистякова И. выполнила задание на 200 процентов⁴⁶. Отдельные бригады перевыполняли свои нормы в 2—3 и более раза. Бригады штукатуров Козлова С. и Швандерова В. выполняли свои задания на 350 проц., бригада Чернышева — на 364 процента.

Рабочие цеха Фурко завода «Дагестанские огни» 18 сентября обсудили обращение новаторов производства г. Махачкалы. Старший мастер цеха Таймуттар Мусаев заявил: «Мы с радостью принимаем призыв передовых рабочих нашей столицы о развертывании социалистического соревнования в честь XX годовщины Октября и даем обязательство выполнить и перевыполнить годовой план». Передовая комсомольская смена этого цеха дала обещание неустанно повышать темпы работы, перевыполнить годовой план количественно и по качеству, передавать свой опыт работы другим сменам. Комсомольцы цеха горячо взялись за выполнение принятых обязательств. Так, например, резчик первой руки, комсомолец-новатор т. Марданов М., работал на двух станках, выработал 600 метров первосортного стекла, выполнив свою дневную норму на 183 проц. Месячный план выпуска продукции стекольным заводом в целом был выполнен на 80 проц. уже к 14 сентября⁴⁷.

Вступив в социалистическое соревнование, железнодорожники Махачкалинского отделения добивались все новых и новых успехов. В соревновании с коллективом махачкалинского депо рабочие дербентского депо завоевали первенство. Они значительно снизили процент больных паровозов, перевыполняли техническую скорость движения поездов на 4 проц., образцово подготовились к зиме. Машинисты дербентского депо М. Гусейнов и И. Петренко добились увеличения скорости движения поездов на 30 проц. Машинист махачкалинского узла Чернышенко Н. довел скорость пробега поездов до 50 километров в час. Слесарь паровозного депо Денисенко В. на ремонте автотормозов выполнял норму на 240—250 проц., слесарь вагонного депо Мусаев М. производил смену подшипников за 7 минут при норме 22 минуты. Слесари Рамхин А. и Колесников П. на смену рессоры тратили 7 минут при норме 21 минута.

С первого декабря 1937 года по инициативе новаторов промышленности г. Москвы началась декада новаторских рекордов, посвященная выборам в Верховный Совет СССР,

⁴⁶ Газета «Дагестанская правда», 14 сентября 1937 г.

⁴⁷ Газета «Дагестанская правда», 20 сентября 1937 г.

состоявшимся 12 декабря. Многие предприятия республики в эту декаду добились высокой производительности труда. Литейный цех Махачкалинского ремонтно-механического завода, не выполнивший в ноябре суточных заданий, в первый день декады выработал 4200 кг чугунного литья против нормы 3037 килограммов. 2 декабря литейщики при том же задании дали 4625 кг литья, или 152 проц. плана. Гвоздильный цех на протяжении всего года не выполнял производственные планы, а в период декады систематически перевыполнял план, выработывая более 7500 кг гвоздей при плане 7400 килограммов. Наилучших результатов по этому цеху добился Ибрагимов М. Во второй день декады он выработал 345 кг гвоздей сверх нормы, гвоздильщик Алиев П. дал сверх плана 245 кг гвоздей. Перевыполняли план механо-сборочный и кроватный цехи. 1 и 2 декабря бригада Кислова Н. выработала 12 тыс. штук мебельных пружин при дневной норме 450 пружин.

2 декабря вахта бурильщика Акимова на глубине 1020 метров пробурила 16 метров, перевыполнив норму на 229 проц., Кошиков И. на глубине 1276 метров пробурил 10 метров при задании 4 метра.

На фабрике им. III Интернационала токарь механической мастерской Муладиев М. в первый и второй дни декады выполнял план на 217 процентов. Коллектив ватного цеха в первый и второй дни декады выполнял план на 217 процентов. Коллектив ватного цеха в первый день декады выполнил план на 106,3 проц., а во второй день на 107 процентов.

В период проведения декады лучших результатов добился Буйнакский кожбувной комбинат. Здесь каждый день декады приносил новые успехи. Передовые кожевники намного перекрыли свои прежние рекорды. Так, например, новатор-затяжчик обуви Османов Б. за ноябрь обработал 396 пар обуви (233 проц. нормы), а во время декады стал обрабатывать по 484 пары (285 проц. нормы). Кожбувной комбинат в целом план декады в ценностном исчислении выполнил на 171 процент⁴⁸.

В дни декадника среди махачкалинских портовиков было немало таких, которые показывали образцы высокой производительности труда. Бригада грузчиков Алыш Ирзы в среднем выполняла задание на 180 процентов. Женская бригада Гончаренко М. довела ежедневную норму выработки до 152 процентов, бригада котельщиков механической мастерской Жемановой К. — 350 процентов. Лучший токарь-новатор Чертанов Н. выполнил план на 391 процент. Общепортовый рекорд производительности труда во время декадника установила бригада котлочистов, выполнив декадный план на 404 процента⁴⁹.

⁴⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 18, д. 840, л. 11.

⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 11, д. 27, л. 43.

Значительного повышения производительности труда в период декадника добились и консервщики республики. Работница рыбоконсервного завода Староверова Л. в эти дни выполнила норму на 207 проц., Аскеров Г. — на 182 проц., Данилова М. — на 142 процента. За время декады дербентский винкомбинат выполнил план на 185,9 проц., хлебокомбинат — на 122,4 проц. По стеклозаводу «Дагестанские огни» передовики завода выполняли производственный план: Заманов И. — на 162 проц., Насибулин М. — на 156 проц., Демьянов — на 147,2 проц., Расков А. — на 139 процентов. На дербентском консервном комбинате Чубова Е. — на 227 проц., Омельченко Г. — на 206,5 проц., Авдонимова и Чухмистрова — на 200 процентов. На шерстепрядильной фабрике «Дагюн»: Кахриманова — на 164 проц., Скворцова — на 160 проц., Мажедова Ф. — на 140 проц., Джафарова — на 130 проц. и Матанова М. — на 124,6 процентов. Швейная фабрика годовой план выполнила ко дню выборов на 115,7 проц. Лучшие мастерицы стали выполнять план на 200 и более процентов. Ко дню выборов в Верховный Совет СССР Хасавюртовский хлопкозавод выполнил годовой план на 140,6 процентов⁵⁰.

Успехи, достигнутые в период декады, явились ярким свидетельством неограниченных возможностей подъема производительности труда и огромных резервов нашей социалистической промышленности. Однако, при всей важности успехов отдельных выдающихся достижений, проведение «месячников» или «декадников новаторских рекордов», как неоднократно указывал ЦК ВКП(б), могло служить препятствием на пути организации коллективного высокопроизводительного труда, привести к недооценке массовости движения новаторов.

Рекорды были важны в первоначальный период возникновения движения новаторов как средство выявления резервов, как способ опровержения устаревших норм и заниженных мощностей. В этот период ЦК ВКП(б) и правительство поддерживали проведение рекордных смен, суток и декад. После того, как нормы были пересмотрены и на предприятиях был введен твердый технологический режим, Центральный Комитет партии выступил с требованием строго ритмичной работы по графику. Поэтому задача состояла в том, чтобы закрепить достигнутый в ходе проведения декадника уровень производительности, сделать достижения отдельных новаторов достоянием целых бригад, цехов и предприятий.

Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б), президиум ВЦСПС в своем постановлении от 30 декабря 1937 года поставил перед профсоюзными организациями задачу: добиться

⁵⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 18, д. 840, лл. 6, 13.

того, чтобы новаторские методы работы стали достоянием всех рабочих, чтобы высокопроизводительно работали не только отдельные рабочие, а целые коллективы. Профсоюзам необходимо было прежде всего «помочь рабочим, которые не выполняют норм выработки, овладеть техникой производства и выполнить производственные задания, помочь рабочим-ударникам стать стахановцами, а стахановцам овладеть более высокими показателями производительности труда»⁸¹.

На выполнение этих задач было нацелено социалистическое соревнование, развернувшееся с конца 1937 года по инициативе новаторов фабрик и заводов Москвы и Московской области. Усилия советского народа, руководимого Коммунистической партией, в годы второй пятилетки увенчались успехами. Вторая пятилетка промышленностью была выполнена в четыре года и три месяца.

Больших успехов в эти годы добились национальные республики. Всесторонняя помощь русского и других братских народов СССР позволила народам национальных окраин совершить величайший скачок от патриархальных и феодальных форм хозяйства к социализму. Этот процесс потребовал героических усилий трудящихся, огромной организаторской и всесторонней работы Коммунистической партии, братской помощи русского народа, целого ряда государственных мероприятий, в числе которых одно из важнейших мест принадлежало форсированному развитию промышленности в ранее отсталых республиках. В результате неуклонного проведения ленинской национальной политики в СССР было ликвидировано унаследованное от буржуазно-помещичьего строя фактическое неравенство разных национальностей в хозяйственном и культурном развитии. В национальных республиках и областях была создана крупная социалистическая промышленность, подготовлены многочисленные кадры рабочего класса, в том числе квалифицированных рабочих. Так, например, в Дагестане индустриальное развитие республики вызвало увеличение численности рабочих и служащих. За годы второй пятилетки число рабочих и служащих промышленных предприятий возросло с 7,7 тыс. в 1932 г. до 14,4 тыс. в 1937 году⁵².

Вопросы вовлечения местного трудящегося населения в промышленность и подготовка квалифицированных кадров из коренных народностей в годы второй пятилетки находились в центре внимания партийных, советских и профсоюзных организаций.

⁵¹ Газета «Труд», 3 января 1938 г. (Цитируется по книге Г. Гершберг «Руководство Коммунистической партии движением новаторов производства», Госполитиздат, 1956, стр. 176).

⁵² ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 17, д. 100, л. 44.

Вся государственная промышленность Дагестана (без рыбной) в 1933 году имела 11713 рабочих, из них коренных народностей 3627 чел., т. е. 30,9 проц., тогда как в 1929 году их было 55,7 процента. При росте с 1929 года общего числа рабочих, занятых в государственной промышленности, на 2764 чел., число рабочих из местных национальностей уменьшилось на 1358 человек⁵³. Основная причина сокращения количества рабочих из коренных народностей заключалась в недостаточной заботе руководителей отдельных предприятий о создании надлежащих культурно-бытовых условий для национальных кадров, в невнимании к вопросам повышения их производственной квалификации.

X съезд Советов Дагестанской АССР принял решение о широком вовлечении коренных народностей республики в промышленность и подготовке их через специальные курсы. В результате осуществления указанного решения число рабочих из коренных народностей из года в год увеличивалось и уже к 1 января 1938 г. на предприятиях легкой промышленности работало 47,0 процентов рабочих из коренных народностей, в местной промышленности — 38,0 проц., в пищевой промышленности — 21,3 проц., в консервтресте — 36,6 проц., в полиграфической промышленности — 40,4 процента. На крупнейших промышленных предприятиях процент рабочих из местного населения был еще выше. Например, он составил по фабрике «Дагюн» — 66,8 проц., по Буйнакскому кожобувному комбинату — 54,0, по фабрике им. III Интернационала — 42,0 проц., стекольному заводу «Дагестанские огни» — 44,4 проц., Буйнакскому фруктовоконсервному заводу — 41,9 проц. и молокотресту — 64,2 процента⁵⁴.

Партия и правительство уделяли серьезное внимание обеспечению высоких темпов промышленного развития Дагестанской АССР, использованию ее огромных природных богатств. Капиталовложения в промышленность и электрохозяйство во второй пятилетке по сравнению с первой возросли на 111,1 процента⁵⁵. Это дало возможность осуществить строительство ряда крупных промышленных предприятий. За годы второй пятилетки вступили в строй машиностроительный, ремонтно-механический, кирпично-черепичный заводы, махачкалинский и дербентский хлебокомбинаты, нефтепромыслы в Избербаше и Ачи-Су, фруктово-перерабатывающие пункты, цех посуды на стекольном заводе «Дагестанские огни», Махачкалинская швейная фабрика⁵⁶. Основные производственные

⁵³ Газета «Дагестанская правда», 5 июля 1934 г.

⁵⁴ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 34, л. 69.

⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 16, д. 65, л. 29.

⁵⁶ Г. Д. Даниялов. «Социалистические преобразования в Дагестане (1921—1941 гг.)», Даггиз, 1960, стр. 194.

фонды важнейших отраслей промышленности Дагестана к концу 1937 года по сравнению с 1932 годом резко возросли: по нефтедобывающей промышленности в 34 раза, по стекольной в два раза и консервной в 2,4 раза⁵⁷. В 1937 году в республике насчитывалось 1739 промышленных предприятий, в том числе 205 предприятий крупной промышленности и 1534 предприятия легкой промышленности.

Забота Коммунистической партии и Советского правительства о хозяйственном и культурном подъеме национальных республик, ввод в эксплуатацию новых предприятий и реконструкция действующих, успешное освоение новой техники обеспечили во второй пятилетке быстрые темпы прироста промышленной продукции Дагестана. В 1937 году валовая продукция промышленности составила 150,8 млн. рублей. Это означало, что к концу второй пятилетки валовая продукция промышленности превысила уровень 1913 года в 37,7 раза и уровень 1932 года (в неизменных ценах 1926—1927 гг.) на 119 процентов⁵⁸. Среднегодовые темпы прироста продукции промышленности республики во второй пятилетке составили в среднем 21,9 проц., в то время как по Союзу в целом они составили 17,1 процента⁵⁹.

В конце второй пятилетки доминирующую роль в народном хозяйстве Дагестана стала играть крупная промышленность. Удельный вес продукции крупной промышленности во всей продукции промышленности и сельского хозяйства увеличился с 40 проц. в 1927/28 гг. до 55,7 процентов в 1937 году.

За годы второй пятилетки на промышленных предприятиях республики значительно повысилась производительность труда. В 1937 году среднегодовая выработка рабочего в государственной промышленности (без рыбной) составляла 8,9 тыс. рублей против 4,9 тыс. рублей в 1932 году, т. е. увеличилась вдвое⁶⁰.

План второй пятилетки по грузообороту железнодорожного транспорта по Союзу ССР был выполнен, с превышением плановых заданий, в четыре года. Долю своего самоотверженного труда в достижение этого огромного успеха вложили и железнодорожники Дагестана. В результате их усилий по реконструкции путевого хозяйства, лучшему использованию подвижного состава, было достигнуто увеличение грузооборота (без перевалок) с 2,4 млн. тонн в 1932 году до 5,0 млн. тонн в 1937 году. Грузооборот морского порта с 2,5 млн. тонн в конце первой пятилетки возрос до 6,0 млн. тонн в 1937 году⁶¹.

57 ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 17, д. 100, л. 18.

58 ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 16, д. 65, л. 25.

59 Очерки истории Дагестана, т. II, стр. 245.

60 ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 16, д. 65, л. 46.

61 ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 19, д. 136, л. 54.

Высокие темпы роста производительности труда в промышленности и на транспорте оказались возможными только на базе их технической реконструкции и соответствующих сдвигов в социальной структуре и организации производства. Широко развернувшееся в годы второй пятилетки движение новаторов производства вскрыло и мобилизовало резервы мощностей во всех промышленных предприятиях и на транспорте республики. Даже далеко не полное использование этих резервов обеспечило серьезное увеличение продукции и быстрый рост производительности труда.

В борьбе за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства и построение социалистического общества с еще большей силой проявилась великая сила социалистического соревнования, творческая активность и инициатива народных масс.

Героические усилия советского народа, руководимого Коммунистической партией, в годы второй пятилетки увенчались всемирно-исторической победой. Главная и решающая хозяйственная задача второй пятилетки — завершение технической реконструкции народного хозяйства в основном была решена, и по уровню техники производства наша страна обогнала все капиталистические страны Европы. Экономическую основу СССР составила социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства. В итоге второй пятилетки в основном был построен социализм. Были окончательно ликвидированы эксплуататорские классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Благодаря успешному выполнению второго пятилетнего плана в народном хозяйстве Дагестана, как и во всей стране в целом, было обеспечено безраздельное господство социалистического уклада.

Построение социалистической экономики и происшедшие в связи с этим изменения в сознании людей прежде всего сказались на их отношении к общественному производству. Социалистический строй, освободив труд от эксплуатации, сделал его подлинно творческим и для подавляющего большинства советских людей он стал не просто средством заработка, а общественным призванием, моральным долгом.

Новое отношение советских людей к труду наиболее ярко выразилось в могучем подъеме активности и в широком развертывании социалистического соревнования. Социалистическому соревнованию, как вечно живому делу, характерно поступательное движение вперед. Формы организации соревнования вырабатываются практикой, обогащаются новым

содержанием, соответствующим хозяйственно-политическим задачам, вставшим перед страной. Движение новаторов производства, возникшее в годы второй пятилетки, представляло новый этап в развитии социалистического соревнования. Оно было вызвано творческим порывом народа и сыграло неоценимую роль в осуществлении исторических задач второй пятилетки.

В последующие годы социалистическое соревнование поднялось на еще более высокую ступень и принимало более совершенные формы. Жизнь подтвердила гениальность и животворную силу ленинских идей о соревновании, о его могучем размахе в условиях социализма, о его роли в повышении производительности труда и коммунистическом воспитании трудящихся.

Воодушевленные историческими решениями XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза трудящиеся нашей страны проявляют чудеса трудового героизма. В первых рядах строителей величественного здания коммунизма идут ударники, бригады и предприятия коммунистического труда. Историческое значение этого развернувшегося по всей стране движения состоит в том, что здесь раскрывается новое, невозможное в условиях капиталистического строя отношение к труду. «Отличительная черта этого движения новаторов состоит в том, — говорил Н. С. Хрущев, — что они удачно сочетают борьбу за высокую производительность труда с настойчивым повышением уровня своих знаний, утверждением коммунистических начал в труде и в жизни. Девиз этого движения — учиться, жить и работать по-коммунистически! Это в наших сегодняшних буднях рождается человек, которому жить и трудиться в коммунистическом обществе»⁶².

Особенно примечательно то, что это движение становится достоянием миллионов советских людей.

⁶² Н. С. Хрущев. Речь на III съезде Румынской рабочей партии. М., 1960, стр. 14.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ — СТЕРЖЕНЬ СТРОИТЕЛЬСТВА ЭКОНОМИКИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Программа партии, принятая историческим XXII съездом КПСС, — это первый в мировой истории конкретный, научный, реальный план создания коммунистического общества. Впервые перед всем миром предстала во всем своем величии полная, отчетливая картина будущего общества.

Главная экономическая задача современного момента, поставленная перед партией и народом, — указывается в Программе КПСС, — «состоит в том, чтобы в течение двух десятилетий создать материально-техническую базу коммунизма»¹.

Для достижения этой великой цели XXII съезд КПСС утвердил грандиозную программу дальнейшего роста производительных сил страны, в результате выполнения которой СССР будет располагать невиданными и недостижимыми для капиталистических стран производительными силами, превзойдет технический уровень наиболее развитых стран капитализма, займет первое место в мире по производству продукции на душу населения.

Создание материально-технической базы коммунизма в первую очередь означает сплошную электрификацию страны и совершенствование на этой основе техники, технологии и организации общественного производства во всех отраслях народного хозяйства.

Учитывая важность электрификации в развитии всех отраслей народного хозяйства в техническом прогрессе, Программа КПСС отводит ей ведущую роль.

План электрификации страны предусматривает увеличение в ближайшее десятилетие электрооборуженности труда в промышленности почти в три раза; широкое развертывание на базе дешевой электроэнергии электроемких производств; осуществление массовой электрификации транспорта, сельского хозяйства, быта городского и сельского населения. Во втором десятилетии планом намечается в основном завершить электрификацию всей страны.

¹ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1962, стр. 135.

Годовое производство электроэнергии должно быть доведено к концу первого десятилетия примерно до 900—1000 миллиардов, а к концу второго десятилетия — до 2700—3000 миллиардов киловатт-часов. Это в девять или десять раз превысит уровень 1960 г.

«Наша страна, — говорит Н. С. Хрущев, — в 1980 г. будет вырабатывать электроэнергию примерно в полтора раза больше, чем в настоящее время производится во всех остальных странах мира, вместе взятых, это в восемь-девять раз увеличит электровооруженность труда в промышленности»².

Для того, чтобы получить в 1980 г. указанное количество электроэнергии требуется в течение двадцатилетия соответственно увеличить и мощность электростанций, построить сотни тысяч километров высоковольтных магистральных и распределительных электрических сетей во всех районах страны, создать единую энергетическую систему СССР, располагающую достаточными резервами мощностей.

Для этого, как указывает Н. С. Хрущев, «в течение двадцати лет предстоит построить сто восемьдесят мощных гидроэлектростанций, около двухсот районных тепловых электростанций мощностью до трех миллионов киловатт каждая, а также двести шестьдесят крупных теплоэлектроцентралей»³.

Достижение намеченных рубежей в электрификации коренным образом изменит условия труда и увеличит его производительность. Это освободит человека от тяжелого физического труда, обеспечит завершение комплексной механизации и автоматизации производства, создание всеобъемлющей системы автоматизированных высокопроизводительных машин и управление ими. Электрификация позволит осуществить химизацию производства, откроет новые способы получения новых видов сырья и материалов, невиданно повысит существующие скорости, позволит превратить сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального. Средствами электроники электрификация значительно повысит эффективность труда и будет способствовать стиранию различий между умственным и физическим трудом путем внедрения в производство новейших достижений науки и техники.

На значение электроэнергетики для построения социализма и коммунизма указывали еще Маркс и Ф. Энгельс.

Внимательно изучая первые шаги электричества, К. Маркс пришел к выводу, что царствование его величества пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, окончилось; на его место встает неизмеримо более революционная сила — электрическая искра⁴.

² Там же, стр. 147.

³ Там же.

⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, Госполитиздат, 1956, стр. 91.

Имея в виду революцию, которую осуществила в технике электрическая энергия, Ф. Энгельс писал: «Это открытие окончательно освобождает промышленность почти от всяких границ, полагаемых местными условиями, делает возможным использование также и самой отдаленной водяной энергии, и если вначале оно будет полезно только для городов, то в конце концов оно станет самым мощным рычагом для устранения противоположности между городом и деревней. Совершенно ясно, что благодаря этому производительные силы настолько вырастут, что управление ими будет все более и более не под силу буржуазии»⁵. (Подчеркнуто мною — Н. И.).

Если К. Маркс и Ф. Энгельс определили революционное значение электроэнергии для создания материальных предпосылок уничтожения капитализма, то В. И. Ленин раскрыл революционное значение электроэнергетики и электрификации в создании материально-технической базы социализма и коммунизма.

В тезисах доклада о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала В. И. Ленин указывал: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны»⁶.

Широко понимая электрификацию, В. И. Ленин писал: «Электрификация переродит Россию. Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без купцов»⁷.

Но самая краткая и ясная оценка, данная Лениным электрификации, как энергетической базы коммунизма, содержится в его знаменитой формуле: **«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»**.

Эта формула указывает на то, что при социальных условиях, создаваемых Советской властью, сплошная электрификация обеспечивает необходимые материальные предпосылки построения коммунистического общества, а электроэнергетика становится энергетической базой коммунизма.

Претворение в жизнь ленинских идей сплошной электрификации явилось одним из важнейших условий достижения

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 289.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 434.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 343.

высоких темпов расширенного воспроизводства, роста производительности труда и технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства нашей страны.

Задачи создания материально-технической базы коммунизма, поставленные перед нашим народом XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза, потребовали дальнейшей разработки и совершенствования вопросов электрификации страны.

Вопросы электрификации страны тесно связаны с правильным размещением промышленности, ее специализацией, наиболее рациональной организацией всего народного хозяйства.

В материалах XXII съезда КПСС указывается на необходимость учитывать при сооружении промышленных предприятий и специализации экономических районов наличие таких факторов, как дешевая электрическая энергия, сырье, трудовые ресурсы и пути, связывающие данный экономический район с другими.

Одним из таких районов СССР, где на незначительной территории (57,0 тыс. кв. км)⁸ сконцентрированы огромные запасы водной энергии, на базе которых можно строить самые экономичные гидроэлектростанции, где имеются значительные запасы сырья для развития таких энергоемких производств, как химическая, алюминиевая и т. д., где имеются достаточные трудовые ресурсы, и который связан железнодорожным, морским, автомобильным, воздушным транспортом с другими экономическими районами страны, является Дагестан.

Дагестан располагает большими сырьевыми и энергетическими ресурсами и экономическими условиями, необходимыми для развития промышленного производства.

В недрах нашей республики обнаружено более 30 видов минерального сырья⁹. Использование его позволит создать большое количество новых предприятий и новых отраслей промышленности и на этой базе обеспечить мощное развитие производительных сил и выведет республику в ряды передовых районов нашей страны.

Развитие экономики Дагестана опирается, главным образом на эффективное использование энергетических, минерально-сырьевых, сельскохозяйственных и трудовых ресурсов республики.

На основе наиболее эффективного использования мине-

⁸ Г. Даниялов. Социалистические преобразования в Дагестане. Дагкнигоиздат, Махачкала, 1960, стр. 15.

⁹ М. Шахшаев. План великих созидательных работ. Махачкала, 1959, стр. 12.

ральных и энергетических ресурсов республики, а также роста технического прогресса появится возможность в несколько раз увеличить производительность труда. Наиболее высокий уровень роста производительности труда будет достигнут в тех отраслях, где автоматизация будет охватывать все производственные процессы, а именно: в нефтяной в 7 раз, энергетической — 6,2 раза, химической — 5 раз, машиностроении — 4,3 раза.

Увеличение производительности общественного труда в таком объеме будет возможен только при использовании совершенных методов и способов производства, комплексной механизации и автоматизации производственных процессов на базе дешевой электрической энергии.

В Программе КПСС записано, что «Электрификация, являющаяся стержнем строительства экономики коммунистического общества, играет ведущую роль в развитии всех отраслей народного хозяйства, в осуществлении всего современного технического прогресса. Поэтому необходимо обеспечить опережающие темпы производства электроэнергии»¹⁰.

Исходя из этих указаний партии, в Дагестане предусматривается широкий объем работ по развитию электроэнергетики, особенно по сооружению трех крупных гидроэлектростанций, трансформаторных подстанций, линий электропередач для завершения сплошной электрификации республики, и по развитию электротехнической промышленности.

Наша республика располагает мощным энергетическим потенциалом для получения дешевой электроэнергии. Сооружение крупных гидроэлектростанций на дагестанских реках даст возможность не только обеспечить народное хозяйство дешевой электроэнергией, завершить сплошную электрификацию республики, но и восполнить пробелы в электробалансе соседних с Дагестаном энергосистемах (Закавказской и Северокавказской).

15 наиболее многоводных рек Дагестана могут быть использованы для постройки гидроэлектростанций государственного значения¹¹. Общие запасы гидроэнергии в Дагестане определяются около 5 млн. квт. Для сравнительно небольшой территории, которую занимает Дагестан, это очень большая величина, свидетельствующая о весьма высокой насыщенности гидроэнергетическими ресурсами.

По запасам гидроэнергии на единицу площади Дагестан занимает одно из первых мест в СССР, в 15 раз превышая

¹⁰ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1962, стр. 371.

¹¹ А. Я. Викторов, В. А. Гиммельрейх. Дагестанская АССР (физико-географический и экономический обзор), Махачкала, 1958, стр. 55.

среднюю обеспеченность СССР¹², и имеет запасы водной энергии на один кв. км почти в 10 раз больше, чем в среднем по СССР.

Для постройки крупных ГЭС и для получения дешевой электроэнергии дагестанские реки обладают рядом преимуществ по сравнению с другими реками Союза. Эти преимущества выражаются в следующем: во-первых, благодаря климатическим особенностям реки Дагестана обладают большим постоянством среднегодового стока; во-вторых, узкие каньоно-образные ущелья с высокими каменистыми берегами (до 1800 м) позволяют строить высокие, свыше 200 м, плотины, с крупными водохранилищами. Так, Сулак, прорываясь между горными хребтами Салатау и Гимринским, образует грандиозный Главный Сулакский каньон протяженностью в 18 км и глубиной в отдельных местах превышающей 1800 метров и шириной по дну — 20—40 метров¹³. В третьих, большое падение русла рек способствует созданию высоконапорных ГЭС. Например, среднее падение русла реки Сулак (от слияния Аварского и Андийского Койсу до впадения в Каспийское море) составляет 4 м на 1 км, Андийское Койсу — 8 м на 1 км, падение Самура на отдельных участках достигает до 45 м на 1 км, а некоторых рек бассейна Самура — до 70 метров. Равнинные реки имеют значительно меньшее падение, например, Волга в среднем всего 7 см на 1 км¹⁴.

Естественно, что скорость течения воды в горных реках Дагестана, вследствие сильного падения русла, является очень большой. В половодье в некоторых реках она превышает 6 м в секунду (Сулак).

Однако крупные водные ресурсы Дагестана используются все еще недостаточно, как для энергетических целей, так и для орошения. Так, к концу 1961 г. имелось в Дагестане гидроэлектростанций общей мощностью около 10 тыс. квт¹⁵, а из общей площади сельскохозяйственных угодий, составляющих около 5 млн. гектаров, орошается лишь 300 тыс. гектаров¹⁶, или 6 процентов.

В составе выявленных и изученных энергетических ресурсов Дагестана наибольший интерес для практического использования представляют гидроэнергетические ресурсы реки Сулак. Вместе с притоками Сулак имеет огромный водосборный бассейн, достигающий 15,2 тысяч кв. километров¹⁷. Пло-

¹² Г. Д. Даниялов. Социалистические преобразования в Дагестане. 1921—41 гг., Махачкала, 1960, стр. 182.

¹³ А. Я. Викторov, В. А. Гиммельрейх. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958, стр. 57.

¹⁴ Там же, стр. 54.

¹⁵ К. К. Гюль, С. В. Власова. Реки Дагестанской АССР. Махачкала, 1961, стр. 160.

¹⁶ А. Даниялов. Советский Дагестан. М., 1960, стр. 7.

¹⁷ К. К. Гюль, С. В. Власова. Указ. соч., стр. 116.

щадь ледников, питающих реку, составляет 72 кв. километра. По данным многолетних гидрологических наблюдений за режимом реки, среднегодовой сток воды по реке Сулак доходит до 5,6 миллиарда кубометров, а средний расход воды 176 кубометров в секунду¹⁸. Хотя Сулак по водности почти в десять раз уступает Днепру, но по запасам гидроэнергии он почти не уступает этой третьей по величине реке Европы. Значительная водность реки Сулак и большие уклоны падения русла создают огромный запас полезной мощности, которая исчисляется для его бассейна более чем в 2 млн. квт¹⁹.

Для использования гидроэнергетических ресурсов реки Сулак проектным институтом «Гидроэнергопроект» Министерства строительства электростанций СССР разработана схема использования реки Сулак. По этой схеме предусматривается сооружение на Сулаке каскада высоконапорных плотин с десятью гидроэлектростанциями суммарной мощностью свыше 2 млн. квт и выработкой более 5 млрд. квт-ч электроэнергии в год.

Первенец Сулакского каскада — Чирюртовская ГЭС им. В. И. Ленина, мощностью 72 тыс. квт, уже вступила в эксплуатацию. Она по мощности более чем в 1,2 раза превышает Волховскую ГЭС²⁰. Воды огромного водохранилища Чирюртовской ГЭС, емкостью до 100 млн. кубических метров, позволяют оросить 200 тыс. га плодородных земель, а также служат источником водоснабжения гор. Махачкалы по новому водопроводу Сулак-Махачкала.

Чирюртовские энергетики уже отметили годовщину со дня пуска ГЭС — крупнейшей на Северном Кавказе. В 1962 г. она выработала для народного хозяйства 316 млн квт-часов электрической энергии, из которой в братскую Чечено-Ингушетию поступило 223 миллиона киловатт-часов²¹.

В ближайшем будущем на Сулаке будут сооружены еще три гидроэлектростанции: Чиркейская — мощностью 1 млн. квт, Ирганайская — 400 тыс. квт, Миатлинская — 120 тыс. квт.

Интересно отметить, что в целом по Союзу в предстоящем десятилетии намечается получить значительный рост электроэнергии на тепловых электростанциях, а в Дагестане развитие электроэнергии базируется, главным образом, на гидроэнергетике, а богатейшие запасы природного и попутных газов, а также нефти пойдут на нужды химической

¹⁸ Там же, стр. 53.

¹⁹ А. Я. Викторюв, В. А. Гиммельрейх. Указ. соч., стр. 59.

²⁰ Мощность Волховской ГЭС составляет 58 тыс. квт., А. Б. Маркин. Будущее электрификации СССР. Госполитиздат 1956, стр. 12.

²¹ Дагестанская правда, 31 декабря 1962 г.

промышленности и на переработку в светлые нефтепродукты. Примерный рост производства электроэнергии гидроэлектростанциями Дагестана за 1960—1970 гг. приводим в таблице 1.

Таблица № 1

	Ед. изм.	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Производство электроэнергии	млн. квтч.	249	800	3500
в т. ч. гидроэнергии	—»—	35	515	3300

Таблица показывает, что из 3500 млн. квт. час. электроэнергии, выработанной в конце первого десятилетия, на долю гидроэлектроэнергии приходится 3300 млн. квт. час.

На строительство Чиркейской, Ирганайской и Миатлинской гидроэлектростанций суммарной мощностью в 1520 тыс. квт., что гораздо превышает мощность всех электростанций дореволюционной России²², будет примерно вложено около 100 млн. рублей капитальных вложений.

Эти станции будут давать дешевую электроэнергию. Если брать себестоимость электроэнергии для всех трех станций на уровне, рассчитанном проектным заданием, составленным Бакинским отделением Института Гидроэнергопроект для Чиркейской ГЭС — 0,5 копейки на 10 квтч., то в этом случае экономия по сравнению с себестоимостью наиболее экономичной тепловой электростанции на газе (которая составляет не менее 1,5 копеек за 10 квтч.) выражается в 1 копейку за 10 квтч. или на всю годовую выработку — 5 млн. рублей.

Из всех трех станций наибольшее значение для народного хозяйства имеет Чиркейская ГЭС. Начало строительства Чиркейской ГЭС по семилетнему плану развития народного хозяйства СССР предусмотрено в 1964 г. Однако обком КПСС и правительство Дагестана возбудили ходатайство перед центральными органами о переключении рабочей силы и строительной базы Чирюртовской ГЭС на строительство гидроэлектростанции, с тем, чтобы уже в 1963 году начать подготовительные работы на площадке будущей станции. Это ходатайство было удовлетворено и были начаты работы по сооружению Чиркейской ГЭС в 1963 году.

При решении задач использования водных ресурсов необходим исчерпывающий учет требований всех заинтересован-

²² На огромной территории дореволюционной России работало всего лишь 1,1 млн. квт. электроэнергетических мощностей, которые давали ежегодно 2,0 млрд. квтч. электроэнергии.

ных в водных ресурсах отраслей народного хозяйства. Комплексное использование водных ресурсов, как правило, дает существенный экономический эффект. Это было учтено при проектировании Чиркейской ГЭС.

Постройка этой станции, наряду с обеспечением дешевой электроэнергией промышленных предприятий, имеет важное значение для развития сельского и рыбного хозяйства республики. У этой станции предстоит постройка одной из самых высоких в мире плотин (235 м). Эта плотина — арочного типа, и по своей конструкции и размерам является уникальной для гидростроения нашей страны. Сооружение плотины с громадным водохранилищем, общей емкостью 2,6 млрд и полезным объемом 1,25 млрд м³ воды²³, обеспечит регулирование стока реки Сулак в нижнем течении и позволит дополнительно оросить около 400 тыс. гектаров²⁴ плодородных земель. Кроме того, создается возможность устройства механического подъема воды (на базе электроэнергии) от Чиркейского водохранилища для орошения до 60 тыс. гектаров плодородных земель в предгорной зоне (бывшие Буйнакский, Ленинский, Сергокалинский, Каякентский районы) и до 20 тыс. гектаров в горной зоне Дагестана. Ныне эти земли не обрабатываются из-за необеспеченности водой.

Таким образом, основным вопросом использования водных богатств реки Сулак является рациональное комплексное использование мощных ресурсов этой реки для нужд гидроэнергетики и ирригации, а также для водоснабжения и развития рыбного хозяйства республики.

На землях, орошенных водой из Чиркейского водохранилища, будут разводить виноградные плантации, плодовые сады и овощи, необходимые для снабжения городов северных районов страны фруктами и овощами, а также для производства плодоовощных консервов, фруктовых соков и виноградных вин. На орошаемых землях будут также культивироваться кормовые культуры для развития молочного и мясного животноводства.

Развитие в таком плане сельского хозяйства позволит дополнительно получить на этих землях ежегодно: винограда — 480 тыс. тонн, плодов — 400 тыс. тонн, риса — 54 тыс. тонн, кукурузы — 500 тыс. тонн, мяса — 100 тыс. тонн, молока — 250 тыс. тонн.

В результате эффективного использования указанных земель денежные доходы совхозов и колхозов в республике

²³ К. К. Гюль, С. В. Власова. Реки Дагестанской АССР, Махачкала, 1961, стр. 160.

²⁴ Там же, стр. 161.

увеличатся на 150 млн. рублей, а доходы государства (от переработки и реализации винодельческой, консервной, мясной и молочной продукции) более чем на 300 млн. рублей в год.

По подсчетам специалистов, все капиталовложения, производимые в строительство Чиркейской ГЭС и на мелиорацию и механическое орошение вышеуказанных земель, окупятся в течение двух с половиной лет, после вступления в плодоношение первых 30 тыс. гектаров виноградников, высаженных на этих землях.

Экономическая эффективность использования вод реки Сулак не ограничится строительством трех указанных гидроэлектростанций и орошением около 500 тыс. гектаров земель. Она будет изменяться с вводом в эксплуатацию каждой из последующих плотин каскада электростанций²⁵ и достигнет наивысшего уровня за пределами двадцатилетия.

В докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил: «При строительстве электростанций выбор того или иного рода энергетических ресурсов должен базироваться на технико-экономических расчетах, учитывающих конкретные производственные и транспортные условия данного района, стоимость и сроки этого строительства, экономию капитальных затрат на единицу мощности, экономию в эксплуатации станций»²⁶.

С этой точки зрения сооружения высоконапорных гидроэлектростанций на реке Сулак при комплексном их использовании для промышленности и сельского хозяйства позволяют уверенно отнести Сулакские ГЭС к числу наиболее выгодных для народного хозяйства объектов.

За последние годы в Дагестане было построено сравнительно много небольших электростанций. Всего их число к 1961 г. составило 547 суммарной мощностью в 97,7 тыс. квт. За 1960 год этими электростанциями было произведено 272,9 млн. квт. ч. электроэнергии²⁷.

Строительство столь многочисленных электростанций диктовалось самой жизнью, экономическим развитием республики. В основном эти электростанции были мелкими за исключением трех (Гергебильской ГЭС, Каспийской ТЭЦ и Махачкалинской ТЭЦ). Рост числа мелких промышленных и сельских электростанций (при отсутствии мощных районных),

²⁵ Проектируемые для сооружения на Сулаке каскад из 10-ти электростанций будут давать в год до 10 млрд. квт-ч. электроэнергии, а водохранилища у плотин вместят воду, равную почти 1,5 годовых стока реки Сулак.

²⁶ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. Госполитиздат, 1959, стр. 20.

²⁷ Статуправл. ДАССР. Сектор промышленности. Сводный отчет по энергетике за 1960 г., д. 6—1—3, л. 1.

объединенных в энергосистему, является неизбежным явлением при быстром развитии производительных сил, при создании новых отраслей производства и строительстве новых промышленных предприятий.

Однако, в настоящее время, когда советский народ занят созданием материально-технической базы коммунизма, и при этом электрификации отводится роль стержня строительства экономики коммунизма, мелкие, маломощные, изолированные друг от друга электростанции не в состоянии удовлетворить потребности народного хозяйства республики в высококачественной и дешевой электроэнергии.

По мере того как дагестанская энергосистема будет покрывать всю республику, электрические сети все больше разветвляться, а потребность в электроэнергии для промышленности, сельского хозяйства и культурно-бытовых нужд населения еще более возрастут, мелкие станции будут ликвидироваться, и электрификация народного хозяйства будет осуществляться от дагестанской энергосистемы, а затем от единой энергетической системы Советского Союза. Однако и в дальнейшем, даже в условиях создания единой энергетической системы СССР, для отдельных горных, труднодоступных населенных пунктов Дагестана останется экономически целесообразным сооружение местных небольших электростанций, так как сооружать высоковольтные линии электропередачи через труднодоступные районы и на большие расстояния во многих случаях менее выгодно, чем построить на месте небольшую электростанцию.

Но развитие народного хозяйства Дагестана в период создания материально-технической базы коммунизма в основном будет опираться на использование электроэнергии, вырабатываемой мощными Сулакскими гидроэлектростанциями, такими, как Чирюртовская № 1 — им. В. И. Ленина, № 2 — «Спутник», Чиркейская, Миатлинская и Ирганайская.

Крупные электростанции играют большую роль в объединении энергосистем и в создании единой энергетической системы СССР. Так, сооружение Днепрогэса им. В. И. Ленина создало возможность для объединения энергосистем Донбасса и Приднепровья, строительство Мингечаурской ГЭС на Куре (Азербайджанская ССР) ускорило объединение энергосистем Азербайджана, Грузии и Армении, сооружение Чирюртовской ГЭС им. В. И. Ленина на Сулаке уже привело к включению дагестанской энергосистемы в Севкавказько, и в скором времени через Белиджинскую подстанцию дагестанская энергосистема объединится с закавказской энергосистемой.

Объединение энергосистем способствует централизации управления электросетями, автоматизации и телемеханизации энергосистем, а также дает возможность маневрировать

имеющимися мощностями, создавать необходимый резерв. При объединении энергосистем создается возможность передавать излишек электроэнергии для нужд народного хозяйства соседних областей и республик. Так, за неполный 1962 г. чирюртовские энергетика для нужд народного хозяйства соседней Чечено-Ингушской автономной республики отпустили более 200 млн. квт-ч. электроэнергии²⁸. В дальнейшем энергия, вырабатываемая дагестанскими гидроэлектростанциями, будет поступать и в другие республики.

На какие же цели в самом Дагестане будет использована электроэнергия, вырабатываемая мощными сулакскими гидроэлектростанциями?

Эта электроэнергия прежде всего будет использована на нужды химической и электрометаллургической промышленности республики.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют огромное внимание развитию химической промышленности. Одной из важнейших задач, как указывается в Программе КПСС, является «всемерное развитие химической промышленности, полное использование во всех отраслях народного хозяйства достижений химии, в огромной степени расширяющей возможности роста народного богатства, выпуска новых, более совершенных и дешевых средств производства и предметов народного потребления»²⁹.

За последнее время в нашей стране появился ряд гигантов химической промышленности, выпускающих разнообразную химическую продукцию. Должное место отводится химической промышленности и в предстоящем двадцатилетии. Металл, дерево и другие материалы будут все более заменяться экономичными, практичными и легкими синтетическими материалами. Резко возрастет производство минеральных удобрений и химических средств защиты растений.

Химическая промышленность является наиболее электроемкой, она легче поддается всесторонней механизации и более полной автоматизации, требует сравнительно меньших капитальных вложений и рабочей силы. Химические продукты, не уступающие по качеству натуральным, обходятся на много дешевле их.

Основными источниками для получения многообразного комплекса химических продуктов являются углероды, содержащиеся в нефти, газах, каменном угле. Кроме того химиче-

²⁸ Дагестанская правда, 31 декабря 1962.

²⁹ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1962, стр. 372.

ской промышленностью используются и такие виды сырья, как известняки, минеральные соли, содержащиеся в морских и подземных водах, кварцевые пески, фосфориты, глинозем, гипс и др.

При умелом использовании богатейших сырьевых ресурсов на развитие химической промышленности появится возможность увеличить валовую продукцию химической и металлургической промышленности республики с 0,74 млн. рублей в 1960 г. до 50,0 млн. в 1970 г.

Наибольшее количество химической продукции удастся получить, начиная с конца шестидесятых годов, особенно во втором десятилетии, так как именно в конце первого десятилетия начнет давать дешевую электроэнергию Чиркейская ГЭС.

Развитие химии неразрывно связано с электрификацией. Многие процессы химического производства основаны на прямом действии электрического тока и требуют большой затраты электроэнергии. Электротехнология является основой получения ряда важнейших химических продуктов: карбидкальция, отдельных видов химического волокна, хлора, натрия и их производных, фосфора, карбидов, магния, азота и др.

Процессы получения карбидов, натридов и симизидов (необходимых для получения сверхтвердых и огнеупорных материалов) требуют очень высоких температур и основаны на электротермии. Удельные расходы электроэнергии на тонну продукции очень значительны³⁰. Химизация, т. е. производство химической продукции и внедрение химических методов производства в различные отрасли народного хозяйства, знаменующие научно-технический прогресс в промышленном производстве, является необходимым условием осуществления коренных задач создания материально-технической базы коммунизма.

Вторым, немаловажным потребителем дешевой электроэнергии Сулакских ГЭС является развивающаяся нефтяная промышленность Дагестана, особенно его северной части.

Путем дальнейшей разведки и интенсивной эксплуатации новых месторождений нефти валовая продукция нефтяной промышленности Дагестана значительно увеличится. Это приведет к увеличению производства нефти и газа. За десять лет производство нефти увеличится свыше 11 раз, а газа — свыше 8 раз.

³⁰ Удельный расход электроэнергии на производство 1 тонны карбида-кальция равен 2850 квт-ч, а 1 тонны алюминия достигает до 16—18 тыс. квт-ч.

Такой высокий рост производства нефти и газа в Дагестане возможен только на базе широкой электрификации нефтяного производства, автоматизации и телемеханизации эксплуатации нефтяных и газовых скважин.

Однако расход электроэнергии на производство нефти и газа в дальнейшем значительно возрастет в связи с введением электробура и комплексной автоматизацией и телемеханизацией нефтедобывающих предприятий, с охватом объектов как основного, так и вспомогательного производства.

Процесс бурения скважин электробурами автоматизирован, доступен контролю и осуществляется при наиболее благоприятном технологическом режиме, обеспечивающем эффективную проходку и безаварийную работу долота. В связи с этим намечено широкое внедрение электробуров для бурения нефтяных и газовых скважин.

Проведенные опыты в Союзе показали, что применение электробуров особенно эффективно при проходке скважин на глубины свыше 2 тыс. метров и в осложненных условиях бурения. Это относится и к Дагестану.

Крупным потребителем электроэнергии является машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность Дагестана.

От степени развития машиностроительной промышленности, которую по праву называют сердцевинной тяжелой индустрии, зависит обеспечение постоянного технического прогресса в развитии народного хозяйства. Уровень производства машин, оборудования, приборов определяет технический прогресс всех отраслей народного хозяйства и имеет огромное значение для непрерывного повышения экономической мощи Советского государства.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание развитию отечественного машиностроения.

В Программе КПСС записано: «Первостепенное значение для технического перевооружения всего народного хозяйства имеет развитие **машиностроения**, всемерное форсирование производства автоматических линий и машин, средств авто-

³¹ Статуправление ДАССР. Сектор промышленности, сводный отчет по энергетике за 1960 г., д. 6—1—3, л. 20.

матики, телемеханики и электроники, точных приборов. Быстрое развитие получают такие конструкции машин, которые, обеспечивая высокие технические свойства, приведут к сокращению расходов сырья и энергии, повышению производительности труда»³².

За годы Советской власти у нас в стране создано большое количество машиностроительных заводов, производящих современные машины, приборы и различного технологического оборудование для всех отраслей народного хозяйства.

Быстрыми темпами развивалась машиностроительная промышленность в нашей республике. Лишь за 1958—1961 гг. прирост продукции машиностроительной промышленности составил 76 процентов. Сейчас машиностроительные предприятия Дагестана производят передвижные электростанции, установочные автоматы, кнопочные пускатели, электро-сварочное оборудование, электрические закалочные печи, трансформаторы, сепараторы, молокоочистители, насосы и другое оборудование.

В настоящее время в Дагестане имеется несколько действующих машиностроительных заводов и до конца семилетки будут построены еще несколько. За пределами семилетия машиностроение также получит большое развитие, как за счет строительства новых заводов, так и наращивания мощностей на действующих заводах. В Дагестане главным образом будет развиваться приборостроение.

В 1960 году машиностроительной промышленностью Дагестана было выпущено валовой продукции на сумму 41,5 млн. рублей. Дальнейшее развитие машиностроения приведет к росту выпуска валовой продукции до 450,0 млн. рублей в 1970 году.

В то время, когда численность работающих в машиностроительной промышленности Дагестана за 20 лет вырастет в 6,2 раза, выпуск валовой продукции увеличится в 26,5 раза, т. е. более чем в 20 раз по сравнению с ростом числа работающих. Такой рост валовой продукции будет возможен именно на базе проведения комплексной механизации и автоматизации производства продукции машиностроения на базе дешевой электроэнергии и в результате этого роста производительности труда.

Машиностроительная промышленность занимает ведущее место по количеству потребляемой электроэнергии среди других отраслей промышленности Дагестана.

³² Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1962, стр. 372.

В 1960 г. машиностроительной промышленностью Дагестана на технологические нужды было потреблено 11547 тыс., а на двигательную силу — 20553 тыс. квт-ч электроэнергии. Это дало возможность поднять коэффициент электрификации силовых процессов до 94,9 процента³⁴.

Электрическая мощность, обслуживающая производственный процесс в целом, равнялась 42458 квт. Для производства валового дохода в сумме 41,5 млн. рублей машиностроительной промышленностью в 1960 г. было израсходовано 35964 тыс. квт-ч. электроэнергии³⁵.

«На основе развития машиностроения,—говорится в Программе КПСС, — в первом десятилетии осуществится комплексная механизация в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте, в коммунальном хозяйстве... В течение двадцатилетия осуществится в массовом масштабе комплексная автоматизация производства со все большим переходом к цехам и предприятиям-автоматам...»³⁶.

Осуществляемая на базе электрификации автоматизация— это подлинная техника коммунизма. Способствуя повышению производительности труда и увеличению объема производимой продукции, комплексная механизация и автоматизация производства ускорит процесс создания материально-технической базы коммунизма в нашей стране.

Из других отраслей промышленности Дагестана по количеству потребляемой электроэнергии выделяются: стекольная промышленность, промышленность стройматериалов, легкая и пищевая.

До конца 1970 г. появится возможность увеличить валовую продукцию стекольной промышленности Дагестана около 5 раз, а производство отдельных видов продукции в натуральном выражении увеличится свыше 10 раз.

В Дагестане в 1970 году будет произведено примерно:

Стекла оконного 20 млн. кв. м. против 7,05 в 1960 г.
Силикат-глыбы — 300 тыс. тонн, против 50,8 в 1960 г.
Труб стеклянных — 15 тыс. км.

Стеклянных банок — 60 млн. шт.
Стеклянных бутылок — 35 млн. шт.

Эти виды
продукции
в 1960 г.

³³ Статуправление ДАССР. Сектор промышленности, сводный отчет по энергетике за 1960 г., д. 6—1—3, л. 31.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат. 1962, стр. 372.

Сортовой стеклопосуды — на 5,0 млн. руб. не производились.

Производство стройматериалов увеличится более чем в 6 раз.

Перед легкой и текстильной промышленностью Дагестана стоит задача максимально удовлетворить потребности населения республики в товарах широкого потребления, а так же выпускать продукцию для вывоза в соседние республики и области. Для этого необходимо расширить существующие и построить новые предприятия легкой промышленности.

Осуществление строительства указанных предприятий легкой промышленности дает возможность произвести в 1970 г. хлопчатобумажных тканей 72 млн. кв. м., шерстяных тканей — 10 млн. кв. м., верхнего трикотажа — 1,5 млн. шт., бельевого трикотажа — 2 млн. шт., шерстяной пряжи — 5 тыс. тонн, ковров и ковровых изделий — 500 тыс. кв. м., швейных изделий — на 10 млн. рублей, кожаной обуви — 3 млн. пар и мебели на 10 млн. рублей.

За 10 лет большое развитие у нас получают отрасли пищевой промышленности. Это позволит резко увеличить вывоз продовольственных товаров в другие экономические районы и поднимет удельный вес Дагестана в пищевом балансе страны.

До 1970 года валовая продукция пищевой промышленности республики увеличится примерно в 5 раз, и в 1970 г. составит 565,0 млн. рублей против 121,6 млн. в 1960 г.

Существующие реальные условия дадут возможность увеличить производство виноматериалов до 20 млн. декалитров в 1970 г., против 3,2 млн. декалитров в 1959 г.; и консервов до 300 млн. условных банок, против 120,5 млн. условных банок в 1960 году.

Этими четырьмя отраслями (стекольная, легкая, пищевая и стройматериалов) промышленности Дагестана в 1960 г. было потреблено 44759 тыс. квт-ч электроэнергии, в том числе на технологические нужды — 6869 тыс. квт-ч, на двигательную силу — 32862 тыс. квт-ч электроэнергии. Электрическая же мощность, обслуживающая производственный процесс, составила 31914 квт. При этом коэффициент электрификации силовых процессов в этих четырех отраслях промышленности в среднем составлял 94,7 процента. На одного работающего в стекольной промышленности приходилось 5545 квт-ч электроэнергии, в промышленности стройматериалов — 3223 квт-ч, в легкой промышленности — 1225 квт-ч, пищевой промышленности 1372 квт-ч электроэнергии³⁷.

³⁷ Статуправление ДАССР. Сектор промышленности, сводный отчет по энергетике за 1960 г., д. 6—1—3, лл. 32—33.

В дальнейшем ожидается резкое возрастание количества электроэнергии, приходящейся на долю одного работающего в этих отраслях промышленности, в связи с введением в производство новых машин-автоматов, поточных линий и электрических печей (взамен газовых) в стекольной промышленности.

В 1960 г. на производство валовой продукции на сумму 137,7 млн. рублей этими отраслями промышленности было потреблено 44759 тыс. квт-ч электроэнергии³⁸. Исходя из этих расчетов, на производство свыше 565 млн. рублей валовой продукции этим же отраслям промышленности в 1970 г. потребуется около 180 млн. квт-ч электроэнергии. Если даже исходить из того, что потребление электроэнергии этими отраслями промышленности увеличится за десять лет лишь на 50%, то для удовлетворения нужд стекольной, легкой, пищевой промышленности и промышленности стройматериалов в электроэнергии в 1970 году потребуется около 300 млн. квт-ч дешевой электроэнергии.

Потребление такого количества дешевой электроэнергии, вырабатываемой сулакскими электростанциями, в этих отраслях промышленности приведет к резкому увеличению электровооруженности труда, повышению производительности и росту выпускаемой продукции.

Значительная часть электроэнергии, вырабатываемой Чирюртовской, Чиркейской, Миатлинской, Ирганайской электростанциями, пойдет на нужды коммунального хозяйства, для удовлетворения бытовых и культурных нужд населения и для завершения и развития электрификации сельскохозяйственно-го производства республики.

В Программе КПСС записано: «Создание, наряду с мощной промышленностью, процветающего, всесторонне развитого и высокопродуктивного сельского хозяйства — обязательное условие построения коммунизма»³⁹. Ставится задача увеличить общий объем продукции сельского хозяйства за 10 лет примерно в 2,5 раза, а за 20 лет — в 3,5 раза. При этом производительность труда в сельском хозяйстве повысится в течение десяти лет не менее чем в 2,5 раза, а за 20 лет — в 5—6 раз.

Быстрый рост производительности труда в сельском хозяйстве — более высокий по своим темпам, чем в промышленном производстве — позволит ликвидировать отставание сельского хозяйства от промышленности и превратить его в высокоразвитую отрасль хозяйства коммунистического общества.

Для такого роста производительности сельскохозяйствен-

³⁸ Там же.

³⁹ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1962, стр. 376.

ного труда, наряду с осуществлением ряда мероприятий, «партия считает одной из важнейших задач быструю электрификацию сельского хозяйства»⁴⁰.

Электрификации принадлежит огромная роль в преодолении различий между городом и деревней. На основе использования электроэнергии сельскохозяйственный труд все больше и больше превращается в разновидность труда индустриального, а быт работников сельского хозяйства приближается к условиям жизни городского населения. В конечном счете по культурно-бытовым условиям жизни сельское население сравнивается с городским.

В Дагестане к концу семилетки намечено в основном завершить электрификацию всех колхозов (совхозы республики все электрифицированы), в результате чего потребление электроэнергии в сельском хозяйстве республики возрастет в 3,5 раза, при этом более 70% потребителей будут получать электроэнергию от государственной энергосистемы. Это позволит значительно повысить экономическую эффективность электрификации сельского хозяйства, так как электроснабжение от государственной энергосистемы намного надежнее и значительно дешевле, чем от мелких отдельных сельских электростанций.

Намеченные планы электрификации сельского хозяйства позволят полностью автоматизировать водоснабжение животноводческих ферм, механизировать и автоматизировать приготовление и раздачу кормов для скота, а также механизировать уборку навоза. Значительное распространение должны получить электрифицированные зерноочистительные и сушильные пункты, установки для дезинфекции зерна с помощью токов высокой частоты, а также для облучения семян ультрафиолетовыми лучами, что обеспечивает повышение урожайности. Более широкое применение получают электрическое доение коров, электрическая стрижка овец, а также насосные установки для оросительных систем, которые будут работать с полной автоматизацией и телеуправлением.

Электрификация сельского хозяйства, широкое внедрение электрической энергии во все процессы способствует концентрации колхозного производства, меняет его облик, сближает кооперативно-колхозную собственность с всенародной, социалистической собственностью.

XXII съезд и последующие пленумы ЦК КПСС поставили перед сельским хозяйством страны грандиозные задачи по крутому подъему всех ее отраслей. Этот подъем в основном будет достигнут на основе механизации и электрификации сельскохозяйственного производства. Выполнением сельским

⁴⁰ Там же, стр. 379.

• хозяйством страны поставленных задач будет решена историческая задача коммунизма — создание подлинного изобилия продуктов питания для всего народа.

Основоположник Советского государства и создатель Коммунистической партии Советского Союза Владимир Ильич Ленин всегда указывал, что создание материально-технической базы коммунизма невозможно без электрификации страны. Он говорил: «Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма»⁴¹.

Исторический план ГОЭЛРО, разработанный по инициативе и при непосредственном участии В. И. Ленина, был первым народнохозяйственным планом экономического переустройства и развития нашей страны на основе электрификации. В дальнейшем во всех народнохозяйственных планах, разрабатываемых Коммунистической партией, проблеме электрификации отводилось ведущее место.

И в новой, третьей Программе КПСС говорится: «Определяя основные задачи строительства коммунистического общества, партия руководствуется гениальной формулой В. И. Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»⁴².

—◆—

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 343.

⁴² Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1962, стр. 368.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Наша партия всегда уделяла и уделяет большое внимание изучению культурного наследия исторического прошлого всех народов нашей страны и высоко оценивает прогрессивные, демократические традиции в развитии общественной мысли народов СССР.

Глубокое изучение процесса формирования и развития передовой общественной мысли народностей Дагестана, как и всех народов СССР, является важной задачей.

Обзор источников и литературы по вопросам, связанным с изучением истории общественно-политической мысли народов Дагестана во второй половине XIX века, показывает, насколько решение этой проблемы отстало от требований сегодняшнего дня. До сих пор она никем не затронута. Имеются только некоторые общие работы, в которых фрагментарно освещены отдельные стороны вопроса. Единый процесс развития передовой идеологии народов Дагестана не прослежен. Такие важные вопросы, как оценка и анализ прогрессивных взглядов передовых людей Дагестана в эпоху до и после присоединения его к России, освещение связей просветителей Дагестана с Россией и ее передовой культурой, характеристика их деятельности по распространению светских знаний, их усилий в борьбе против феодально-клерикальной идеологии, не изучены и не нашли отражения как в существующей литературе по истории философской и общественно-политической мысли страны, так и в исторической литературе Дагестана. Таким образом, в истории философской и общественно-политической мысли народов СССР общественная и философская мысль Дагестана до сих пор не утвердилась как равноправный ее раздел.

Общественная мысль, взгляды передовых прогрессивных деятелей всегда выражали интересы поднимавшихся на борьбу классов и были связаны неразрывными узами с той исторической и национальной почвой, на которой они возникли. Вследствие этого, передовая общественная мысль отражает своеобразие путей исторического развития данного народа. Раскрытие национальных и исторических характерных, отличительных свойств общественной мысли прошлого дает

возможность утверждать, что развитие идей каждого народа имеет свое национальное своеобразие и реальную основу в общественной жизни.

Марксистско-ленинская концепция истории формирования и развития общественной мысли, будучи глубоко диалектической, требует конкретного анализа и всестороннего рассмотрения мировоззрения любого мыслителя, выяснения его места в общем ходе развития общественно-политической мысли народа, выяснения и оценки основных направлений общественной мысли каждого народа и на каждом данном отрезке времени.

В данной статье делается попытка в какой-то мере осветить основные направления общественной мысли народов Дагестана во второй половине XIX века, показать те социальные и политические условия, которые лежат в основе формирования мировоззрения представителей того или иного направления.

Изучение взглядов прогрессивных деятелей Дагестана необходимо и потому, что критика, данная ими в своих трудах феодально-патриархальных порядков, религии ислама и политики церковников, представляет практический интерес, так как может быть использована в лекционной и разъяснительной работе. В работе «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин, критикуя авторов, искажающих марксизм в вопросах критики религии, писал: «Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают»¹. Точно так же остроумные, талантливые произведения прогрессивных деятелей Дагестана, направленные против мусульманской веры, не потеряли своего значения и могут быть использованы в нашей атеистической пропаганде.

* * *

К. Маркс и Ф. Энгельс из всего разнообразия общественных отношений самыми главными определяющими считали производственные отношения. Они установили, что производственные отношения, составляя экономическую структуру общества, его базис, являются той основой, которая опреде-

¹ В. И. Ленин, т. 33, изд. 4-е, стр. 204.

ляет всю надстройку «правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и других воззрений каждого исторического периода»².

Здесь не лишне будет привести высказывание немецкого философа-марксиста Г. Лея, который писал: «Философия находится в непосредственном взаимодействии с производственными отношениями, а ее сущность и содержание косвенно, в конечном итоге, определяются характером производительных сил и соответствующим им состоянием орудий производства. Поэтому вполне оправданно начать исследование с изложения некоторых сторон производственных отношений. Характеристика классовых противоположностей определит и основные направления в философии»³.

Исходя из этого положения марксизма основные направления общественной мысли народов Дагестана во второй половине XIX века необходимо рассматривать как отражение экономических, производственных отношений, которые существовали в то время, как отражение расстановки классовых сил в дагестанском ауле.

В рассматриваемый период Дагестан состоял из самых разнообразных районов как по своему географическому положению, так и по политическому и социально-экономическому строю, который отличался пестротой общественных отношений. «В горной части Дагестана феодальные элементы не успели окончательно закабалить крестьян и превратить их в крепостных, хотя отношения господства и подчинения здесь твердо установились. На плоскости шамхалы, ханы, уцмий, беки, чанки, сала-уздени, крупное духовенство (шейхи и сеиды) и торгово-ростовщические элементы успели закабалить значительную часть населения (чагаров, раят, терекемен, кулов и каравашей) и установить режим крепостного права, а уздени, обязанные податями и повинностями, сохранили только видимость личной свободы, а фактически во многих феодальных владениях они не отличались от крепостных»⁴.

Феодальные отношения особенно сильно были развиты в приморском Дагестане. Так, на Кумыкской плоскости преобладающее значение имела феодальная собственность на землю. В отличие от других районов тут основное положение занимало крупное земледелие, которое создавалось на основе экспроприации земель общинных крестьян-узденей.

В 60-х годах царское правительство в Дагестане провело административные и крестьянские реформы. Но проведенные

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1953, стр. 26.

³ Г. Лей, Очерк истории средневекового материализма (перевод с немецкого), М., 1962, стр. 42.

⁴ Х.-М. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1954, стр. 78.

крестьянские реформы значительную часть населения Дагестана вообще не затронули⁵. Зависимые отношения здесь сохранились вплоть до 1913 года, т. е. до времени утверждения Государственным советом и Государственной думой закона «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам».

Крестьянские реформы в Дагестане носили половинчатый и уродливый характер. Они были проведены в интересах местной феодальной верхушки и сопровождались самым безудержным грабежом крестьян. Реформы не разрешали земельного вопроса, не ликвидировали противоречий между крестьянами и землевладельцами⁶.

Но несмотря на это, реформы все же способствовали росту производительных сил Дагестана, его экономическому развитию и культурному росту населения.

Необходимость отмены крепостного права в России вытекала из необходимости приведения в соответствие производственных отношений характеру производительных сил, а также из всенарастающего общественного протеста. Эти же причины, а также необходимость приспособления экономики Дагестана к задачам колониальной эксплуатации и нуждам буржуазного развития России толкали царское правительство на реформы в Дагестане, где еще сохранились феодальные отношения.

Проведенные царским правительством реформы содействовали включению экономики Дагестана в общий поток экономического развития России.

Экономическое развитие и изменения в экономическом строе дагестанского общества шли в направлении, с одной стороны, становления феодального строя у отдельных народностей, а с другой, — разложения этого строя у других. К 60—70 годам XIX века народы Дагестана, хотя у них господствовали патриархально-феодальные отношения, были втянуты в русло капиталистического развития. Таким образом, в своем экономическом развитии Дагестан не был однородным, вернее, одноукладным.

Все это свидетельствует о том, что политическая победа царизма в Дагестане в середине XIX века явилась тем толчком, который привел в движение экономику и которого не хватало до присоединения края к России.

⁵ Г. Г. Османов, Дагестанский аул накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Рукописный фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, № 2893.

⁶ Х. Х. Рамазанов, К вопросу о борьбе раят и зависимых узденей за ликвидацию крепостнических отношений. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. V, 1958, стр. 161—179.

Проникновение товаро-денежных отношений и разложение феодального базиса сказывалось во всех отраслях экономики области. Причем капиталистические отношения проникали не только в районы с развитым феодальным строем, но и в районы, где эти отношения были в зачаточном состоянии.

Административные и крестьянские реформы, проведенные царским правительством в Дагестане, развитие здесь капиталистических отношений и разложение феодального строя, еще не успевшего вылиться во всех районах в одинаковой степени в свою классическую форму, нашли неодинаковый отклик среди различных социальных слоев. В результате изменений, происшедших в социальном строе, изменилось и положение классов и их отношение к русской администрации, к царизму. Изменились и идеологические отношения, отражавшие расстановку и политические интересы классов.

Процесс развития экономики Дагестана был сложным, и это обстоятельство необходимо рассматривать как ключ к пониманию всей остроты отношений между классами и их столкновений.

Основным производительным классом, как и прежде, оставалось дагестанское крестьянство, на плечи которого были возложены все тяготы тогдашней общественной жизни. Тяжелое положение крестьянских масс, которые испытывали гнет местных феодалов, зажиточной аульской верхушки и царских колониальных властей, рост налогового бремени, а также уродливый характер проведенных административных и крестьянских реформ, способствовавших росту производительных сил, вызывали недовольство со стороны эксплуатируемых масс. Здесь шла упорная борьба против эксплуатации, и эта борьба нередко перерастала в борьбу против колониальной политики царизма⁷. Так, в 1861—1862 годах произошли волнения крестьян в Табасаране и Андийском округе, а позже — 5 мая 1866 года в с. Маджалис, в 1871 г. в сел. Ункратль произошли восстания крестьян, которые царизм жестоко подавил⁸.

Проведенные царизмом реформы в какой-то степени затрагивали также и интересы господствующих классов Дагестана. Образование Дагестанской области, ликвидация ханско-бекского управления и введение нового закона о судопроизводстве вызвали недовольство со стороны светских

⁷ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков, Махачкала, 1957, стр. 293—331; Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 242—250; И. Р. Нахшунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России, Махачкала, 1956, стр. 52—146.

⁸ Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 71.

и церковных феодалов, из-под ног которых ускользали выгоды, вытекаемые из наличия в их руках политической власти. Эти выгоды переходили к русским чиновникам, заменявшим местных феодалов и духовенство в государственном управлении и отправлении правосудия.

Многие клерикалы и светские феодалы вели активную антирусскую агитацию. В этот период начали усиленно действовать религиозно-политические сектантские организации («тарикатисты», «зикристы»). Эти религиозные секты вели пропаганду в пользу Турции.

12 апреля 1877 года началась русско-турецкая война, и в том же году началось восстание в Чечне. Предводители движения в Чечне обратились к дагестанцам с призывом восстать против русского владычества на Кавказе. Эти призывы нашли отклик как среди феодально-клерикальной верхушки Дагестана, так и среди крестьянства. Здесь «восстанием оказались охвачены 504 населенных пункта»⁹.

К восстанию горцев привел жестокий гнет со стороны царской администрации и местных феодалов. Народные массы вели борьбу за свое национальное и социальное освобождение, но захватившие руководство восстанием феодалы и духовенство стремились использовать протест народных масс и благоприятную обстановку в своих корыстных целях¹⁰.

Царские карательные отряды ценой больших потерь подавили восстание 1877 года. «Царизм приступил к расправе. Наиболее активные участники восстания были преданы военно-полевому суду в Дербенте и Гунибе. Согласно приговору, имам Гаджи-Магомед Согратлинский, кадий Цудахарский, Кази-Ахмед и Абдул Казикумухский и др., всего около 300 человек, были казнены. Из 8 округов Дагестана около 5000 человек, независимо от возраста, пола, степени вины, были высланы. Многие из них от тяжелых лишений и непривычных климатических условий России погибли»¹¹.

Жестокое подавление восстания 1877 года не приостановило крестьянских волнений в Дагестане. Борьба трудящихся за национальное и социальное освобождение продолжалась. Даже сословно-поземельная комиссия была вынуждена констатировать, что «в 1895 году в райятских селениях Кайтаго-Табасаранского округа возникли волнения, причем райяты отказывались отбывать своим бекам установленные обычаем повинности. Эти волнения повторились в начале текущего 1898 года, хотя вследствие принятых строгих мер райяты успокоились, но это успокоение надо признать временным,

⁹ Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 248.

¹⁰ История Дагестана (проспект). Т. I, Махачкала, 1961, стр. 51—52.

¹¹ Очерки истории Дагестана. Т. I, Махачкала, 1957, стр. 249—250.

впредь до возникновения нового серьезного повода к столкновению между райятами и беками»¹².

Жестокость и репрессии царских властей способствовали росту политической сознательности трудящихся горцев. Но еще больше этому способствовало развитие капиталистических отношений в дагестанском ауле проникновение идей революционной борьбы рабочего класса России. Проводниками этих идей, главным образом, являлись горцы, побывавшие в больших промышленных городах на отхожих промыслах, и передовые рабочие, появившиеся в городах Дагестана и на рыбных промыслах во второй половине XIX в. в период, когда интенсивно развивавшиеся капиталистические отношения в России проникали неудержимо в экономику страны гор.

Как известно в этот период в Дагестане была сильно развита кустарная промышленность. К концу века, точнее к 1898 году здесь было 15868 кустарей и ремесленников¹³, которые подвергались жестокой эксплуатации со стороны представителей торгового капитала. Наряду с кустарной промышленностью к концу XIX века появляется и получает развитие фабрично-заводская промышленность.

В деле быстрого экономического развития Дагестана серьезным тормозом было отсутствие удобных путей сообщения. Экономическая потребность, военно-стратегическое положение Дагестана, также и развитие капитализма в России вширь требовали строительства здесь железной дороги. Поэтому в 90-е годы линия Владикавказской железной дороги была соединена с Закавказской магистралью через Петровск и Дербент, а затем она была протянута до Царицына и приволжских областей. В результате Дагестан оказался связанным с Закавказьем и с бассейном Каспийского и Черного морей и Волжским бассейном.

Усиление железнодорожных связей с конца 90-х годов приводит к быстрому развитию добывающей и обрабатывающей промышленности. Но несмотря на некоторое развитие, все же промышленность Дагестана носила колониальный характер. Здесь преобладали мелкие предприятия полукустарного типа, механизация производства была низкая, редко где применялись машины.

Проникновение в Дагестан капиталистических отношений во второй половине XIX века, несомненно, не означало господства этих отношений. Капиталистические отношения здесь делали только первые шаги. В Дагестане в целом господствовал

¹² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 4.

¹³ Памятная книжка и адрес-календарь в Дагестанской области на 1901 год под редакцией Е. И. Козубского. Т.-Х-Шура, 1901, приложение № 7. (Здесь речь идет только о мастерах, а подмастерья и ученики в это число не входят).

патриархально-феодальный уклад, но в экономике пореформенного периода появились элементы капитализма.

В Дагестане во второй половине XIX века основная масса крестьянского населения (80—90% хозяйств)¹⁴ занималась преимущественно полеводством и садоводством. Но земледелие не обеспечивало горского крестьянина пропитанием на круглый год. Поэтому горец вынужден был реализовать изделия ремесла и продукты животноводства, а также заниматься отхожим промыслом и таким образом приобретать недостающее количество хлеба на стороне.

В рассматриваемый период в горных районах было преимущественно распространено мелкотоварное хозяйство, которое заменило господствовавшее ранее в горах натуральное хозяйство.

Под влиянием развития товарно-денежных отношений изменился также и характер использования земель местными феодалами. Они стали свои земельные угодья сдавать в аренду как местному крестьянству, так и в большей части переселенцам-колонистам, прибывающим из России¹⁵.

В связи с концентрацией средств производства в руках отдельных крупных предпринимателей, происходило разорение мелких хозяев и превращение их в наемных рабочих. Особенно сильно «концентрация средств производства наблюдалась в виноградарстве, получавшем наибольшее товарное значение»¹⁶.

Районами развитого промышленного скотоводства, главным образом, овцеводства, были горные районы Дагестана. С проникновением элементов капитализма в сельское хозяйство нагорного Дагестана происходит концентрация поголовья скота, главным образом овец, в руках крупных скотоводов. Отдельные представители кулацких и помещичьих хозяйств в горах сосредоточивали в своих руках большое количество мелкого и крупного рогатого скота, а также пастбищных земель. Для хозяйства крупных овцеводов животноводство являлось источником накопления богатства. Продукты животноводства в этих хозяйствах носили товарный характер и служили целям эксплуатации горской бедноты.

В связи с ростом населения крупных городов, повысился спрос на продукцию животноводства и усилился вывоз животноводческой продукции по железной дороге в такие горо-

¹⁴ Х.-М. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 81.

¹⁵ С. Ш. Гаджиева, Кумыки. М., 1961, стр. 167.

¹⁶ А. Мелешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX веков. Рукописный фонд Дагфилиала АН СССР, № 2787, стр. 386.

да, как Баку, Грозный, Воронеж, Курск, Нижний Новгород, Харьков, Ставрополь и даже в Варшаву. Особенно повысился спрос на животноводческую продукцию в городах, расположенных неподалеку от Дагестана.

Таким образом, под непосредственным воздействием товарно-денежных отношений, проникавших в горы, происходило разложение натурального крестьянского хозяйства, имущественное расслоение крестьянских хозяйств, в аулах выделялись зажиточные слои, которые концентрировали в своих руках значительную часть пахотных земель и скота. Появились также бедняцкие крестьянские хозяйства, лишенные основных средств производства. В результате этого происходила продажа и наем рабочей силы.

К концу XIX века в городах Дагестана происходит формирование национального пролетариата¹⁷.

Вслед за социальными и экономическими сдвигами и под их влиянием в Дагестане происходят изменения в культуре, просвещении и искусстве.

Дагестан в это время был центром мусульманской религиозной образованности на Северном Кавказе и имел известное влияние не только на Северном Кавказе, но и среди мусульман-суннитов Закавказья. Достаточно отметить, что в 1899 году в Дагестане было 1768 мечетей и 1976 служителей культа¹⁸.

Со времени колониального завоевания Россией Дагестана главным в общественно-политической жизни стал вопрос об отношении к господству царизма в этом крае.

Ярким проявлением борьбы народов Кавказа против царского колониального режима и местных феодалов в первой половине XIX века, вплоть до конца 50-х годов, было движение за независимость под руководством Шамиля. Эту борьбу дагестанцы не прекращали и после пленения Шамиля и в рассматриваемый период. Но во II половине XIX в. крестьянские волнения и восстания нередко начинают принимать классовый характер, становятся более организованными, участники их проявляют больше сознательности, так как в горы Дагестана, особенно в последние десятилетия прошлого века, стали проникать идеи революционной борьбы рабочего класса России.

Но тем не менее в своей борьбе народы Дагестана вставляли под знамена ислама, говоря конкретно, под знамена кавказского мюридизма. «Как классовая, так и национальная

¹⁷ И. Р. Нахшуров. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956, стр. 106—122; Г. И. Милованов. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане, Махачкала, 1963, стр. 33.

¹⁸ Памятная книжка и адрес-календарь Дагест. области на 1901 г. изд. 1 и 14. Под ред. Е. Козубского,

борьба в областях распространения ислама проявлялась в форме борьбы различных религиозных группировок»¹⁹, — пишет Г. Лей, и с этим его утверждением нельзя не согласиться.

Это лишний раз подтверждает указание В. И. Ленина, что «...выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития»²⁰.

Даже в начале века первый имам Дагестана Гази-Магомед ставил на одну доску как «злонамеренных угнетателей», так и противников шариата, считал необходимым бороться против тех и других, призывал жертвовать «жизнью и всеми благами земли, дабы возвеличить слово божие и исполнять святую волю всевышнего». Он при осаде г. Дербента обратился к жителям города с воззванием, в котором писал: «Мы рабы божии, сильные и опасные, как для всех злонамеренных угнетателей, так и для тех, которые питают вражду к проникнутым святым шариатом...»²¹.

Во второй половине XIX века даже после того, когда в 1859 году завершилась долголетняя борьба горцев Дагестана победой русского оружия и Шамиль сдался в плен царскому командованию, мусульманское духовенство Дагестана, еще представлявшее серьезную силу как по своему влиянию на общество, так и по своей численности, вело активную борьбу против влияния на умы людей русской культуры, русского образования.

Духовенство хотело сохранить свое привилегированное положение среди горцев и, встав во главе народа, захватить политическую власть.

Для этой цели они использовали религиозность, настойчиво навязывали идею, что под русским владычеством погибнет шариат. И эта их пропаганда проходила не безуспешно. Вплоть до реформы 60-х годов вся личная и общественная жизнь горцев, как и других народов исповедовавших ислам, строго регламентировалась шариатом, мусульманским правом, и подвергалась действительному контролю со стороны духовенства.

Самым сильным орудием мусульманского духовенства в их духовном порабощении народа были примечетские школы (мактабы) и медресе. «В глазах мусульманина школа, учившая читать, — пишет акад. В. А. Гордлевский, — священ-

¹⁹ Г. Лей, Очерк истории средневекового материализма (перевод с немецкого). М., 1962, стр. 51.

²⁰ В. И. Ленин, Соч. т. 4, изд. 4-е, стр. 223.

²¹ Записки штабс-капитана генштаба Пружановского «О начале и развитии юридика или духовной мусульманской войны в Дагестане и Чечне с 1823 по 1843 год». Рукописный фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, № 1233, стр. 24.

ную книгу Коран, приобщавшая человека к знанию божественной науки, окружена была ореолом благоговейного трепета»²².

В этих школах юношей убеждали в том, что вся истина и мудрость жизни заключается в священной книге мусульман — Коране, что все, что противоречит ему — ложь, которая ведет к злу и гибели. В молодых людях возбуждалось презрение ко всему, что говорится не в смысле Корана. В этих школах прививались фанатизм, вражда и ненависть к неверным. После окончания школы их питомцы становились проповедниками, кадиями, муллами, постоянно поддерживали мусульманский дух. Мактабы и медресе преследовали задачу популяризации идей ислама среди горцев и идеологического воспитания трудящихся в духе подчинения клерикалам.

Согласно шариату, формально каждый мусульманин без различия имущественного и социального положения имел право обучать своих детей в мактабе и медресе, но фактически образование получали в большей части дети духовенства и имущих классов, а дети трудящихся оставались вне школы. Если даже они иногда и поступали в школу, то все же они не могли закончить ее из-за недостаточности средств. Дети бедных крестьян вынуждены были работать в хозяйстве своей семьи или же по найму. Платность обучения и его длительность обеспечивали социальный отбор учащихся.

В мактабах детей учили читать Коран и другие религиозные сборники об обязанностях мусульманина. Эти книги механически зазубривались учащимися. Здесь не могло быть и речи об изучении родного языка и других общеобразовательных предметов.

В медресе готовились кадры духовенства, которые одновременно могли быть и школьными учителями.

В духовных школах, в частности в медресе, преподавалась схоластическая философия, которая опиралась на авторитет восточных и греческих философов, представленных средневековыми арабскими и дагестанскими комментаторами. Эта философия была идеализмом в его чистейшем виде, но окрашенная в религиозную окраску. Она полностью соответствовала той роли, которая отводилась философии, служившей предверием для усвоения богословия.

Схоластическая философия несомненно выходила за пределы духовных учебных заведений, не замыкалась в их стенах, она находила известный отклик среди образованной части населения.

Принимая во внимание общие социальные и культурные условия развития Дагестана в XIX веке, следует признать,

²² В. А. Гордлевский. Избр. сочинения, т. III, М., 1962, стр. 45.

что схоластика, несмотря на все ее пороки, все же сыграла известную роль культурного фактора в становлении общественно-политической и философской мысли в Дагестане.

Схоластическая восточная философия привила вкус к философствованию, основанному не только на слепой вере в установления ортодоксального ислама или других его сект, в частности мюридизма в Дагестане, получившего особенно большое развитие в первой половине XIX века, и зикризма, появившегося во второй половине XIX века, но так же на вере в человеческий разум и его познавательные способности. Схоластическая философия в какой-то мере способствовала и развитию логического мышления и вообще расширяла теоретические познания ученых. Она также способствовала накоплению мыслительного материала, на который должна была опираться философская и общественная мысль Дагестана в следующий период своего развития, когда она начала порывать с ролью прислужницы ислама. Под влиянием схоластической философии усиливалась идеологическая борьба. Хотя эта борьба велась в форме религиозных споров и диспутов, но в сектантской мысли нередко обнаруживались элементы свободомыслия и рационалистической критики религии.

Но при этом нельзя не отметить, что критика мусульманской ортодоксальной религии со стороны отдельных сект была не всегда критикой слева, нередко эта критика оказывалась критикой справа. Характерным в этом отношении является мюридистское движение, господствовавшее в горах Дагестана в первой половине XIX века, и движение «зикризм», которое особенно усилилось во второй половине XIX века.

«Кавказский тарикат, выполнял роль оплота мусульманской религии, — пишет Н. А. Смирнов в своей работе «Мюридизм на Кавказе», — призванного спасти ее от опасности уничтожения «неверными». Это спасение, конечно, не связывалось с задачей создания новых общественных форм, с попытками реформировать старый быт, противоречивший трудовой жизни горцев в XIX в. Идеология тариката тянула горское общество назад, мешала его общему развитию, а следовательно, и освободительной борьбе»²³.

К. Маркс писал, что «...философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания, и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной среде»²⁴.

²³ Н. А. Смирнов, Мюридизм на Кавказе. М., 1963, стр. 145.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. I, М., 1962, стр. 23.

Философия в Дагестане, говоря словами К. Маркса, «вырабатывалась» очень долго, и она оставалась в сфере религиозной формы сознания. Этот процесс и высвобождение философии из религиозных форм сознания в силу ряда обстоятельств и особенностей исторического развития этого края затянулся и к рассматриваемому нами периоду не был завершен.

Вся научная мысль дагестанских мусульманских ученых сводилась к изучению и трактовке догматов ислама—мусульманского права, к разработке проблем восточной философии, логики, арабской грамматики, истории и редко астрономии, математики и географии. Ложная мудрость религии не была способна проводить ничего, кроме лакейского угодничанья мысли. Церковная идеология ислама в центре всего существующего ставила бога с иерархией на небе, которая отражала феодальную иерархию на земле. По этой идеологии человека с богом связывает бессмертная, нематериальная душа, которая на каждом шагу земной жизни человека встречает соблазны, являющиеся препятствием для соединения после смерти с богом. Это положение церковного учения заключало в себе проповедь аскетизма, проводило идею терпения к невзгодам и слепого повиновения сильным мира сего во имя блаженства после смерти.

Период до окончания Кавказской войны и пленения Шамиля для народов Дагестана был очень тяжелым. В эти годы религиозная реакция достигла наибольшей силы и малейшее проявление свободомыслия жестоко преследовалось представителями мусульманской клерикальной верхушки.

Мусульманская церковь и религия занимали важнейшее место во всей общественной системе Дагестана. По своему образу жизни феодалы из духовенства не уступали светским: высасывали все соки из обездоленных народных масс, были гонителями просвещения.

Политика, наука, философия, мораль, т. е. все формы общественного сознания в Дагестане, были подчинены религии ислама. Реакционная феодально-клерикальная идеология была направлена на обоснование и укрепление феодально-клерикальных отношений и подавление малейшего проявления свободомыслия. Эта идеология в руках господствующих классов играла реакционную роль, как одно из орудий духовного закабаления народа.

Поэтому борьба против мусульманской церкви и религии в Дагестане приобретала особую остроту. Тем более и в рассматриваемый период, как и в первой половине XIX века, значение церковников в политической жизни края несколько не уменьшилось.

В эти годы в Дагестане появляется плеяда смелых просветителей, отражавших интересы и настроения крестьянства

и зарождающейся буржуазии и подрывавших политическую и идеологическую надстройку феодального общества. Они решительно выходят за рамки мусульманской теологии, и, будучи связанными с русской культурой, сумели перешагнуть через запреты мусульманского правоверия.

Во второй половине XIX века были созданы необходимые предпосылки для более тесного культурного сближения горцев с русским народом.

Н. А. Добролюбов в статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе» писал: «Когда русское управление делает то, что для горцев не будет привлекательною перемена его на какое-нибудь другое тогда только спокойствие на Кавказе и связь его с Россией будут вполне обеспечены.

И вот в достижении этого-то результата должен отныне состоять весь труд наш на Кавказе. Нельзя не сознаться, что труд будет очень велик. Нужно будет внушать диким племенам истинные начала образованности и гражданского быта, начала, уже извращенные в них во время предшествовавшей борьбы... как трудно будет совершить все это, — можно себе представить, припомнивши только, что горцы все-таки смотрят на нас очень недоверчиво, что самая религия много препятствует им в условиях истинной цивилизации и что они находятся под значительным влиянием своих мулл-невежественных и своекорыстных. Единственно возможное средство для приобретения их доверия и расположения состоит в существенном, значительном, ясном для них самих улучшении их быта»²⁵.

Несмотря на то, что прогрессивная русская культура и наука проникали в Дагестан не в такой степени и не так, как этого хотел великий критик, все же в пореформенный период под влиянием России в идейной жизни дагестанцев усилился процесс развития общественного самосознания.

Как известно у русских писателей и всей передовой русской интеллигенции появился интерес к Кавказу еще с начала XIX века. Пушкин дважды посетил Кавказ, превосходно описал его во многих своих произведениях. Прекрасно знал Кавказ и А. С. Грибоедов. Печатью яркой самобытности отмечены многие произведения о Кавказе, и в частности о Дагестане, принадлежащие современникам Пушкина—Бестужеву-Марлинскому и Полежаеву. Оба они были сосланы на Кавказ при Николае I. Бестужев-Марлинский был участником восстания декабристов, а Полежаев написал опасную для царизма сатирическую поэму «Сашка». Кавказ был дорог и Лермонтову, для которого Кавказ был не только романтической, но и героической страной.

²⁵ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений. М., 1937, стр. 156.

Во второй половине XIX века, начиная с 60-х годов, в Дагестан все чаще приезжают русские ученые, литераторы, представители искусства, изучавшие историю, этнографию, языки, хозяйственный строй и культуру горцев.

Ряд крупных писателей обогатил литературу произведениями, отражающими жизнь и быт Дагестана.

Передовые представители общественности России от Пушкина до Толстого выражали к народам Кавказа, угнетавшимся царской властью, глубокую симпатию, приветствовали их борьбу за независимость, изучали их историю, их современную жизнь, их поэтическое творчество.

Передовая русская культура, и в первую очередь литература, привлекала местную интеллигенцию своей народностью, свободомыслием, гуманизмом, терпимым отношением и отсутствием пренебрежения к другим национальностям.

Любовь к родине, пронизавшая всю русскую литературу, вдохновляла не только русских, но и передовую интеллигенцию Дагестана. Произведения выдающихся представителей русской культуры Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого и др., в которых нашли отражение лучшие черты русского народа, были для нарождавшейся дагестанской светской интеллигенции духовным подспорьем в формировании их мировоззрения, в росте их национального самосознания, в их стремлении к самоотверженной готовности служить своему народу.

Отдельные представители дагестанской интеллигенции по примеру русских собратьев живо интересовались судьбами своей родины, ее прошлым и настоящим, и нередко практически вмешивались в разрешение важных общественно-политических вопросов, которые так или иначе затрагивали интересы народа, они заботились о его культурном развитии, старались приобщить свой народ к русской культуре, сблизить его с общественной жизнью России. Своей культурно-просветительской деятельностью они подготовили почву для обширной и плодотворной деятельности следующего поколения.

Большое значение в деле формирования дагестанской светской интеллигенции имели русские школы, которые создавались в Дагестане. Во второй половине XIX века, когда в Дагестане установилась относительно мирная жизнь, горцы на своем жизненном опыте убеждались в необходимости обучения детей в русских школах. Независимо от целей преподавания, русский язык служил средством приобщения народов Дагестана к великой русской литературе и способствовал не только росту местной интеллигенции, но и развитию передовой мысли.

В 40-х годах XIX века во всем Дагестане было только

два светских учебных заведения, но уже в 60-х годах их число увеличилось в несколько раз. Причем школы открывались не только в городах, но и в аулах — Кумухе, Ахта, Хунзахе, Аксае, Костеке и др. Ряд школ открывается и при воинских частях²⁶.

Несмотря на то, что царское правительство принимало некоторые меры к усилению русской образованности горцев, Дагестан среди других народов Кавказа в деле охвата учащихся светскими русскими школами занимал последнее место. Это вынуждена была признать даже царская администрация. Так, в «Кавказском календаре» в статье «О состоянии учебной части на Кавказе и Закавказье в 1865 году» указано, что наименьший процент учащихся приходится на население Дагестанской области, что на 100 человек в Дагестане учится 0,06 человека²⁷, т. е. на каждые 100 тыс. человек в русских школах обучалось всего лишь 6 человек, что, конечно, не могло обеспечивать потребности края даже в ограниченном количестве. В школах, создаваемых царским самодержавием, обучались дети состоятельных родителей, но и это было значительным событием в жизни Дагестана, где до этого, кроме духовных учебных заведений, других не было. На учебу детей горцы отправляли также и за пределы области — в Ставрополь, Баку, Тбилиси и т. п.

Таким образом, во второй половине XIX века появляется интеллигенция из местных народностей. В творчестве мыслящей части этой интеллигенции отражалась общественная жизнь Дагестана. Кроме того, хотя и очень редко, из стен медресе выходили отдельные талантливые поэты, мыслители, просветители своего времени, которые стали известными прогрессивными деятелями, главным образом, благодаря упорной самостоятельной работе над собой и прѳобщению к русской науке и культуре. Это было исключением. Медресе в основном являлись орудием в руках реакционных сил и воспитывали они реакционных служителей ислама.

Развитие передовой общественной мысли народов Дагестана во второй половине XIX века проходило в ожесточенной, очень сложной и напряженной борьбе против клерикально-феодальной реакционной идеологии.

В этот период в Дагестане большое распространение получила философия просвещения. Видными представителями культуры, просветительской философии в Дагестане были Абдулла Омаров, Магомед-Эфенди Османов, Гасан-Эфенди Алкадари, Айдемиров-Чиркеевский и др., которые преданно и самоотверженно служили прогрессу своего народа.

²⁶ Г. Ш. Каймаразов. Прогрессивное влияние России на развитие просвещения и культуры в Дагестане. Махачкала, 1954, стр. 10.

²⁷ Кавказский календарь. Тифлис, 1867, стр. 381.

В тех исторических условиях Дагестана главной задачей передовой общественной мысли была борьба против феодального строя как в учреждениях, так и в идеях, борьба с религией, теологией и мусульманской религиозной схоластикой. Критика догматов мусульманской веры, схоластики и теологии превратилась в борьбу просветителей со всей феодальной идеологией в целом.

Говоря о просветителях Дагестана, нельзя не подчеркнуть то своеобразие дагестанских условий, при которых появилась плеяда просветителей во второй половине XIX века.

Просветителей XVIII века на западе считают общепризнанными вожаками буржуазии, замечательными общественными деятелями, мужественными борцами против крепостного права. Поборниками просвещения и свободы являлись также и просветители России. Просветительство в России развивалось в период разложения крепостничества и зарождения капиталистических отношений. В своем раннем периоде (Радищев, Кречетов, Новиков) оно было оплодотворено воззрениями французской просветительной философии и складывалось под влиянием буржуазных революций на западе. Русские просветители 40—60-х годов появились тогда, когда, как указывал В. И. Ленин, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»²⁸.

Как указано выше, в Дагестане во второй половине XIX века нарождались буржуазные отношения и как результат этого процесса в тот период появляется просветительство. На его формирование в Дагестане оказала большое влияние деятельность просветителей России, что нашло яркое выражение в творчестве Гасана-Эфенди Алкадари, Абдуллы Омарова, Магомед-Эфенди Османова, Юсупа Муркелинского, Гасана Гузунова, Маная Алибекова и др.

Основным исходным положением мыслителей той эпохи в оценке религиозных догм являлся рационализм, хотя и не всегда последовательный. Они подвергали сомнению и проверке все положения господствовавшей тогда религиозной идеологии. В вопросах социологических выразители интересов крестьян выступали за ликвидацию феодального угнетения, за жизнь за счет личного труда, а не набегов и т. п. Эти требования крестьян нередко получали отражение в творчестве народных поэтов, в произведениях фольклора.

Обычно, когда мы говорим о крестьянской идеологии, трудно бывает выделить идеологов этого направления, так как носители этой идеологии — крестьяне не всегда могли ее изложить систематически и сама эта идеология не могла развиваться самостоятельно ввиду того, что в то время в Дагестане для этого еще не созрели экономические условия.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 315.

Поэтому в крестьянской идеологии в измененной форме отражается антифеодалное сознание, но в его наиболее развитой форме, то есть в виде восприятия его материалистических и атеистических элементов.

Общественная мысль в Дагестане во второй половине XIX века имеет разнообразные течения. Но в преобладающем большинстве своим острием она направлена против теологических и схоластических учений, служивших мусульманской церкви и светским феодалам. Просветительство в Дагестане не имело единой философской основы, и среди его представителей встречались последователи идеализма, чаще эклектики, но основной их объединяющей чертой был рационализм. Они в своих трудах обосновывали роль разума и просвещения, значение сознательной деятельности людей в жизни общества. Свои требования просветители Дагестана, исходя из рационализма, выводили из разума, что соответствовало требованиям нарождающейся буржуазии. Все, что отвечало интересам этого класса, им казалось соответствующим интересам всего народа.

Выступая от имени всех слоев населения, «просветители не выделяли, как предмет своего особого внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще»²⁹.

Хотя дагестанские просветители выступали не как последовательные материалисты и атеисты, но в целом их воззрения сыграли положительную роль в подъеме общего культурного уровня народов Дагестана, содействовали просвещению масс, борьбе против крепостничества и за национальное освобождение.

Философия просвещения народов Дагестана во второй половине XIX века сложна и противоречива. В ней переплетаются различные тенденции: борьба за научный прогресс, за просвещение, борьба с феодальной идеологией, религиозное свободомыслие и даже элементы отрицания в вопросах богословия. Такого рода сплетение крайне противоположных идей объясняется политическим брожением и новыми, не вполне осознанными исканиями в условиях, когда феодализм как общественный уклад еще не изжил всех заложенных в нем возможностей, когда у части народов все еще сохранились патриархальные институты, а с другой стороны, капиталистические отношения уже начали пробивать себе дорогу.

Немаловажную роль здесь сыграли также и теоретические источники, под влиянием которых складывалась в Дагестане просветительская философия. Во-первых, она в какой-то степени впитала в себя тот идейный материал, который

²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4-е, стр. 493.

был выработан русской мыслью до завоевания Дагестана Россией, во-вторых, дагестанское просветительство невозможно представить и понять вне связи с арабскими и частично персидскими сектами мусульманской веры, направленными против ортодоксального ислама, и являвшимися реакцией на проникновение в эти страны зачатков капиталистических отношений.

И в самом деле, чем объяснить реформаторские тенденции в мусульманской религии в Дагестане, проникавшие сюда в конце века?

На рост реформаторского (джадидистского) движения в Дагестане повлияли не только аналогичные движения среди других мусульманских народов царской России, но и среди других народов мусульманского Востока. Нельзя игнорировать влияния того умственного подъема, который происходил в это время в Иране, Египте и Турции. В 80-х годах прошлого столетия происходил натиск европейского капитализма на эти страны, также как в России — натиск русского капитализма. Сходство прогресса культуры в мусульманских окраинах России и зарубежного Востока происходило от того, что как в пределах востока бывшей Российской империи, так и в указанных странах действовали одни и те же причины экономического характера. Дагестанцы, поддерживая культурные связи с этими странами, в некоторой степени переносили на свою родную почву следы прогресса в этих странах³⁰.

Но превалирующее значение в деле культурного подъема имела передовая русская культура, и в этом ее неценимая заслуга перед народами Дагестана.

Прогрессивная общественная мысль, которая возникла на родной дагестанской почве под влиянием демократической русской науки и культуры, вела борьбу против идеологии светских и духовных феодалов, за просвещение народа, за приобщение его к передовой русской и европейской культуре, а феодалы стремились сохранить и укрепить гегемонию не только в области экономических и политических отношений, но и в области идеологии, выразители же интересов нарождающейся буржуазии стремились приспособить ислам к новым экономическим условиям, исходя из своих корыстных интересов.

В конце XIX века, в 90-е годы, преодолевая сопротивление средневековых буржуазных воззрений, научный социализм начал проникать в рабочее движение Дагестана. Основными очагами распространения марксистских идей были города.

³¹ Акад. И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. VI, М.—Л., 1960, стр. 581—582; А. К. Закуев. Теория разума в восточной философии. Известия восточного ф-та АГУ им. В. И. Ленина, т. IV, Баку, 1929, стр. 105—132.

Несмотря на это, во второй половине XIX века, как и в предыдущий период, все еще безраздельно господствовала идеология светских и духовных феодалов. Это и понятно. «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выражение в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства»³⁰.

Но господство идеологии светских и духовных феодалов не исключало, а, наоборот, предполагало, наличие сложной и острой борьбы других направлений против господства этой идеологии.

Так как в идеологической жизни Дагестана второй половины XIX века, как и раньше, важную роль играли такие формы мировоззрения, как религия и теология, в силу условий времени, значение того или иного направления общественной мысли определяется в зависимости от его отношения к религии и теологии.

Конкретное историческое своеобразие борьбы передовой дагестанской мысли против феодально-клерикальной идеологии обуславливалось особенностями колониального положения Дагестана. Это обстоятельство определяло характер и особенности развития общественной мысли. Именно из колониального положения Дагестана вытекали наиболее острые общественно-политические и социальные вопросы, которые были основными объектами борьбы.

Понятно, что в условиях отсталого Дагестана господствующей идеологией была идеология самодержавия и господствующих классов России того периода, а идеология местных феодалов была только относительно господствующей. Феодальная идеология-исламская религия в Дагестане в тот период была на перепутье. С одной стороны, мусульманская религия выступала, как носительница идеологии клерикальных и светских феодалов самого Дагестана, а, с другой стороны, она должна была приспособиться к интересам царского самодержавия и, наконец, перелицеваться под демократи-

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 3, изд. второе, М., 1955, стр. 45—46.

ческую личину, чтобы удовлетворить потребности нарождающихся буржуазных отношений. Но тут же надо оговориться, что идеология дагестанских феодалов являлась опорой царизма, она представляла часть идеологии самодержавия. В силу такого двойственного положения идеология ислама получила двойственную оценку, т. е. царское правительство к мусульманской религии и образованности отнеслось двояко. С одной стороны, оно ставило задачу лишить мусульманское духовенство политической власти и возможности влияния на воспитание народа и господства над ним, а с другой — оно хотело мусульманскую религию использовать в своих политических целях, которые сводились в конечном итоге к тому, чтобы превратить мусульманское духовенство в верную слугу господствующих классов.

Таким образом, развитие общественной мысли в Дагестане во второй половине XIX века проходило в сложных условиях при ожесточенной и противоречивой борьбе. В свою очередь, передовая общественная мысль формировалась и укреплялась в борьбе против мракобесия, суеверия и фанатизма.

Идеологическая борьба в Дагестане и развитие общественной мысли шли по четырем основным направлениям. Этими направлениями были:

1. Идеология светских и духовных феодалов;
2. Идеология нарождающейся буржуазии, в частности торгового капитала.
3. Идеология крестьянских масс;
4. Социалистическая идеология, которая стала проникать в конце XIX века сначала в города, а затем дальше и в горы через русский пролетариат, прибывавший из России для работы на промышленных предприятиях и на железной дороге, а также через горцев, выезжавших на отхожие промысла в большие города, и интеллигенцию, которая обучалась главным образом в вузах Москвы, Петрограда и других революционных центрах.

Зарождение и развитие прогрессивной общественной мысли мы рассматриваем как закономерное явление, возникшее из материальных условий жизни широких слоев трудящихся масс Дагестана под благотворным влиянием передовой русской идеологии.

Несмотря на ограниченность мировоззрения передовых мыслителей Дагестана в их миропонимании имелись некоторые материалистические взгляды на явления природы. Хотя они не оформились как материалисты и атеисты, но их «...борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовной усладой которого является религия»³².

³² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. I, изд. II, М., 1955, стр. 414—415.

АРАБСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ ДАГЕСТАНА (XI—XVII вв.)

Эпиграфические памятники Кавказа давно привлекали внимание исследователей. Значительная часть этих памятников сосредоточена в Дагестане.

Известный русский эпиграфист Н. В. Ханыков (1822—1878) проделал большую работу по изданию многих надписей из Дагестана, важных и с точки зрения палеографии и как исторический источник¹. Дипидарные тексты из Дербента, Кубачи и Кара-Курейша были частично опубликованы академиком Б. А. Дорном (1805—1881)².

Дербентские надписи привлекались в ряде исследований, среди которых следует особо выделить работы Х. Френа³,

¹ Н. В. Ханыков. Археологическое известие. «Кавказ», 1850, № 52, 53. Его же. Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase. *Mélanges Asiatiques*, т. I. Spb. 1850. Его же. Очерк ученой деятельности на Кавказе. «Кавказ», 1851, № 25—29; Его же. О некоторых арабских надписях в Дербенте и Баку. *Записки Русск. арх. общ-ва*, т. IX, 1857; Его же. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase, *Journal asiatique*, V-e serie, t. XX, Paris, 1862; В. А. Крачковская. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике, «Эпиграфика Востока», II, 1948.

² В. Дорн. Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres. «*Mélanges asiatiques*», IV, livr. 4, Spb., 1862. Рус. пер.: Б. Дорн. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб, 1895; Его же, статья в «*Mélanges asiatiques*», t. VI; В. А. Крачковская. Из архивного наследия Ханыкова и Дорна. «Эпиграфика Востока»; IV, 1951.

³ Ch. Fraehn. Die Inschriften von Derbend. St. — Petersburg. Zeitung. 1828, № 20—23. В нашем распоряжении имеется русский перевод: Х. Френ. О надписях города Дербента. Труды и летописи Московского общества истории и древностей российских, ч. VIII, 1837. См. также: Dr. Eichwald. Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus. Bd. II. Berlin, 1838.

И. Н. Березина⁴, П. Савельева⁶, а в наше время Е. А. Пахомова⁶, М. Х. Нейматовой⁷.

Была также подвергнута тщательному анализу надпись из селения Кубачи⁸. Большое число надписей из Кумуха, Ахты, Рича, Рутула и других дагестанских аулов воспроизведено в статьях Л. И. Лаврова⁹. Кумухские надписи (в основном эпитафии) изданы М.-С. Саидовым¹⁰.

Интерес к эпиграфическим богатствам Дагестана сравнительно высок, тем не менее осталось еще много памятников арабской эпиграфики в Дагестане, которые не подверглись до настоящего времени фиксации, не говоря уже об их публикации и научном описании.

В данной статье дается в качестве материала к дагестанской арабской эпиграфике несколько архитектурных надписей из южного Дагестана, относящихся преимущественно к XI—XVII вв.

Наиболее ранняя из известных арабских строительных надписей относится к началу XI в. Она сохранилась в северной стене мечети селения Ихрек (Рутульский сельский район) и воспроизведена графически и в транскрипции с точным переводом¹¹, но с упущением начального слова «бана» («построил»), хотя оно хорошо читается. Левый край плиты отбит, сохранившаяся часть (рис. 1) в две строки читается так:

⁴ И. Н. Березин. Арабские надписи в Дербенте. Записки арх. нумизм. общ. II, 1850, стр. 64—68. Его же. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е, Казань, 1850.

⁵ П. С (авельев). Примечания об арабских надписях в Дербенте. Записки арх. нум. общ. II, СПб, 1850.

⁶ Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи Дербента. Г. С. Нью-берг. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента. Об-во обследов. и изуч. Азербайджана. № 8, вып. V, Баку, 1929, стр. 9, 24. Е. А. Пахомов. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. К толкованию пехлевийских надписей. Баку, 1930.

⁷ М. Х. Нейматова. Предварительное сообщение о дербентской поездке в 1954 г. ДАН Азерб. ССР, т. XI, 1955, № 11 (на азерб. яз. Резюме на русск. яз.). Ее же: Значение дербентских надписей для изучения истории Ширвана XV в. Известия АН Азерб. ССР, 1955, № 11. Ее же: К истории изучения Ширвана XIV—XVI вв. Баку, 1959 (на азерб. яз.). Ее же: Эпиграфические памятники Азербайджана. Баку 1963 (на азерб. яз.).

⁸ В. А. Крачковская. Из эпиграфических мотивов мечети в ауле Кубачи. Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра». Ин-т языка и мышления. М.—Л., 1938.

⁹ См. в сссылках.

¹⁰ М. Саидов. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР. «Ученые записки» Института ИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957.

¹¹ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. Сб. МАЭ, т. XVII, М., 1957, стр. 373.

1. «Построил (бана) эту мечеть после того как раз (рушена)...

2. Год четыреста седьмой».

407 год хиджры соответствует 1016—1017 гг. европейского летоисчисления.

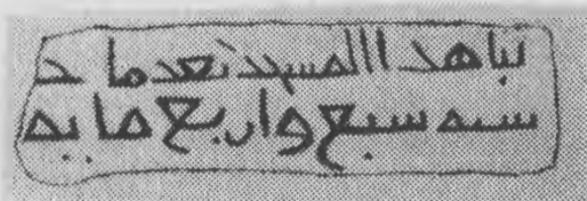

Рис. 1.

Несохранившаяся часть камня содержала, по всей вероятности, имя строителя (строка 1) и упоминание хиджры (строка 2).

К XI в. можно предположительно отнести надпись в одну строку (рис. 2), также рассказывающую о строительстве мечети — «Эта м(ечеть)....». Конец фразы, закрытый другим камнем, не читается.

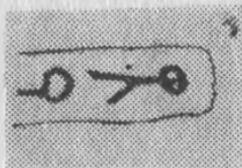

Рис. 2.

С этими двумя надписями палеографически может быть сближена еще другая, в той же стене¹². После формулы единобожия идет краткое упоминание о строительстве. Левый верхний угол отбит и только можно предположить, что там было написано имя строителя. Текст в две строки написан в необычной для арабского языка манере — чтение его нужно начинать со второй строки (рис. 3):

2. «Нет божества кроме аллаха, Мухаммед

1. посланец аллаха. Это с(делал).....»

Следующая надпись дает образец сочетания двух приемов письма — низкий плоский рельеф и текст, врезанный в камень. Двустрочная надпись (рис. 4) называет имя строителя:

1. «Царство принадлежит аллаху единому

¹² Всего на стенах ихрекской мечети зафиксирована 31 надпись в пределах XI—XIX вв. Из них 15 надписей (наиболее ранних) вставлено в северную стену, преимущественно вправо от входа.

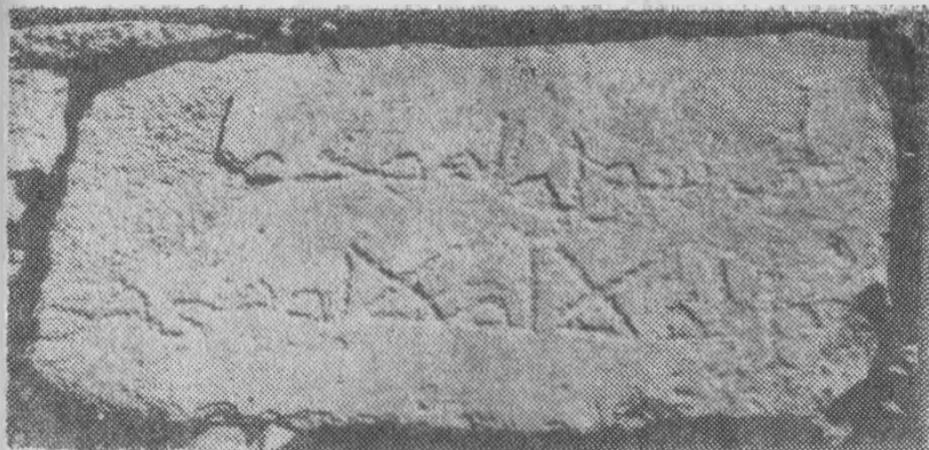

Рис. 3.

2. всепобеждающему. Это сделал (амила) Али сын Хаджи-м-й-ф».

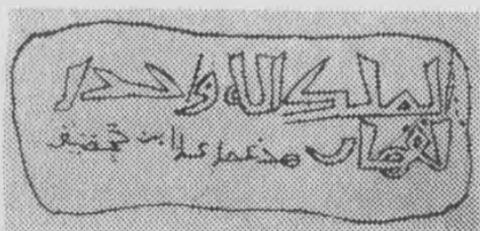

Рис. 4.

К более позднему времени можно отнести и две другие надписи в северной стене той же мечети. Первая нанесена на местный речной камень. Текст, выдержанный в низком плоском рельефе (фон снят), делится по содержанию на две части: первая — выдержка из Корана и вторая — сообщение о строительстве минарета (рис. 5):

1. «Мы призываем бога (к защите) от шайтана проклятого.

2. Во имя бога милостивого, милосердного. Построил (бана)

3. Этот минарет Рамазан, сын Хасана

4. Хусейна ради аллаха и ради посланника (его)».

Другая надпись повествует о строительстве здания в Ихреке супругами, прибывшими из сел. Цахур¹³. Письмо — переходное, с элементами куфи (рис. 6):

¹³ Ранее сообщение о Цахуре и медресе в нем относится к XIII в.— см.: Sakarija Ben Muhammad Ben Mahmud el — Caswinis Kosmographie. Zweiter Theil, hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1848, стр. 205. Русск. пер.: А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение, труды II сессии ассоциации арабистов. М., 1941, стр. 96.

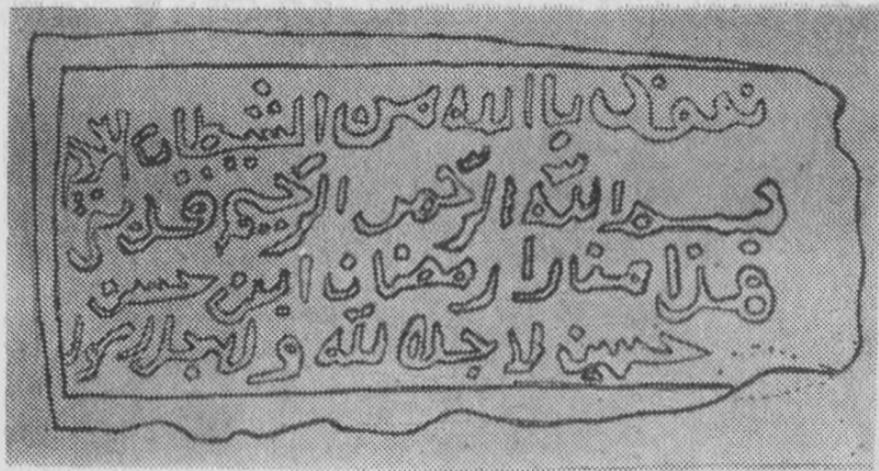

Рис. 5.

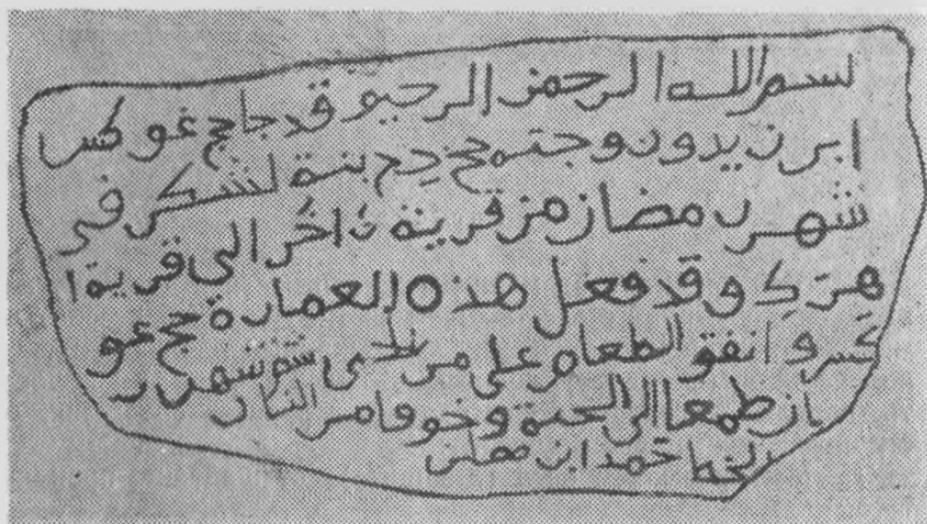

Рис. 6.

1. «Именем бога милостивого и милосердного. Вот пришли хаджжи Гук-б-р
2. сын Зейда и жена его хаджжи Хидж дочь Л-ш-к-р.
3. в месяц рамазан из селения Цахур в селение
4. Ихраки. И вот построил (фаала) это здание хаджжи Гу
5. к-б-р и наделил жизненными средствами тех, кто... Затем... месяц ра —
6. мазан — с жадью рая и боясь огня.
7. Написал эту надпись Хам-д сын М-ф-л-н».

В середине XIX в. в Цахуре зафиксировано несколько надписей XIII—XV вв.: две куфические (одна с датой 636, т. е. 1238—1239 гг.) и три строительные надписи — «характерным сулсом» — с датами 701, 770, 836 г. хиджры¹⁴, соответственно 1301—1302, 1368—1369, 1432—1433 гг., а также две надписи, датированные 677 и 766 г. х., т. е. 1278 и 1374—1375 гг.¹⁵.

Надписи 636 г. х. (в арабской транскрипции)¹⁶, 766 г. х. в транскрипции и рисунке¹⁷, а также 836 г. х. в неполной транскрипции¹⁸ уже изданы. Строительная надпись 636 г. х. (1238—1239) не воспроизводилась графически. Она находится в восточной стене мечети, что в старой части селения. Надпись принадлежит к самым ранним из датированных текстов в ауле и рассказывает о строительстве минарета (рис. 7):

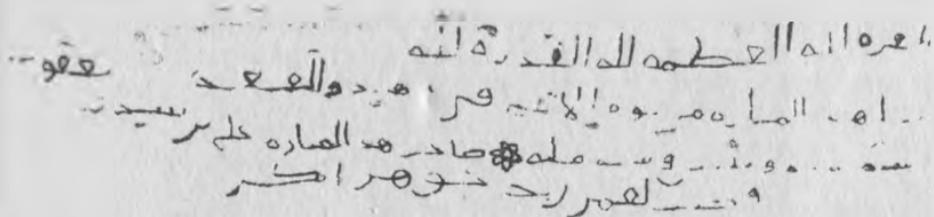

Рис. 7.

1. «Слава (мощь) принадлежит богу, величие принадлежит богу... Шахид... победа принадлежит богу.

2. Построил (бана) этот минарет во второй день месяца зу-л-ка-да

3. шестьсот тридцать шестого года. Владелец (сахиб) это-го минарета Али ибн Сайдар Якуб.

4. Написал (это) Лукман сын Зейда Акбар». Дата — 2 зу-л-ка да 636 г. х. соответствует 6 июля 1239 г.

Наибольшее число раннесредневековых надписей имеется в Рича (Агульский р-н), аульском ауле, расположенном на огромного значения трассе, соединявшей внутренний Дагестан с Закавказьем и Северным Кавказом.

Из датированных ричинских надписей две графически уже

¹⁴ N. Kharikoff. Mémoire, стр. 64—65.

¹⁵ Н. В. Ханыков. Арх. известие «Кавказ», 1850, № 3; его же статья в газ. «Кавказ», 1864, № 75.

¹⁶ А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в Дагестане. Уч. записки Ин-та ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. VI, стр. 140—141. Упоминание об этой надписи см.: В. А. Крачковская. Неизвестный альбом, стр. 38.

¹⁷ В. А. Крачковская. Неизвестный альбом, стр. 39.

¹⁸ Н. В. Ханыков. Указ. соч.; его же: Mémoire, стр. 140—141 (арабская транскрипция и французский перевод, с небольшими изменениями по сравнению с первым изданием).

воспроизводились. Одна из них отмечена 638 г. х., т. е. 1241 годом.

Надпись рассказывает о сражении жителей Рича против монгольских войск осенью 1239 г. и о строительстве крепости в июне или июле 1241 г. Имя того, кто приказал построить эту крепость, во всех предыдущих изданиях читалось как Сабадж ибн Сулейман. Однако некоторая изолированность первой черточкой и последующей за ним характерной в данном тексте «син» с убывающей высотой черточек влево, расположение точки непосредственно под первой черточкой позволяет предположить иное чтение, а именно «Бассадж ибн Сулейман». Что имя должно читаться именно так, видно будет при чтении двух других, еще неопубликованных надписей.

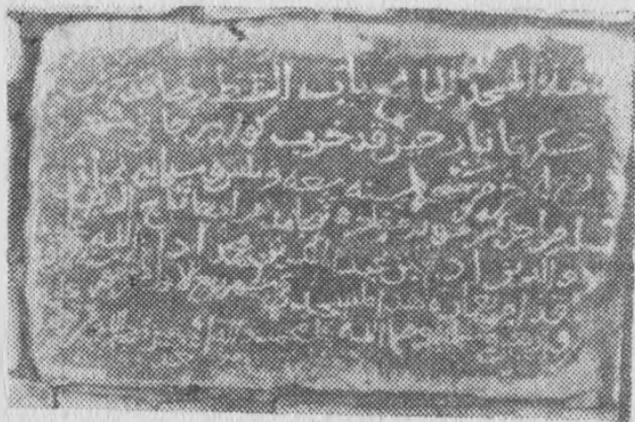

Рис. 8.

Вторая надпись в северной стене ричинской мечети¹⁹ (рис. 8) также зафиксировала разрушение монголами ричинской мечети вместе с «областью Рича» в 1239 г. Восстановлена мечеть в июне или июле 1250 г. по приказу Адама сына Абдал-Малика сына Мухаммеда, наделенного особой титулатурой, свойственной восточным правителям: «амир славнейший, великий, поддержанный, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии».

Таким образом, обе надписи 1241 и 1250 г. рассказывают о событиях, связанных с приходом татаро-монгольских войск во внутренние районы Дагестана. Они помогают установить маршрут монгольских войск при походе в горы в 1239—1240 гг.²⁰, а также подтверждают недатированное сообщение

¹⁹ Надпись была графически воспроизведена и издана с переводом: Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 333; А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 7 (по записям Али Каяева. РФ Ин-та ИЯЛ, д. 1642, л. 271). Арабская транскрипция и перевод Л. И. Лаврова более точны.

²⁰ А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе, «Ученые записки «Института ИЯЛ, IV, 1958, стр. 5—11.

местной хроники «Тарихи Дагестан» о походе «турок» (монголов) в горы²¹.

В первой надписи (1241 г.) в имени Бассаджа сына Сулеймана соединены арабские и местные элементы, причем имя это не наделено особой титулатурой; вторая же (1250 г.) нанесена от имени амира Адам сына Абд ал-Малика сына Мухаммеда, пышная светская и религиозная титулатура которого уже была отмечена.

Титулатура Адама сына Абд ал-Малика из надписи 1250 г. — явление необычное, единственное в дагестанской арабской эпиграфике. В надписях из Дагестана, хронология которых простирается до XVII в. включительно, нет даже намека на подобного рода восхваление того, кто «приказал строить». Наша же надпись в части текста восхваления сближается с надписью бронзового таза Бадр ад-дина Лулу, раба и вазира последних мосульских Зенгидов²².

Правда титулатура последнего пространнее, эпитеты (их около 35)²³ пышнее и многостороннее. Однако пять эпитетов Адама сына Абд ал-Малика — «поддержанный, побеждающий, борец за веру, охранитель границ (стоящий на страже), венец мира и религии» — повторяют эпитеты Бадр ад-дина Лулу в той же последовательности, с той только разницей, что вместо «тадж ад-дунья ва-д-дин» («венец мира и религии») нашего текста в надписи на бронзовом тазе стоит «бадр ад-дунья ва-д-дин» («полная луна мира и религии»).

Эти же пять эпитетов, наряду с другими, встречаются и в других надписях, связанных с именем Бадр ад-дина Лулу²⁴.

То же самое мы наблюдаем, если сравним нашу надпись с титулатурой Бадр ад-дина Лулу на бронзовом подсвечнике (датирован примерно между 1233—1249 гг.) из собраний Государственного Эрмитажа²⁵.

Имеются более ранние параллели — это надпись на бронзовом блюде с именем атабега Джезиры Му'из ад-дина Махмуда и надписи Ортокидов в Амиде²⁶.

²¹ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи. ССКГ, вып. 5, стр. 25—27. Под «турками» имеются в виду монголы: Б. Маллачиханов. Материалы по истории нагорного Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1167, лл. 25—26.

²² В. А. Крачковская. Надпись бронзового таза Бадр-ад-дина Лулу. «Эпиграфика Востока», т. I, 1947, стр. 9—11.

²³ Там же.

²⁴ Max van Berchem. Monuments et inscriptions de l'atabek Lu'lu de Mossoul. «Orientalische Studien». Erster Band, Gieszen, 1906, стр. 200, 202, 203, 206.

²⁵ Л. Т. Гюзальян. Надпись с именем Бадр ад-дина Лулу на бронзовом подсвечнике Государственного Эрмитажа. «Эпиграфика Востока», 1948, II, стр. 78.

²⁶ В. А. Крачковская. Указ. соч., стр. 14, со ссылкой на Mittwoch'a и M. V. Berchem'a,

Наиболее близкие территориально аналогии могут быть привлечены из Азербайджана. На башне в Мардакяне, в надписи 600 г. (1232)²⁷ ширваншах наделен следующей титулатурой: царь великий, ученый, справедливый²⁸, поддержанный, победоносный, побеждающий... гордость мира и религии²⁹.

В надписи в стене каравансарая близ сел. Перекешкул по пути Баку-Шемаха ширваншах Халилуллах (1417—1462) также наделен титулатурой «... султан справедливый, совершенный, поддержанный, победоносный, побеждающий врагов...»³⁰.

Ричинская надпись 1250, повторяющая соответствующую титулатуру и эпитеты первой трети XIII в. у атабега Махмуда, ортокида в Амиде Маудуда и двух его предшественников, у везира мосульских Зенгидов Бадр ад-дина Лулу, титулатуру ширваншахов в начале XIII в. представляет, таким образом, первостепенный интерес для историка.

Имя «амира» Адама сына Абд ал-Малика сына Мухаммеда не встречалось еще в других памятниках палеографии и эпиграфики, но имя Бассадж, о котором сообщает ричинская надпись 1241 г., зафиксирована в других ричинских надписях. Одна из этих надписей датирована 678 г. х., т. е. 1279—

Рис. 9.

²⁷ Год дан не по хиджре, а по солнечному иранскому календарю («по зре Ездегерда»). Это установлено М. Дьяконовым — см.: М. Дьяконов. Рецензия на книгу «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». «Вопросы истории», 1948, № 9, стр. 121 (Об этом мне любезно сообщил Л. С. Бретаницкий).

²⁸ Слова «ученый, справедливый» не прочитаны Н. В. Ханьковым. Они восстановлены мною на основе сохранившихся букв с привлечением аналогичной титулатуры из надписи бронзового таза Бадр ад-дина Лулу.

²⁹ N. Knapikoff. Mémoire, стр. 122.

³⁰ М. Х. Нейматова. К истории изучения Ширвана XIV—XVI (на азерб. яз.), стр. 98—99, рис. 31.

1280 г., и вмонтирована в северную стену мечети, справа от арочного входа (рис. 9). Прямоугольная плита имеет в центре обрамленную плоской лентой овальную фигуру острым концом вверх. В овал в стиле куфи вписано слово «аллах», с растительным орнаментом, использованным в качестве разделителя.

По обеим сторонам от центра низким рельефом нанесена надпись в 6 строк в каждой стороне. Текст читается так:

Первая половина плиты:

(1.) «Вот построил (бана) эту мечеть (2.) М-р-х-д-л сын³¹
(3.) Бассаджа и его же- (4.) ны... дочери (5.) Хусама-да про-
стит ал- (6.) лах их обоих».

Левую половину плиты занимает следующий текст:
Год восемь и семьдесят и шестьсот по хиджре (пророка) избранного, да благословит аллах его и да приветствует.

Упоминание имени женщины, преимущественно из знатной семьи — явление нередкое в надписях на камне из Дагестана. Так, например, в надписи 644/1246—1247 г. из Мишлеша упомянуто имя жены «амира великого амира Б-д-л»³².

Ихрекская надпись (рис. 6) рассказывает о женщине-хаджжи из Цахура и ее муже, которые «построили это здание в Ихреке», в соседнем Цахуру ауле.

Надпись из Цахура, отмеченная 766/1364—1365, дает имена тех, кто «построил эту мечеть и этот минарет», а именно: «паломник обоих храмов Дауд сын Рамазана и жена его Аиша дочь Мухаммеда»³³. В надписи из того же селения, датированной 1078/1667—1668 г., также упоминается женщина, но без имени, в следующей фразе «паломник обоих священных городов Хаджжи Али сын Саид Назара и его жена из селения Цахур»³⁴. Мишлешская надпись рассказывает о реставрации мечети Мухаммед беком и его женой Меседай.

³¹ Конец второй строки ввиду совершенного отсутствия диакритических знаков затруднителен для чтения. Из двух возможных вариантов «ибн» (сын) и «би-амри» (по приказу) здесь предпочтение отдается первому с учетом имени Бассадж как куны.

³² Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции (статья третья). Сб. МАЭ, т. XIX, 1960, стр. 33.

³³ Н. В. Ханыков. Археологическое известие. «Кавказ», 1850, № 53. Надпись графически воспроизведена: В. А. Крачковская. Неизвестный альбом, стр. 39.

³⁴ Мишлешская надпись издана: Л. И. Лавров. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе. Сб. МАЭ, XXI.

Женщина принимала участие и при реставрации минарета в Мишлеше в 825/1422 г.³⁵

В первой половине XVIII в. (1723—4) в Мишлеше отмечена деятельность Месида дочери амира Султана Мухаммеда, жены... Мухаммеда, которая «возобновила эту мечеть... после разрушения»³⁶. Характерно, что женщина отмечена самостоятельно, без упоминания имени ее мужа.

В нашем распоряжении имеется, таким образом, четыре датированных надписи из аула Рича. Наиболее ранняя из них (1241 г.) сохраняет много элементов куфи, угловатость букв ярко выражена, в то время как последующие надписи (1242 и 1250) сделаны в стиле чистого насхи, без заметных следов куфи. Однако в последней надписи (1280) мы опять встречаемся с куфи, но уже в написании имени «аллах» в центре поля. Такого рода сосуществование почерков будет встречаться нам и в более позднее время, но как правило куфи будет относиться к текстам кораническим.

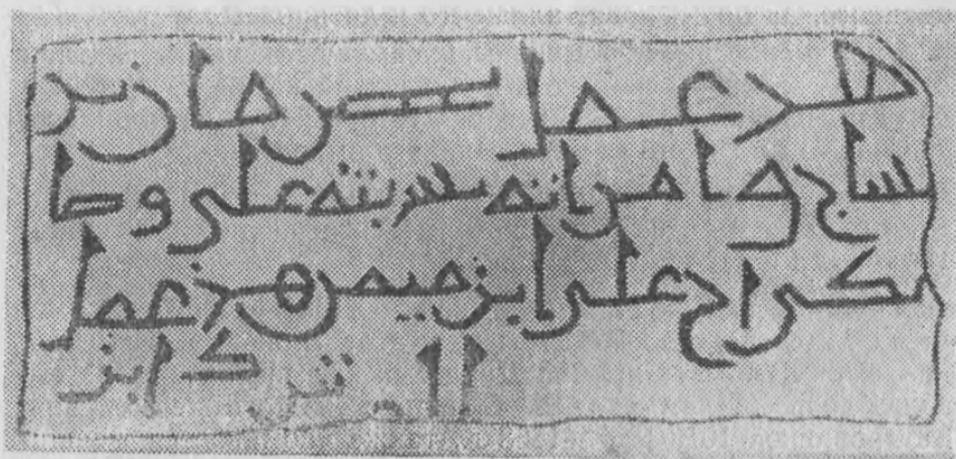

Рис. 10.

В. А. Крачковская установила, что в Средней Азии в XII в. сосуществовали два стиля — куфи и монументальный насхи³⁷. Для Дагестана же этот вопрос остается открытым, хотя предварительно можно наметить XII—XIV в. как время сосуществования обоих стилей в строительной эпиграфике и надгробных надписях.

³⁵ А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в южном Дагестане в X—XV вв. Уч. записки Ин-та ИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1958, стр. 141; Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции (статья третья), стр. 35.

³⁶ Л. И. Лавров. Материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе, стр. 177.

³⁷ Extrait de la Revue des Études Islamiques, 1931, стр. 25. Цит. по А. Ю. Якубовскому: Две надписи на Северном Мавзолее 1152 г. в Узгенде. «Эпиграфика Востока», I, М.-Л., 1947, стр. 31.

Теперь можно перейти к недатированным строительным надписям.

В южной стене Ричинской мечети (не соборной) находится камень со слегка отбитыми при обработке краями. Почерк — куфи, буквы высокие и изящные (рис. 10).

1. «Это построил (амила) Х-с-н-хан (?)³⁸ сын
2. Бассаджа и жена его Б-с (?) дочь Али и...
3. и Б-к-р брата Али сына Маймуна. Это сделал (амила)
4. Ал... сын...»

Ввиду сходства элементов этой надписи с данными подписи 1241 г. мы ориентировочно датируем ее XII—XIII в.

Четыре другие надписи из Рича кажутся нам синхронными только что упомянутой. Одна из них сложена в северную стену соборной мечети, нанесена крупными буквами, в три строки (рис. 11):

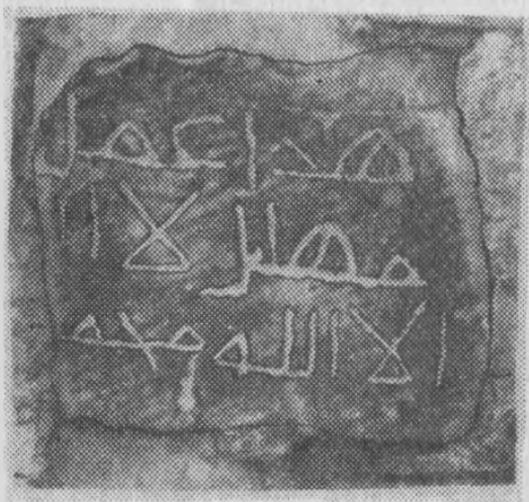

Рис. 11.

1. «Это сделал
2. М-х-л-л. Нет божества
3. Кроме аллаха. Мухаммед...»

Вторая надпись находится в северной стене мечети, влево от главного входа. Письмо — куфическое, текст в одну строку (рис. 12):

«Царство принадлежит богу, единому, всепобеждающему»

Третья надпись во внутренней северной стене соборной мечети, справа у входа также относится к строительству ка-

³⁸ Вообще это имя трудно читать. Можно и такое чтение: Х-с-р-ман, Х-с-н-ман.

кого-то здания, причем имена немусульманские. «Сделал Б-х-р-д и Ш-л-д».

И, наконец, четвертая надпись (рис. 13), в три строки, находится в восточной стене мечети, близ деревянных конструкций, украшенных замечательной геометрической резьбой.

1. «Это сделал — дверь

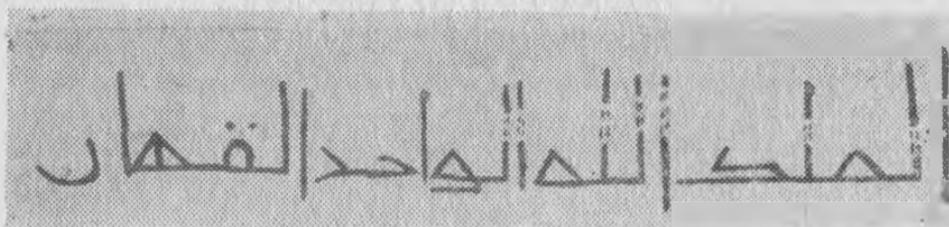

Рис. 12.

2. и колонну Т-к-н сын Хаджи

3. Х-л Хаджи».

К более позднему времени относится надпись о реставрации минарета ричинской мечети (рис. 14), вмонтированная в стену этого минарета:

Рис. 13.

«Вот возобновил этот минарет хаджи Мухаммед и хаджи Рамазан сын Абдаллаха в (из) вилайата Ширванского. А затем охранил... лет три года и тридцать лет в рамазане³⁹. И возобновили дома по приказу Хамзы уста Мухаммед сын

³⁹ Здесь смысл непонятен.

Рамазана, уста Мухаммед сын Молла Х-н-г-ф. Написал это Будай сын Адама. Дата — год восемьдесят пятый после тысячи по хиджре пророка». 1085 год начался 7 апреля 1674 г.

Особый интерес может представить здесь сообщение о двух хаджжи, ширванцах по происхождению, если судить по их нисбе. Ширвано-дагестанские связи совершенно не изучены, хотя кропотливые исследования в разрезе культурно-экономическом и политическом дали бы немалый материал⁴⁰.

Ричинская надпись вносит еще один новый штрих в историю взаимосвязей народов восточного Кавказа.

Рис. 14.

⁴⁰ Важные данные по этому вопросу см.: В. Догп. *Beitrage zur Geschichte d. Kaukasischen Länder und Völker.*—I. Versuch einer Geschichte d. Schirwanschache; V. Minorsky. *History of Sharwan and Darband.* Cambridge, 1957, (Русское изд.: *История Ширвана и Дербента.* М., 1963); Масуди. *Les prairies d'or. Text et traduction...* II, Paris, 1863, стр. 5—7, ср.: СМОМПК, вып. 38, стр. 42—43; V. Minorsky et Cl Sahen. *de Masud b. Namdar.* IA, t. 227, 1949, стр. 131—133 (араб. текст), стр. 138—141 (франц. пер.); Ибн ал-Асир. *Тарих ал-Камил.* Перевод с арабского П. К. Жузе. Баку, 1940, стр. 146—148; АКАК, том II; Л. И. Лавров. *Южнодагестанский хронограф 1710—1712.* Кр. сообщения Ин-та этнографии, XXXII, М., 1959, стр. 18—19 и др.

Н. Б. Бакланов отмечал, что «сопоставляя некоторые наиболее развитые в своем оформлении здания Дагестана с другими сооружениями более развитых культур, можно заметить между ними известные аналогии в ходе развития их конструкций и форм»⁴¹. Это высказывание скорее всего может быть отнесено к области культурных связей племен между Ширваном и Дагестаном.

В литературе уже отмечено «... стилистическое родство, наблюдаемое в деталях скульптурного декора банловского укрепления, располагавшегося неподалеку от Баку, и рельефов, обнаруженных в стенах зданий ряда дагестанских аулов», и даны другие детали, дающие обоснование стилистической связи, наблюдаемой в архитектуре ряда сооружений (сравнение Диванхане из комплекса зданий дворца ширваншахов и пристройки в дербентских воротах Орта-Капы)⁴².

Надпись 1674 г. из Рича дает также основание размышлениям иного рода. Кто это за Хамза, который приказывает строить дома? Имеет ли он отношение к правящему дому кайтагских уцмиев, где имя его встречается особенно часто? Не идет ли здесь речь о амире Хамзе, который занял кайтагский престол после смерти кайтагского уцмья Алисултана и затем был утвержден в 1107 г. х. (1695—1696)⁴³.

Усиление Кайтагского уцмийства в XVII в., а также власть отпрысков кайтагского дома в ряде лезгинских селений в XIV—XV в.⁴⁴ как будто бы дает основание говорить о влиянии Кайтака в Риче в XVII в. Однако, это только предположение.

Имя Буддая сына Адама, встречающееся в надписи 1674 г., также характерно. Один только населенный пункт отделяет Рича от лакских районов, и такая близость не может не повлечь за собой регулярных связей, особенно экономических и культурных. К тому же влияние газикумухских правителей на южный Дагестан прослеживается начиная с XIV в.⁴⁵ В XV в. газикумухский правитель устанавливает мир между Ахты и Хурюгом⁴⁶. В XVI в. мы уже сталкиваемся с конфликтом

⁴¹ Н. Б. Бакланов. Архитектурные сооружения Дагестана, стр. 25.

⁴² Л. С. Бретаницкий. Архитектурные школы средневекового Азербайджана. «Искусство Азербайджана», вып. II, Баку, 1949, стр. 78—80.

⁴³ Абас Кули-Ага Кудси Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 101.

⁴⁴ АКАК, II, 1075—1077.

⁴⁵ Мухаммед Рафи. Тарихи Дагестан. Приложение IX к Тарихи Дербент-наме. Тифлис, 1898, стр. 176—177.

⁴⁶ Қ. М. Баркуев, М.-Қ. Ахмедов, А. Р. Шихсаидов. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. Уч. записки ИИЯЛ, Махачкала, 1962, т. XI (серия истор.), стр. 178—179.

между шамхалом и агульцами относительно податей с жителей агульского селения Зулар⁴⁷.

В селении Рича и поныне живет тухум, называемый «яхулар», т. е. лакцы.

В XVII—XIX вв. влияние усиливается. Все это делает понятным тот факт, что в агульском селении Рича мастером оказывается человек, носивший обычное у лаков имя Буддай.

В этой связи немаловажный интерес представляет надпись 1031/1621 г. в стене «пира» Ахмеда в сел. Гельхен (Курахский сельский район), посвященная, вероятно, строительству этого «пира» и зафиксировавшая, между прочим, взаимоотношения агульских селений Рича, Гельхен и лакского селения Кумух. Надпись в пять строк местами стерлась полностью, но сохранившаяся часть также читается без особого труда.

1. «...и Мухаммед — два сына Юсуфа, Мухаммед

2. ...сын Муса в селении Гельхен из вилайата Рича в подчинении Кумука.

3. ...в году тысяча тридцать первом...

4. ...рамазан — по хиджре пророка — да благословит его аллах и да приветствует.

5. ...Мастер Сумай (?) и Мухаммед, сыновья Шах Кули — да простит их всех аллах».

Взаимосвязи в области строительного дела — явление обычное в культурной жизни Дагестана. Мастер из агульского селения Дулдуг по имени Ибрахим Халил строит соборную мечеть в табасаранском селении Хучни в 1409 г. х., т. е. 1683 г.⁴⁸, а табасаранские мастера из сел. Филяг в XVII—XVIII в. строят каменные здания в даргинских селениях⁴⁹. Характерно также, что в лезгинском селении Хурюг (рис. 15) и рутульском селении Рутул минареты обнаруживают большое стилистическое сходство.

* * *

В 1958 г. в сел. Тпиг обнаружено несколько строительных надписей. Три из них связаны со строительством укрепленного здания, «крепости», как отмечено в тексте, остатки которой сохранились до настоящего времени и известны у местного населения под названием «къеле», т. е. «крепость». Укрепление постепенно разрушалось, а облицовка из речного камня использовалась в строительных целях. Надписи уже были извлечены из стены.

⁴⁷ А. Р. Шихсаидов. Новые данные из средневековой истории Дагестана. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX. 1960, стр. 150—151.

⁴⁸ А. Р. Шихсаидов. Новые данные... стр. 147.

⁴⁹ А. Р. Шихсаидов. Отчет о поездке в даргинские районы. Рукоп. фонд ИИЯЛ.

Одна из них взята на хранение в школьный исторический уголок, две другие — вмонтированы в стену подвального помещения частного дома. Строгий угловатый почерк и ровная манера письма позволяют приписать все три надписи одному лицу⁵⁰.

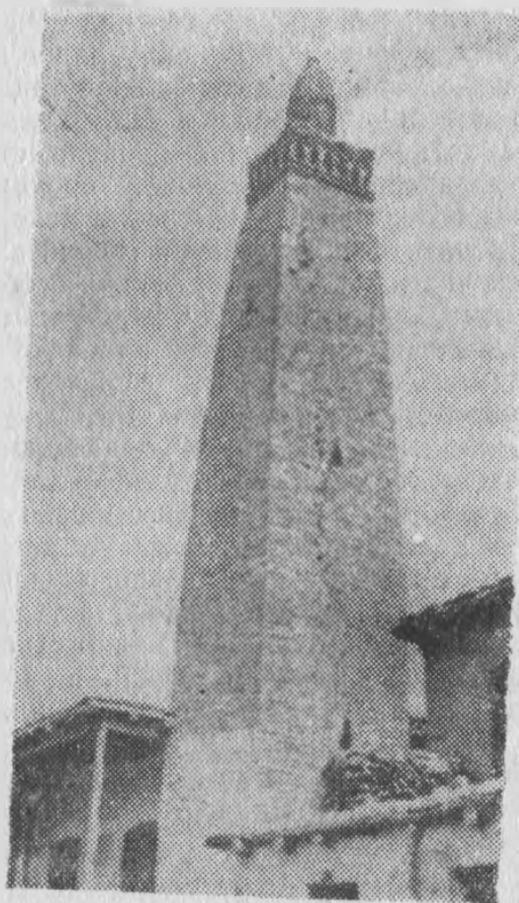

Рис. 15.

Первая надпись врезана на обработанном камне четырехугольной формы. Плита расколота на две части, однако это не затрудняет чтение.

Текст в три строки (третья строка — неполная) рассказывает о причине строительства здания (рис. 16).

1. «Поднялись (восстали) против нас все мусульмане.
2. И вот было разрушено это селение. Затем была построена (джаала)
3. эта крепость.»

⁵⁰ О наличии этих надписей мне любезно сообщил кандидат исторических наук Х. Х. Рамазанов.

Текст, как мы видим, представляет значительный интерес. Он составлен от имени тех, кто вынужден был построить крепость после того, как подверглись нападению со стороны «всех мусульман». Мы не знаем ни причин выступления, ни времени восстания, ни названий селений, участвовавших в восстании.

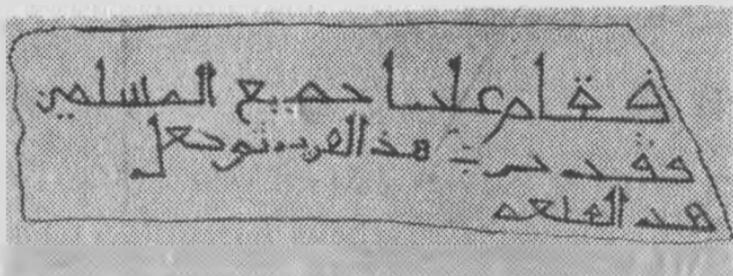

Рис. 16.

Восстание это было, очевидно, явлением из ряда вон выходящим, раз оно было зафиксировано на камне. В восстании участвовали «все мусульмане», под которыми следует понимать жителей селений, находившихся в политической зависимости от «этого селения» Тпига. Перед нами типичный пример усилившейся борьбы отдельных сельских общин против феодальных притязаний правителей.

Вторая надпись, тем же куфи, сохранила нам имя строителя упомянутой «крепости». Она написана на камне четырехугольной формы, в одну строку и читается так (рис. 17):

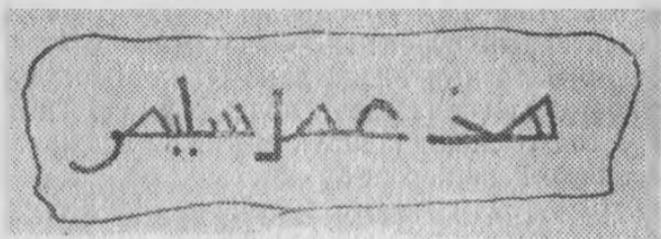

Рис. 17.

«Это построил Сулейман».

Сохранилась частично также третья надпись

1. «Именем бога милостивого, (милосердного)
2. Это... аллах.»

Третью и четвертую строки невозможно читать из-за плохой сохранности букв.

Все три надписи, как видим, даны без даты.

На основе известных нам в южном Дагестане датированных надписей XI—XIII вв. можно отнести приведенные выше надписи условно к XI—XII вв.

В том же селении в северную стену «пира суфи Дауда» вмонтирован камень четырехугольной формы, с текстом из трех строк:

1. «Вот построен (бана) этот дом ради Суфи Дауда
2. Дата — тысяча сто четырнадцатый по хиджри
3. пророка избранного». 1114 год хиджры соответствует 1702—1703 гг.

Здание построено, как видим, «ради Суфи Дауда» — первое и, пожалуй, единственное упоминание о суфии.

В этой же стене надпись, одновременная первой, рассказывает о строителях здания:

1. Вот построил этот дом уста Са'бан Арай, уста Мухаммед сын Ибрахима,

2. Уста уста молла Ша'бан сын молла Мухаммеда Иса четыре... Ма-к-р-д. Ал-в, Абдаллах, Мухаммед, Раджаб.

Характерно четырехкратное написание термина «уста», перед каждым из трех имен (в одном случае написано просто «уста», а имени за ним нет), а также упоминание куньи в двух случаях (Мухаммед сын Ибрахима и Молла Ша'бан сын Молла Мухаммед Исы).

Во второй строке после слова «четыре» следует не поддавшееся чтению слово, которое, по всей вероятности, состоит из следующих букв «Ма-к-р-д». Очевидно, здесь речь идет о четырех помощниках, имена которых упомянуты без термина «уста» и без куньи.

Близ двухпролетного моста через реку Чирахчай, на правом берегу реки расположен родник, в стену которого вмонтирован речной камень с надписью о строительстве моста. Это первое известное нам сообщение о строительстве моста. Указан коллективный строитель — «джамаат тпигский», нет имени мастера. Зато имя писца дано полностью:

1. «Вот построил (бана) этот мост джамаат Тпигский в
2. дату — год тысяча двадцать третий по хиджре.
3. Написал это Газали сын Молла
4. Ахад». 1023 г. х. соответствует 1614—1615 г.

Тот же самый мост на южной стене содержит надпись о реставрации одной из крайних опор (устоя):

1. «Вот построил этот устой (джабхар) моста джамаат Тпига — да поможет им аллаха — в правлении
2. Асланхана, год 1251 и наиба Рамазана, мастера Молла
3. Исмаил, Молла Яхья, Юнус, усда Мухаммед, усда Мухарам

4. усда Омар и другие. Боже прости их и будь милосерден к ним. Амин». 1251 г. х. соответствует 1835 и 1836 г.

Имена строителей выделены двояко: в первый раз под общим понятием «мастера» («...мастера Молла Исмаил и Молла Яхья и Юнус») и тут же имена трех мастеров, имя которых в каждом отдельном случае отмечено специальным

термином «усда» («усда Мухаммед, усда Мухаррам, усда Омар»). Эта дифференциация, это особое акцентирование на «усда» в последнем случае не случайно. Оно связано, очевидно, с желанием писца подчеркнуть профессию строителя, профессиональное звание зодчего в отличие от тех случаев, когда «мастерами» названы представители духовенства, игравшие в действительности роль пожертвователя определенных средств, а не мастеров-профессионалов.

Автор надписи не указан, но можно подчеркнуть здесь его стремление ввести в текст местные, агульские, слова. Слова «джабхар» по-агульски значит «устой», а соответствующего арабского эквивалента автор, возможно, не знал. Слово же «устан», или «уста», дано в форме «усда», хотя на агульском и звучит «уста».

Несколько интересных надписей найдено также в лезгинских селениях Хпедж и Хурюг и цахурском селении Мишлеш.

Сел. Хпедж дало исключительно ценную надпись с точки зрения палеографии. Она гравирована на четырехугольном, обработанном по краям камне-плите и рассказывает о строительстве здания мечети (рис. 19).

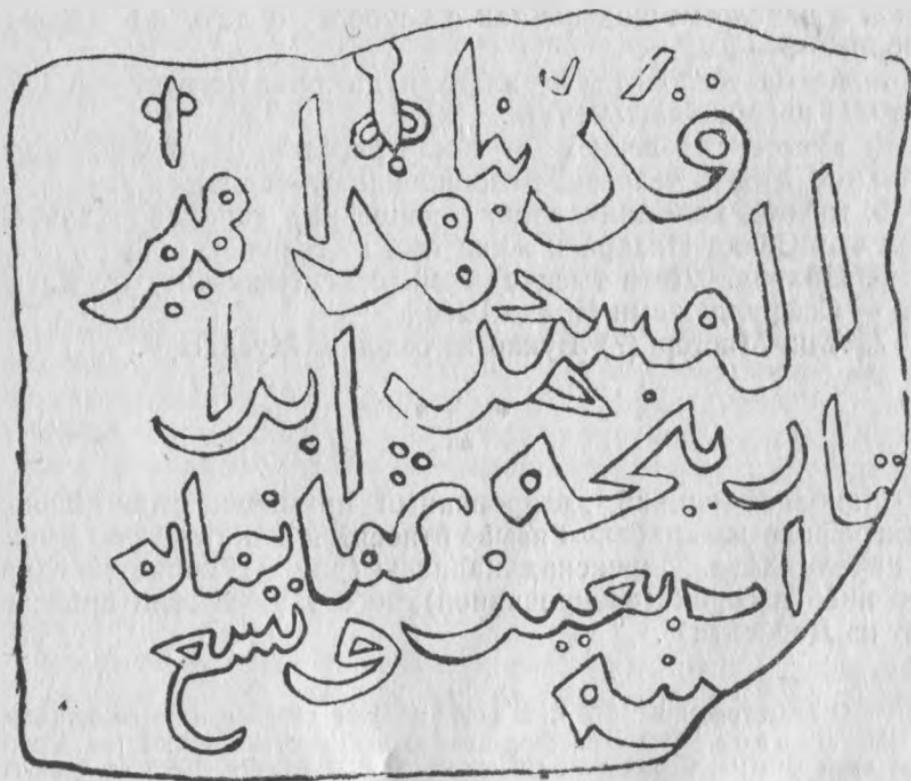

Рис. 19.

«Построил (бана) эту мечеть Ибрахим. Дата его (строительства) восемьсот сорок седьмой год». Указанная дата по хиджре соответствует 1443—1444 г. европейского летоисчисления.

Самая ранняя из сохранившихся в стене мечети в Хурюге надписей отмечена 1112 хиджри, т. е. 1700 г. Она посвящена строительству минарета (рис. 15), вложена в его основание и сделана на большой четырехугольной каменной плите. Поле с надписью обрамлено двойной рамой, разделенной на две половины узкой ленточкой из двух полос. Тонким и высоким почерком мастер вырезал текст в три строки:

1. «Вот построил (бана) этот минарет джамаат Хурюгский, сельский...

2. мастер Шейх Сад сын молла Халифа Мухаммеда —

3. да простит их Аллах обоих и...». Дата написана между 1 и 2 строками: «год 1112».

И, наконец, приведем надпись из Мишлеша, которая эстампирована и послана мне жителем селения Цахур Мердановым Рамазаном:

1. «Именем бога всемилостивейшего и всемилосердного. Имело место землетрясение

2. в начале месяца ша'бан в субботу в дату по хиджре пророка —

3. да благословит его аллах и да приветствует — в 1078 году. И разрушилась мечеть.

4. вместе с селением от землетрясения. И погибло при этом сто десять человек. Возобновили (джаддада) эту

5. мечеть паломник обоих священных городов Хаджжи Али сын Сеида Назара и жена его, из селения

6. Цахура. Дата тысяча семьдесят девятый год. Катиб его — Сейфуллах сын Молла Шейх

7. Али. Мастер (?) Букар из селения «Муслаг»⁵¹.

Наиболее ранний датированный памятник строительной эпиграфики на арабском языке относится, как отмечено выше, к началу XI в. Ихрекская надпись (рис. 1) является единственной в горах (датированной), а остальные три происходят из Дербента⁵².

⁵¹ О землетрясении 1078 г. х. (1667 г.) уже неоднократно сообщалось: Л. И. Лавров. Землетрясение 1667 г. в Дагестане. «Известия Академии наук СССР». Серия геофизическая, № 8, 1958, стр. 1080; его же. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции, стр. 382; А. Р. Шихсаидов. Новые данные по средневековой истории Дагестана, стр. 153—154.

⁵² Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи, стр. 24, прим. 5.

Правда, Н. В. Ханыков писал о надписи конца VIII или начала IX века (175 или 195 г. хиджры)⁵³ из Дербента, однако Е. А. Пахомов считает датировку надписи сомнительной и относит ее примерно к XI в.⁵⁴ Группа недатированных надписей примыкает к ним.

Для последующих веков известные мне датированные строительные надписи Дагестана распределяются следующим образом:

XII век — 6 надписей, XIII век — 8, XIV век — 3, XV век — 6, XVI век — 2, XVII век — 17.

Хотя количество надписей, как видно, невелико, все же они позволяют, с использованием отмеченных датой надмогильных плит дать приблизительную датировку тех надписей, время составления которых не отмечено.

Архитектурные надписи XI—XVI вв. за редкими исключениями, происходят из южного Дагестана. Наибольшее число их падает на такие древние пункты как Дербент, Ахты, Цахур, Рутул, Тпиг, Рича, т. е. на центры политических образований раннесредневекового Дагестана. Отсутствие подобных надписей в центральном и северном Дагестане можно объяснить только степенью распространения ислама и арабской грамоты в этих районах и никак не застоением в строительном деле. Наиболее ранние датированные надписи из лакских районов относятся к XV в.⁵⁵ (надмогильные плиты), в даргинских⁵⁶ и аварских⁵⁷ — к тому же времени. Для XVII в. эти районы дают сравнительно большое число строительных надписей.

Строительная терминология на территории всего Дагестана сложилась уже к XVIII в. в систему, выработался своего рода трафарет.

Обычные стереотипные формулы начальной строки были небогаты: «именем бога милостивого и милосердного», «царство принадлежит богу единому, всепобеждающему», «нет божества, кроме аллаха, и Мухаммед его посланник». Очень редки также формулы как «места поклонения — для Аллаха, поэтому не призывайте с Аллахом никого» (Коран, LXXII, 18), «слава принадлежит богу, величие принадлежит богу, мощь принадлежит богу». Большинство же надписей, особенно XI—XIV вв., не содержат обычных религиозных формул и ходовых фраз.

Для ранних надписей обычно трафарет таков: 1) сообщение о строительстве мечети, здания, крепости. 2) Имя строи-

⁵³ W. Khanikoff. Mémoire, стр. 103. № 1.

⁵⁴ Е. А. Пахомов. Указ. соч., стр. 24, прим. 5.

⁵⁵ М. С. Саидов. Указ. соч., стр. 122—131.

⁵⁶ Mélanges asiatiques, VI, стр. 717.

⁵⁷ А. Р. Шихсаидов. Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала, 1962, стр. 31.

теля, 3) имя заказчика, 4) в связи с чем построено здание, 5) год строительства, 6) имя резчика-каллиграфа.

Обычно редко текст содержит все эти шесть элементов. Как правило, сообщения бывают слишком лаконичны, охватывая иногда один из элементов или же сравнительно длинные, с описанием каких-нибудь важных событий.

В надписях XI—XIV вв. слово «построил» передается в трех разновидностях: «амила» («работать, делать, выполнять»), «джа'ала» («делать»), «бана» («строить»). Однако термины эти употребляются неравномерно, обычно употребляется **عمل** «амила», в то время как к **بنی** или **بنا** — «бана», или «бана» прибегают гораздо реже; «джаала» применено лишь единственный раз.

Начиная же с XV в. почти единственным термином становится «бана», «бана».

При этом долго сохраняется двойное написание: «бана» **بنا** и «бана» **بنی**. В обоих случаях, как нам кажется, следует переводить глаголом «построил», хотя первое написание («бана») **بنا** соблазнительнее переводить существительным «строитель, зодчий». Арабская графика позволяет делать предпочтение последнему варианту, однако предложение, взятое в целом, позволяет переводить только словом «построил», т. е. не видеть в этом слове профессионального звания.

Как установлено Л. С. Бретаницким и А. В. Саламзаде, на территории Азербайджана термин **البنّا** «ал-банна» употреблялся в XII—XIV в. преимущественно в южных областях страны и связан с нахичеванской архитектурной школой. Ширвано-апшеронская и тебризская архитектурные школы дали иные термины — **معمار** «ми'мар» («архитектор») и **استاد** «уstad» («мастер»), причем период преимущественного применения первого профессионального звания относится к XI—XV вв., а второго к XI—XIX вв. При этом все три профессиональных термина бытуют в архитектуре Азербайджана, одновременно уже с конца XI и начала XII в.»⁵⁸

Если профессиональный титул зодчего «ал-банна» очень редок в дагестанской строительной эпиграфике, а «ми'мар» встречается только единственный раз в строительной надписи XV в. из Дербента⁵⁹, то титул «уstad» — единственное про-

⁵⁸ Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора по данным строительной эпиграфики Азербайджана. «Эпиграфика Востока», XIII, 1960, стр. 18, 25.

⁵⁹ Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Указ. соч., стр. 27 (со ссылкой на Б. Дорна).

фессиональное звание, употребляемое во всех районах Дагестана (исключая упомянутую надпись из Дербента, где даны оба термина «ми'мар» и «устад»).

Термин «устад» был наиболее универсальным среди профессиональных званий и, этим словом «характеризовался человек творческого труда, достигший высшей квалификации... Несомненно, что званием «устада» обладали зодчие, достигшие определенной степени признания и имевшие учеников. Это и давало зодчим-строителям подобного профессионального «ранга» право именоваться устадами»⁶⁰.

Эти слова, высказанные применительно к строительной практике Азербайджана, с полным основанием можно отнести и к Дагестану. Исключительное применение термина «устад» на территории Дагестана может быть поставлено в непосредственную связь с Дербентом и Ширваном, конкретнее — с ширвано-апшеронской архитектурной школой, для которой (как и для школы тебризской) это звание характерно.

В известных нам памятниках строительной эпиграфики XI—XVI вв. из Дагестана термин «уста» неоднократно упоминается: самая ранняя надпись датирована XIII в. (надпись из Рутула, 625/1227 г.) и издана Н. В. Ханыковым в арабской транскрипции⁶¹, с незначительными пропусками и неточностями в транскрипции. Профессиональная титулатура здесь наиболее выразительна и интересна:

«Катиб этих букв проповедник (хатиб) Ибрахим устад строитель (ал-банна) Саид».

Это единственный случай, когда два профессиональных термина — «устад» и «ал-банна» приписаны одному человеку, и второй в дагестанской эпиграфике, когда профессия строителя передается через «ал-банна». Первый датирован 572/1176—1177 г., рассказывает о строителе с чисто местным именем: «Это дом Фугана сына Саби. Построил его (банаху) Джату сын Месата — архитектор»⁶².

В последнем случае характерна и другая деталь — слово «ал-банна («строитель») стоит после имени мастера, а не перед ним, как это обычно делается. Видимо, этот титул неотделимо сросся с именем строителя («Джату сын Месата — архитектор»), выражая не только степень квалификации, но и звание, профессиональный титул.

Далее хронологически идет надпись 644—1246 г. из Мишлеша, воспроизведенная Л. И. Лавровым⁶³. Профессия мас-

⁶⁰ Там же, стр. 25, 26.

⁶¹ N. Khanikoff. Mémoire, стр. 138—139.

⁶² Там же, стр. 139. (арабск. транскрипция и франц. перевод). В Рутуле эту надпись мне не удалось обнаружить.

⁶³ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок... (статья третья), стр.

тера-строителя была здесь нередкой, о чем говорит употребление в тексте множественного числа «мастера» — «ал-асадит».

В Дербенте наиболее ранние строительные надписи отмечены, как уже указывалось, XI—XII в., однако термин «устан» прослежен пока в текстах XIII—XIV в., в 842/1438—1439 гг. в Дербенте сделана надпись: «Архитектор (ми'мар) этого здания устан Хаджжи Ахмед⁶⁴. В этом же городе зафиксировано еще две надписи: 805/1402—1403 гг. с именем ширваншаха Халилуллаха и «владельца» Мезида ибн Амир ад-дина»⁶⁵, и с именем мастера («устана») Тадж ад-дина сына Муса, архитектора (ал-банна) бакинского (датируется XIV в. на основе соседней надписи 770 (1368—1369 г.)⁶⁶.

К числу перечисленных надписей может быть отнесен недатированный текст на камне из Ихрека, который условно датируется мною временем не позже XIII в. Надпись начинается словом *اسد* А-с-д, за которым читается имя Искендер. Первое слово было прочитано в свое время⁶⁷ как «асад» — «лев» и перевод был дан «лев Искендар». Такое чтение нам кажется неприемлемым. Первое слово свободно может быть прочитано как «усда» «мастер», и значит в тексте идет речь о профессиональном строителе Искендере. Это не единственный случай написания «усда» вместо «устан». Выше мы уже приводили перевод надписи 1251/1835—1836 гг. из Тпига, где трижды мастер назван именно «усда», но с указанием множественного числа в форме *الاساتيد* асатид, образованного от «устан». Значит «усда» и «устан» — два различных написания одного термина.

Таким образом, число датированных и недатированных строительных надписей и обычно обязательное упоминание имени того, кто «построил здание», а также того, кто «написал» текст, дают право говорить о наличии в XI—XV вв. профессиональных мастеров — зодчих и мастеров архитектурно-декоративных работ.

⁶⁴ Б. Дорн. Отчет, стр. 66. В немецком издании: *Namen: Schirwan-schah Sultan Chalilullah a. 842—1432. Baumeister: Ustad Hadschi* см.: В. Дорн. Bericht, стр. 49.

⁶⁵ Б. Дорн. *Namen: Chalilullah Bauherr: Mesid ben Emir ed-din, a 805—1402* — см. В. Дорн, Bericht, стр. 493.

⁶⁶ М. Х. Нейматова. Предварительное сообщение о дербентской поездке, стр. 735, 741. Более раннее сообщение об этой надписи и датировка ее XIV в. — см.: W. Barthold. *Derbend. «Encyclopedie de l' Islam. T. I, Leyde—Paris, 1913, стр. 966 («Amal ustad Tadj al-Din»)*. См. также: В. Дорн. Bericht, стр. 493 («Ustad Tadscheddin ibn Musa, aus Baku»). В. В. Бартольд не упоминает нисбы мастера, а Б. А. Дорн не дает датировки.

⁶⁷ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (статья третья), стр. 29.

На основе известных нам надписей можно составить следующий список мастеров, строивших в средневековом Дагестане:

№№ пп	Населенный пункт	Дата	Объект по- стройки	Мастер
1.	Дербент	469/1069	ворота	Лутфуллах ибн Юсуф, Ахмад ибн Абу, Али ибн Юнус, Иемен ибн Бу'ад (или Ну'ман).
2.	Тпиг	XI—XII в.	«крепость»	Сулейман.
3.	Рутул	572/1176—1177	дом	Джугу) сын Месата ал-банна (архитектора).
4.	Ахты	XII—XIII в.	«крепость»	А-ш-лраха.
5.	Амсар	XII—XIII в.	дом	Абд ал-Малик.
6.	Рутул	625/1227—8	—	Устад Саид
7.	Мишлеш	644/1246	ворота столб	Устад Хасан ибн Ма- сих.
8.	Рича	XII—XIII в.	—	Т-к-н ибн Хаджжи Х-л Хаджжи.
9.	Рича	XI—XIII в.	—	...ман ибн Бассадж, его жена Басай бинт Али и... Али ибн Меймун.
10.	Ихрек	XII—XIII в.	мечеть	Усда Искандер.
11.	Мишлеш	XIII в.	дом	Мамай сын Х-р-с-н.
12.	Цахур	701/1302	дом	Ибрахим, Сулейман.
13.	Дербент	770/1368—1369	мечеть	Африбурз ибн...
14.	Дербент	—	мечеть	Устад Тадж ад-дин ибн Муса ал-банна (ар- хитектор) бакинский.
15.	Дербент	842/1438	—	Устад хаджжи Ахмад.
16.	Хпедж	847/1443—1444	мечеть	Ибрахим.
17.	Дербент	857/1453	—	Шейх Мансур ибн ус- тад Таваккил.
18.	Хунзах	934/1525	дом	Мухаммед.
19.	Тпиг	1023/1614—1615	мост	Джамаат Тпигский.
20.	Гельхен	1031/1622	пир	Устад Сумай и Му- хаммед сыновья Шаку- ли.
21.	Дулдуг	1094/1683	мавзолей	Ибрахим Халил ибн шейх Дулдуги.
22.	Хучни	1094/1683	мечеть	Он же.
23.	Кумух	1053/1647	мечеть	Сулейман, Мухаммед и Омар.
24.	Рича	1085/1674—1675	минарет	Уста Мухаммед ибн Рамазан, уста Мухам- мед ибн Молла Х-й-г-ф.
25.	Мишлеш	1033/1624	мечеть	Уста Мухаммед-джан, Махмуд, Абак из Сегуда, Зухраб (?) Мишлешский

26.	Мишлеш	1088/1677	—	Джамаат мишлешский.
27.	Мишлеш	1103/1691—1692	—	Хаджжи ибн Мухаммед вали ибн Мухаммед вали.
28.	Хурюг	1112/1700	минарет	Джамаат Хурюгский, уста шейх Сад ибн Молла Халифа.
29.	Тпиг	1114/1702	пир	Уста Са'бан Арай, уста Мухаммед ибн Ибрахим, уста Ша'бан ибн Молла Мухаммед Иса.
30.	Мишлеш	1136/1723—1724	—	Устаз Хаджжи Али ибн Б-бейт и Ша'бан ибн Нури ал-Цахури.

Преобладающее большинство дагестанских надписей, персонифицировавших строителей, не дают нисбы, т. е. не указывают, откуда они родом. В Азербайджане, в частности в кругу памятников ширвано-апшеронской архитектурной школы, отсутствие нисбы связано с тем, что «повидимому, эти зодчие являлись местными уроженцами»⁶⁸, и это избавляло мастера от необходимости особо выделять местность, откуда он произошел. В дагестанской эпиграфике происходит то же самое. Почти при всех именах мастеров отсутствуют нисбы, подчеркивая тем самым, что работа сделана местными мастерами.

В противоположность этому профессиональный мастер, приглашенный из соседнего аула, города, страны, обязательно дает об этом знать, прибавляя к своему имени нисбу. Так, например, мишлешская надпись 1136/1723—1724 гг. называет мастера Шабана сына Нури ал-Захури, т. е. из Цахура⁶⁹. В 1031—1622 г. гельханская надпись, упомянутая выше, подчеркивает, что мастера, построившие здание «пира» Ахмеда, — «из Ширвана».

В 1078/1667 г. покровители строительных работ при возобновлении мечети в Мишлеше, оговаривают, что они «из селения Цахур», а мастер — «из селения Муслуг».

Наиболее ранние же сведения относятся к XII—XIV векам: о «строителях» из Цахура, построивших здание в Ихреке (рис. 6), и о «устаде Тадж ад-дине сыне Муса, архитекторе бакинском»⁷⁰.

⁶⁸ Л. С. Бретаницкий. Архитектурные школы средневекового Азербайджана, стр. 83.

⁶⁹ Л. И. Лавров. Материалы..., стр. 177.

⁷⁰ N. K h a n i k o f f. Memiore, стр. 142.

Однако для XI—XV вв. в большей степени характерны надписи без фиксации профессиональных званий. Переломным в этом отношении стал XVII в. Применение профессионального термина становится обычным.

Начинается резкий подъем строительного дела. Строятся мечети, минареты, частные дома, мосты, и везде, как правило, увековечивается имя строителя с почти обязательным подчеркиванием высокой квалификации мастера. Нельзя пройти мимо такого факта, что XVII в. дает наибольшее число термина «уста» также в Азербайджане, конкретнее Апшероне⁷¹.

Уже было отмечено, что слова «построил», «сделал» передавались глаголами *بنی* 'جعل' *عمل* «амила, джа'ала, бана». Обычно за этим словом идет указание на объект постройки, а затем следует имя. Однако только конкретное изучение надписи дает возможность различить мастера от заказчика.

Можно предположить, что в XI—XVI вв. в таких случаях называлось имя строителя. Когда читаем: «Это сделал Сулейман» (рис. 17), «крепость сделал Аш-л-раха» (Ахты, XI—XIII вв.), «это сделал... ман сын Бассаджа» (рис. 10), «это сделал двери и столб Т-к-и сын Хаджи...» (рис. 13) — мы имеем дело с именами мастеров-строителей.

В то же время в надписях XII—XVI вв. особо подчеркивается роль заказчика, будь то правитель, служитель культа, или богатый феодал. Рутульская надпись 548/1153 г. отметила: «приказал построить Абдал-Самад сын Т-л-ки»⁷², а мишлешская надпись 644/1246 г. — «приказал построить эту благословенную мечеть великий амир»; ричинская надпись 638/1241 г. — «приказал построить эту крепость Бассадж сын Сулеймана», ричинский текст 637/1240 г. — «приказал построить эту крепость амир славнейший, великий... Адам сын Абд ал-Малика сына Мухаммеда». Характерно то, что только в одном случае названы мастер и мастер-каллиграф (рутульская надпись), в остальных случаях они вообще не упоминаются.

Стало своего рода традицией упоминать имя строителя, если нет имени богатого покровителя и, наоборот, опустить имя и мастера и декоратора письма, если отмечается участие феодала (светского или духовного) в строительстве того или иного здания. Свою роль, свое особо привилегированное положение, особое право на строение феодал или феодальный

⁷¹ Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Указ. соч., стр. 19; они же. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана. «Искусство Азербайджана», т. V, Баку, 1956, приложение, стр. 46—51.

⁷² Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (статья третья), стр. 32—33.

правитель подчеркивает формулой «сахиб» — «владелец»: «владелец (этой) крепости Дираб-р-сиб»⁷³ (Ахты, XI—XIII вв.); «владелец этой крепости ширваншах Халил-уллах»⁷⁴; «владелец этого минарета Али сын Сайдара, 636/1239 г., Цахур» (рис. 7); «владелец его Абу Ал Ахада» (Цахур, без даты); «вот построил эту мечеть в правление падишаха Ибрахима. Владелец ее Н-ш сын Х-б-л» (сел. Хуштада Цумадинского района, 1009/1600 г.). И здесь ни в одном случае нет имени мастера, и только в единственный раз (в цахурской надписи 636/1239) дано имя резчика.

Немного иначе обстоит дело в XVII в. и позже. Выражение «построил» несет более широкую, чем раньше, смысловую нагрузку, охватывая деятельность как строителя-архитектора, так и заказчика.

При таком широком значении слова, к нему необходим сугубо конкретный подход. Если, к примеру, надпись 1139/1727 г. из Кумуха сообщает, что «построил эту мечеть Сурхай сын Герая»⁷⁵, то вполне понятно, что здесь назван не архитектор, не мастер архитектурного декора, а заказчик, в данном случае известный феодальный правитель Газикумукского шамхальства.

Фрагмент ричинской же надписи 1085/1674 г. — «возобновил этот минарет Хаджи Мухаммед и Хаджи Рамазан сын Абдаллаха из вилайата Ширван» — показывает, что в лице хаджи мы имеем покровителей, возможно, финансировавших строительство ибо архитектурно-строительные работы проводились двумя устадами — мастерами, имена которых в тексте особо подчеркнуты. Имена трех лиц, «построивших» или «реставрировавших» мавзолеей «святого» Ахмеда, в надписи 1031/1622 г. из Гельхена или же «Шах-Мухаммед бека... и жены его Меседай», «возобновивших» мечеть в Мишлеше в 1033/1624 г. (Л. И. Лавров. Новые материалы, 289), также должны быть поняты, как имена заказчиков, духовных лиц, богатых благотворителей, так как истинные строители, лица творческой профессии, названы в тексте после термина «улад».

Такова же надпись 1210/1795—1796 г. из Рутула, рассказывающая, что «вот построили этот минарет Каflan бек и Хасан бек, сыновья Мирза бека вместе с джамаатом рутульским.. а мастера: Ахмед, Илали и Адам...».

Одной из характерных свойств строительных текстов Дагестана является показ роли сельского общества, джамаата при строительстве общественных зданий. Наиболее характерно это для надписей XVII—XVIII в.: «Тпигский джамаат»

⁷³ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. Сб. МАЭ, т. XVII, стр. 375.

⁷⁴ N. K h a n i k o f f. M e m o i r e, стр. 142.

⁷⁵ М. С. Саидов. Указ соч., стр. 130; Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. Сб. МАЭ, XVII, стр. 383.

строит мост в 1023/1614—5 г., причем не назван руководителем работ; в 1088—1677—1678 гг. реставратором минарета в Мишлеше назван «джамаат мишлешский»⁷⁶ (имя мастера также не названо); надпись из Хурюга, датированная 1112/1700—1704 годом говорит о постройке мечети «хурюгским сельским джамаатом» (имя мастера упоминается). Выше уже была переведена надпись 1210/1796—1797 г. из Рутула, рассказывающая о строительстве минарета по велению двух представителей правящей бекской фамилии «вместе с джамаатом рутульским».

Это не случайно. На территории Дагестана существовал ряд союзов сельских обществ, усилившихся к XVII веку. Многие сельские общества («джамааты») и союзы их упорно и безрезультатно сопротивлялись притязаниям феодальных правителей и перед лицом внешней опасности сплывались в внушительную силу.

С этим не могла не считаться верхушка сельских обществ. Не является ли многократное упоминание в надписях роли «джамаата» в строительстве общественных зданий и других сооружений своего рода признанием возросшей роли сельских обществ как раз в тех областях, где процесс укрепления союзов сельских обществ шел усиленными темпами? На территории более крупных феодальных владений, с прочно установившейся системой управления (Газикумукское шамхальство, ханство Аварское, Кайтагское уцмийство, Табаранское майсумство) подобного рода терминология не встречается, или почти не встречается.

Важно еще одно обстоятельство — в надписях XVII—XVIII в. (за исключением надписи из Хуштада) исчезает термин «сахиб» — «владелец» применительно к общественным зданиям.

Термин «сахиб» **صاحب** широко распространен в дагестанской эпиграфике. На надмогильных эпитафиях «сахиб» назван повсеместно, в составе трафаретной конструкции: «сахиб (т. е. хозяин) этой могилы такой-то». Начиная от самых ранних датированных и недатированных надгробных плит и кончая надмогильными памятниками XX в. этот термин, как правило, вводит имя покойного. Правда, в строительной эпиграфике XVII—XVIII в., как уже было отмечено, употребление этого термина резко ограничено, с тем, чтобы в XIX—XX вв. возникнуть вновь и в большом количестве. Общественные здания XIX—XX в. хранят в ряде случаев, как нам приходилось убедиться, по несколько подобных терминов каждое. Очевидно, в таких случаях после «сахиб» называлось имя организатора работ, покровителя, финансировавшего определенную часть строительства.

⁷⁶ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (статья вторая), Сб. МАЭ, т. XVIII, 1958, стр. 337.

Строительные надписи дают еще один термин, который должен означать профессию резчика, писца, каллиграфа. Имя мастера архитектурского декора вводится двояко: в форме катаба — «написал» (كتب) или же катиб «писец, каллиграф» (كاتب). Сохранились имена каллиграфов, начиная с XII в. Наиболее раннее упоминание относится к 557/1161—1162 гг. Это каллиграф Али Армеджи из мишлешской надписи. Дербентская надпись 580/1184—1185 г. г. извещает о «Катибе ал-Гиляни», т. е. из Гиляна⁷⁷, XIII в. отмечен именами трех грамотеев—Али ибн Халик (Мишлеш, 644/1246г.), Лукман (Цахур, 636/1239 г.), Юсуф сын Рашида (Рутул, 683—1284—5 г.). XV век также сохранил имена только двух мастеров: Мамай сын Сулеймана (Мишлеш, 825/1421—1422 гг.) и Иса Цахурский (Цахур, 836/1432—1433 г.).

Имена писцов вводятся обычно в составе одной из ниже следующих обычных конструкций: «катаба» («написал такой-то» كتب); «катаба хазихи-л-хуруф» («написал эти строки такой-то» كتب هذا الحروف); «катабаху» («написал его, т. е. текст, такой-то» كتب); катаба-ал-хатт» («написал эту строку такой-то» كتب الخط).

При описании деятельности усадов — строителей уже было отмечено отсутствие нисбы, если мастер не происходил из другого места. Иначе дело обстоит с нисбами каллиграфов. Обычно нисба не дается, но если она упомянута, то она отнесена как к жителю другого аула, так и к местному мастеру: в надписи 580/1184—1185 г. из Дербента⁷⁸ каллиграф назван Гилянский, в то время как в цахурской надписи 836/1432—1433 г. мы читаем: «катиб Иса сын Мамай Цахурского»⁷⁹.

Число надписей, как и качество их исполнения в плане техническом и лингвистическом, говорят о наличии в средневековом Дагестане определенного слоя лиц, знавших арабский язык и каллиграфию, а также резчиков по камню, завершавших работу каллиграфов.

⁷⁷ N. Khanikoff. Mémoire, стр. 116.

⁷⁸ Mémoire, стр. 116.

⁷⁹ Н. В. Ханьков. Археологическое известие. «Кавказ», 1852; его же. Mémoire, стр. 140—141; М. Х. Нейматова. К истории изучения Ширвана XIV—XVI вв., стр. 45.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДАГЕСТАНА С РОССИЕЙ

Марксистско-ленинское освещение истории, становление и развитие взаимоотношений между народами нашего великого многонационального социалистического государства имеет весьма важное, научно-познавательное и практическое значение. Оно способствует воспитанию народов нашей страны в духе интернационализма и еще более укрепляет дружбу народов, являющуюся прочной основой силы и могущества СССР.

Если история дагестанско-русских взаимоотношений XVI—XIX вв. получила научное освещение в трудах советских историков, хотя и не все стороны этой проблемы еще изучены полностью, то к сожалению этого нельзя сказать о истории этих взаимоотношений в более ранний период.

В нашей исторической литературе нет не только специальных монографических работ, но и сколько-нибудь заметных статей, посвященных изучению истории дагестанско-русских взаимоотношений в домонгольский период. Хотя в связи с изучением общих проблем ряд историков высказывали свою точку зрения и по интересующему нас вопросу. Так, в трудах академиков В. В. Бартольда, Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, член-корр. Академии наук СССР А. Ю. Якубовского, проф. М. И. Артамонова, Б. Н. Заходера¹ и др. содержится ценный фактический материал и верные выводы по данному вопросу. Отдельные вопросы истории дагестанско-русских взаимоотношений были поставлены в работах Р. М.

¹ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925; его же. Арабские известия о руссах. Советское востоковедение, № 3, М.-Л., 1940; его же. Кавказ, Туркестан, Волга. Известия Кавказского историко-археологического института, вып. IV, 1926, и др.; Б. Д. Греков. Киевская русь. М. 1944 г; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда. М.-Л., 1950; А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Известия АН СССР, серия истории и философии, т. 3, № 5, 1946; его же. Ибн-Мискавейх. О походе русов в Бердаа в 33 г. 943/4 г. Византийский временник, т. XXIV, Л., 1926; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о восточной Европе. М., 1962.

Магомедова, Х.-М. О. Хашаева, В. Г. Гаджиева, А. Р. Шихсаидова, С. Ш. Гаджиевой² и в «Очерках истории Дагестана» (изд. 1957 г.).

Следует, однако, отметить, что фрагментарность этих работ не позволяет установить, когда стали складываться дагестанско-русские связи и с какой последовательностью они развивались. Учитывая важность и неизученность проблемы, мы попытались на основе сохранившихся источников проследить становление и развитие русско-дагестанских связей, показать путь развития и действенный характер этих связей. Однако, мы не ставим задачу, да едва ли это и возможно, при современном состоянии источниковедческой базы, ответить на все вопросы данной проблемы. Важную роль в изучении древнейшего периода русско-дагестанских взаимоотношений должен сыграть археологический материал. Между тем археологическое изучение Дагестана до недавнего времени имело случайный, эпизодический характер. Начатые за последние годы работы по систематическому изучению памятников древней и средней и средневековой истории далеко не завершены. В силу этого основным источником для разработки данной темы являются труды восточных авторов.

Изучение трудов арабских и персидских географов и историков, анализ имеющейся литературы показывают, что связи дагестанского с русским народом имеют многовековую историю, истоки которой восходят ко времени образования древнерусского государства.

Первоначальному знакомству, а вслед за этим складыванию и развитию торгово-экономических и политических связей во многом благоприятствовало выгодное географическое положение Дагестана на скрещении сухопутного и великого водного восточного пути по Волге и Каспийскому морю. Значение торгового пути через Дагестан особенно возросло, начиная с VII века, а в VIII—X вв. центр международной торговли на Кавказе перемещается в бассейн р. Куры и Каспий-

² Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX в. Махачкала, 1957; его же. История Дагестана. Махачкала, 1961. Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М. 1961; В. Г. Гаджиев. Присоединение Дагестана к России. Ученые записки ИИЯЛ, т. 1, 1957; А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в Дагестане. (Рукопись кандидатской диссертации). 1961. Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина; С. Ш. Гаджиева. Кумыки, М., 1962.

ского моря³. Огромную роль в этом сыграло усиление торговых связей хазар и славян с арабским Востоком⁴.

Наиболее ранним, если не самым ранним, дошедшим до нас сведением о пребывании русов на территории современного Дагестана является сообщение Беланы о появлении русов в 643 г. в районе к северу от Дербента⁵. К сожалению, это отрывочное сообщение не позволяет точно определить место, продолжительность и цель пребывания здесь русов. Не раскрывает оно и с кем именно они здесь встречались.

Однако, нам известно, что в это время в Дагестане было несколько государственных образований — «царств» — Лакз, Табасаран, Гимик, Зирихгеран, Серир и др., а в приморской части имелся целый ряд городов — крепостей Дербент — Чога, Ворочан — Семендер⁶, Урцеки⁷ и множество населенных пунктов. Археологические данные, говорит проф. М. И. Артамонов, подтверждают, что «к северу от Дербента имеется много средневековых поселений с мощными укреплениями. Здесь рано мог возникнуть и основной признак феодальных порядков — собственность на землю, как условие дальнейшего усиления зависимости «черного люда»⁸.

Если иметь в виду наличие городов, крепостей и других населенных пунктов севернее Дербента, то, не боясь впасть в ошибку, можно допустить, что русы встречались с жителями Дагестана еще в VII веке. Но может быть допущена еще одна догадка о том, что русы прибыли в Дагестан по торговым делам. Эта не менее вероятная, чем первая догадка основывается на том, что дошедшие до нас источники IX—X вв. единодушно утверждают, что русы впервые появились на Востоке в качестве мирных торговцев.

Во всяком случае, как справедливо замечает М. Тебенков, «близкое знакомство закавказских и прикаспийских народно-

³ Е. А. Манандян. О торговле в городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Еревань, 1930, стр. 136—139.

⁴ А. Р. Шихсидов. Указ. соч., стр. 73.

⁵ Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 379.

⁶ В литературе до сих пор нет единодушного мнения о местонахождении Семендера. Средневековые арабские авторы локализуют Семендер между Дербентом и Итилем. Часть советских авторов локализует Семендер у Тарки — Махачкалы, другие в северном Дагестане в районе р. Койсу.

⁷ Урцеки — условное название раннесредневекового города. Раскопки Урцеки еще не завершены. Возможно это и есть тот город, о котором в 1603 г. посланник грузинского царя в Москве говорил «на реке на Бойнаке бывал город Александра царя... На том городище стены и башни и ноны есть, только посылались; а мерою по городище в длину и поперек сажень по 300... и около того городища села и деревни многие и винограду и пашни и лесу много и людей и добре здорово» (Белокуров. Сношения России с Кавказом..., стр. 401—404).

⁸ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 190.

стей с русскими славянами можно считать возникшим не позднее 7-го или начала 8-го века»⁹.

«Дагестанские народы,— пишет Х.-М. О. Хашаев,— занимавшие территорию от западных берегов Каспийского моря до снеговых вершин Большого Кавказа, еще в VII веке н. э. встречались с «русами» южнорусских степей, приезжавшими в Закавказье по торговым делам через сухопутную и водную магистраль Дагестана»¹⁰.

В дальнейшем в VIII—IX и особенно в X—XII веках, как показывает анализ имеющихся источников и литературы, устанавливаются более тесные торгово-экономические связи Кавказа и Ближнего Востока с русами. Арабский писатель Ибн-Хордадбе в «Книге путей и государств», написанной около 846 года, дает чрезвычайно интересную картину торговли русов со странами Прикаспия и Ближнего Востока. «Купцы русских, — сообщает Ибн-Хордадбе, — они же суть племя из славян-то, они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славии» не только к Черному морю, но и «проходят по заливу хазарской столицы, где владетель ее берет с десятину. Затем они ходят к морю Джурджана (Каспийское море — В. Г.) и выходят на любой им берег... Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад»¹¹.

Анализируя это сообщение, известный русский историк В. О. Ключевский писал: «Сколько поколений нужно было, чтобы проложить такие далекие и разносторонние торговые пути с берегов Днепра или Волхова. Восточная торговля Днепровья, как ее описывает Хордадбе, могла завязаться по крайней мере лет за сто до этого арабского географа»¹².

«Купцы Руси,— пишет А. Ю. Якубовский,— судя по маршруту, ездили они из территории Киевской Руси еще до образования в Киеве власти Рюриковичей, т. е. до 882 г., так как Ибн-Хордадбе рассказывает об этом как о факте, происходившем не раз»¹³.

Эти утверждения подтверждают высказанное нами выше предположение в связи с сообщением Белани. Но вернемся к сообщению Ибн-Хордадбе. На первый взгляд приведенное сообщение не имеет никакого отношения к предмету наших

⁹ М. Тебенков. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. Тифлис, 1896, стр. 12.

¹⁰ Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, стр. 26.

¹¹ См. А. Я. Гаркави. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X в.). СПб, 1870, стр. 49.

¹² В. О. Ключевский. Курс русской истории. Соч., т. I, 1956, стр. 127.

¹³ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях, стр. 464.

изысканий. В нем нет прямых указаний на торгово-экономические связи русов с жителями Дагестана. Так ли это? Попробуем проверить. Прежде всего Ибн-Хордадбе в данном случае описывает лишь водный путь, по которому осуществлялась торговля русов с Кавказом и Ближним Востоком. При этом он особо подчеркивает, что русы выходят на любой берег Каспийского моря. Высаживаясь на «любом берегу» Каспия, русы не могли обходить стороной такой крупный торговый центр Кавказа, каким был Дербент. О посещениях русами Дербента и других городов, расположенных на дагестанском побережье Каспия, отмечают и другие авторы (о них речь будет идти ниже). Здесь же заметим, что опираясь на сообщения арабо-персидских авторов акад. Б. А. Рыбаков утверждает: «по берегам Каспия русы бывали в Дербенте, у устья Куры («Русский остров»), в «Нефтяной стране» около Баку, в Табаристане и даже в самом отдаленном углу Каспия — в городе Абезгуне. Каспийским путем русы проникали в крупнейший город Закавказья Бердаа. Каспийское направление было очень оживленным в IX—X вв»¹⁴.

Из сообщения Ибн-Хордадбе, дополненного свидетельствами Ибн-аль-Факиха (X век), Ибн-Хаукаля (X в.). Аль-Мукаддаси (X в.) и др., видно, что русы на Кавказ завозили меха, кожи, янтарь, моржовую кость, воск, лен, полотно, серебряные изделия. «Возможно, что работой русских мастеров были и те кольчуги, которые упоминаются Аль-Мукаддаси в качестве товара, шедшего в X веке через Итиль», так как «Западная Европа не знала кольчуг до крестовых походов. Претендентами на экспорт кольчуг могут быть или Киевская Русь или Волжская Болгария и может быть даже первая с большим основанием»¹⁵.

Купцы русов привозили указанные товары в Дербент, который, по свидетельству современников, был огромным по тому времени городом, более крупным, чем Ардебиль и Тифлис, и одним из основных торгово-ремесленных центров не только северо-восточного Кавказа, но и всего Закавказья¹⁶.

В Дербенте скрещивались торговые пути из стран Ближнего Востока, Тифлиса и западного Кавказа, с Дона, Волги и Средней Азии. Установившиеся еще в VII, VIII и IX веках торговые связи русов с Дербентом в X веке приобретают постоянный характер и большую интенсивность. И не случайно рынок Дербента в X веке славился как рынок русско-

¹⁴ История культуры древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 337.

¹⁵ Там же, стр. 324—325.

¹⁶ Аль-Мукаддаси, Масуди, Ибн-Хаукаль, Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 9, 34, 38.

го льна¹⁷. Очевидно и полотняные изделия, о которых шла громкая слава по всему Кавказу, привозили в Дербент русы¹⁸. В X веке русские князья, купцы и дружинники продавали своих рабов далеко от Киевских земель. Русские рабы попадали и в Дербент¹⁹. На дербентском рынке, писал акад. Б. Д. Греков, «продавались в восточные страны в огромном количестве рабы-хазарские, дагестанские, осетинские, русские и вообще славянские»²⁰.

Крупным торгово-ремесленным центром в плоскостном Дагестане и пестрым в этническом отношении был город Семендер. Ибн-Хаукаль отмечает, что Семендер населяли «мусульмане и другие; они (мусульмане) имели в нем мечети, христиане — церкви и евреи — синагоги»²¹. Другие арабские авторы утверждают, что это «большой приморский город»²². Автор X века Табари сообщает, что в Семендере производились шерстяные ткани и что жители его «имели значительные суммы денег... рабов и рабынь»²³. Худуд-аль-алам определяет местоположение Семендера «на берегу моря» и считает его богатым городом, где имеются «базары и есть купцы»²⁴. «Население Семендера, — пишет Якубовский, — было в основном торговое, преобладающее если не по числу, то по своему значению»²⁵. Этнический состав купцов Семендера, как показывает анализ имеющихся источников, был самый разнообразный. Здесь было немало и русских купцов. Как и в Дербент, они очевидно привозили разного рода меха, воск, рыбий клей, льняные изделия и другие товары, а также рабов и рабынь. «Товары, стягивавшиеся со всего пространства Восточной Европы, — писал проф. С. В. Юшков, — в значительной степени шли по Дону и Волге и сосредоточивались в Хазарии. Тогда, когда столицей Хазарии был Семендер»²⁶. В X веке, согласно сообщению Масуди, Семендер был

¹⁷ Истахрий. ВГА, стр. 184; Ибн-Хаукаль, ВГА, т. II, стр. 242; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 27.

¹⁸ Н. А. Караулов. Сведения..., стр. 88.

¹⁹ История культуры древней Руси, стр. 322.

²⁰ Б. Д. Греков. Киевская русь, 1953, стр. 434; Н. А. Караулов. Сведения..., стр. 88.

²¹ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 220.

²² Н. А. Караулов. Сведения..., стр. 5.

²³ П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении русской истории. СПб, 1847, стр. IX.

²⁴ Б. Н. Заходер. Каспийский свид..., стр. 182; Л. И. Лавров. Тарки до XVIII в. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 16.

²⁵ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях, стр. 471.

²⁶ С. В. Юшков. Рукопись по истории Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1165, л. 47.

столицей «царства» Джидан, которое было подвластно Хазарии²⁷.

«По всей вероятности, — пишет проф. М. И. Артамонов, — Семендер, как раньше Ворочан-Беленджер, хотя и находился в составе Хазарского государства, не входил в область Итиля, в собственно Хазарию, а представлял особое владение, глава которого находился в вассальной зависимости у хазарского царя»²⁸. В это время первенствующее положение в международной торговле в Хазарии занимал Итиль. Это, однако, не означает, что Семендер вовсе потерял былое торговое значение. Напротив, и после перенесения столицы в Итиль, Семендер оставался крупным торговым центром, играл заметную роль во внешней торговле с юго-восточной Европой и странами Ближнего Востока. Немаловажную роль Семендер играл и во втягивании плоскостного Дагестана в международный обмен. Вещественным доказательством развивавшихся торговых связей плоскостного Дагестана служат археологические материалы. Исследователи отмечают, что большинство вещей (головные булавки, серьги, бусы, медальоны, кольца, браслеты, зеркала, крест из сердолика, сабли, ножи, копья, стремена, удила, поясной набор и др.), погребального инвентаря Агачкалинского могильника, датируемого VII—X вв., указывают на значительное развитие местного ремесленного производства, а также на широкие торговые связи населения приморского Дагестана со странами юго-восточной Европы, Ближнего Востока и др.²⁹

Наличие крупных торгово-ремесленных центров, установление и развитие внешней торговли с русами и странами Закавказья и Ближнего Востока способствовало сравнительно быстрому развитию обмена и возникновению торговых центров местного значения «по побережью и по присулакской плоскости»³⁰. К аналогичному выводу пришла и исследователь истории и этнографии кумыков С. Ш. Гаджиева. «Благодаря своему географическому расположению на важнейших торговых путях, — пишет она, — племена равнинного Дагестана оказались втянутыми в орбиту оживленных торговых связей и политических взаимоотношений населения юго-восточной Европы с населением Закавказья и Передней Азии»³¹.

²⁷ Н. А. Караулов. Сведения..., стр. 43.

²⁸ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 399.

²⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, X, V, М., 1952, стр. 83—96; Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник. КСИИМК X, VI, М., 1952, стр. 101—102; Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 44—45.

³⁰ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 47.

³¹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1962, стр. 27.

На дороге в Дербент «был мост, на реке Самур,— указывает акад. В. В. Бартольд.— Здесь поддерживались торговые сношения с византийцами и хазарами на Каспийском море»³². Возможно это место и есть Джасар-Самур (плотина на р. Самур), упоминаемая Ибн-Хаукалем и Аль-Истахрия³³. Однако, если иметь в виду сообщения арабских авторов о том, что область хазар сама ничего не производила и что хазары не были торговым народом: «хазарский царь не имеет ни судов, ни людей, привычных плаванию на них. Все, что идет из Хазарии на юг... привозится к ним из страны русов и болгар»³⁴. Можно с уверенностью сказать, что в товарообмене у реки Самур принимали участие и купцы русов.

Изучение дошедших до нас средневековых источников и существующей литературы позволяют утверждать, что в товарообмен с русами, народами Закавказья и Передней Азии в описываемое время были вовлечены не только жители Дербента, Семендера и приморского Дагестана, но и жители предгорного и нагорного Дагестана — политических объединений Серира, Лакза, Табасарана, Кайтага, Зирихгерана. Автор первой половины X века Аль-Истахри, описывая Дербент, сообщает, что к этому крупному торговому центру «стекаются хазары, сериры (авары — В. Г.), шензоны, хайзаны (вероятно, Кайтаг-даргинцы — В. Г.), курджи (грузины), рукланы, зирикеры (кубачинцы — В. Г.), Гумик (лакцы — В. Г.) с севера»³⁵.

Далее Ал-Истахри прямо указывает, что Дербент «служит портом на Хазарском море для Серира»³⁶. Не раз нами цитированный Ибн-Хаукаль отмечает так же, что Дербент служит «портом Серира и прочих стран Табаристана и Джуржана, земель кафириров и дейлема»³⁷. С учетом этих фактов надо полагать, что товары Серира, среди которых имелись не только меха, бараны и красивые девушки-рабыни, но, видимо и изделия «ремесла», привозились в Дербент, и оттуда они шли на Север — в Хазарию и Русь, на юг — в Закавказье и в Переднюю Азию.

Согласно сообщению Аль-Истахри и Ибн-Хаукаля, восточная граница Серира проходила вблизи гор. Семендера. «Между Семендером и пределами Серира два фарсаха * расстояния. Между семендеровцами и Сахиб-ас-Сериром переми-

³² В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924, стр. 34.

³³ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 101; вып. 29, стр. 31.

³⁴ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 34.

³⁵ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 29, стр. 15.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, вып. 38, стр. 88.

* фарсах = 1,74 км.

рие»³⁸. Близость границ и наличие перемирия позволяет утверждать, что между Сериром и жителями Семендера в описываемое время развивались добрососедские отношения. В этих условиях жители нагорного Дагестана и, в частности Серира, которые, как мы видели выше, отвозили свои товары в Дербент, не могли не пользоваться хотя и менее значимым во внешней торговле, но более близким рынком, каким был для них Семендер. Если все это устанавливается, то надо полагать, что жители Серира сбывали свои товары и рабов в Семендер и приобретали привезенные из стран Ближнего Востока и Руси товары. Иначе говоря, Семендер, подобно Дербенту, мог служить для населения предгорного и нагорного Дагестана связывающим звеном во внешней торговле с юго-восточной Европой, народами Закавказья и Ближнего Востока.

Как бы то ни было, наличие торгово-экономических связей Серира с Русью и странами Востока не подлежит сомнению. Мало того, как правильно отмечает А. Р. Шихсаидов, «в X веке усиливаются связи Серира с Грузией и славянами»³⁹.

В орбиту оживленных торговых связей в изучаемое время были втянуты и жители страны Зирихгеран — «известные мастера кольчуг, стремян, удила, мечей и других железных вещей»⁴⁰. Следует особо подчеркнуть, что основным занятием жителей Зирихгерана было ремесленное производство⁴¹. Уже одно это говорит о том, что жители Зирихгерана вынуждены были сбывать свои изделия и приобретать необходимые для жизни товары на стороне.

Надо полагать, что свои потребности, особенно в сельскохозяйственном производстве, зирихгеранцы удовлетворяли в основном в самом Дагестане и в Закавказье. Но несомненно и то, что жители Зирихгерана вели и внешнюю торговлю как со странами Востока, так и со славянами. «Портом для Зирихгерана служил Дербент»⁴². Не было оторвано от внешнего мира и население Лакза, Гумика, Табасарана, Кайтага и др. политических образований Дагестана. Выше мы приводили сообщение Аль-Истахри о том, что «торговые люди» упомянутых политических объединений «стекаются» в Дербент. Здесь же укажем, что «В книге луга золота и рудники драгоценных камней» Масуди, сообщая о «царстве» лакзов — «многочисленном племени, живущем на вершинах гор», подчеркивает, что «среди них есть кяфиры... по имени дуданийцы

³⁸ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 29, стр. 47; вып. 38, стр. 114.

³⁹ А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 76.

⁴⁰ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 52.

⁴¹ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949; Очерки истории Дагестана, Махачкала, т. I, стр. 44.

⁴² Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 29, стр. 15; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 44.

(дидойцы — В. Г.)... У них странные обычаи при бракосочетании и при заключении торговых сделок»⁴³. К сожалению, Масуди не раскрывает, в чем заключается странность обычаев дидойцев и не конкретизирует, с кем они заключают торговые сделки. Однако и при всем этом сообщение Масуди, на наш взгляд, представляет немалый интерес. На самом деле, если бы дидойцы были в те времена оторваны от внешнего мира, арабские источники не упоминали бы о их «торговых сделках».

О наличии в VIII—X вв. связей дидойско-капучинских районов и центральной Аварии с внешним миром свидетельствует археологический материал. Обнаруженные в Бежтинском могильнике в значительном количестве «разнообразные стеклянные бусы с великолепной позолотой, мозаичные, а также сердоликовые бусы оказались южного (сирийского и иранского) происхождения... Непосредственно с юга были заимствованы и изначальные формы головных булавок с конусными бусинами, столь характерные для центральной Аварии»⁴⁴. Материалы Бежтинского могильника имеют аналогию с предметами, обнаруженными в восточной Европе. «Судя по общему облику и технологии изготовления, — пишет Д. М. Атаев, — большинство бежтинских шлемов напоминают кочевнические шлемы VIII в. и раннерусские шлемы, датируемые началом IX века»⁴⁵.

Суммируя вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что в изучаемое время народы Дагестана оказались втянутыми в оживленную международную торговлю, причем они не только импортировали, но и экспортировали свои товары. Различного рода товары Серира (Аварии), оружие и ювелирные изделия Зирихгерана, ковры, паласы, шерсть из Табасарана и Лакза, шелк из Ширвана привозились в Дербент и оттуда вывозились на Русь и в страны Востока⁴⁶.

Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что население Дагестана поддерживало торговые и иные связи с северным Кавказом и юго-восточной Европой и через горные перевалы и по дорогам, идущим из Дербента через внутренний Дагестан (Рича, Кумух, Андалаяль, Гидатль, Ботлих, Ведено, северо-кавказские степи)⁴⁷. Только наличие оживленных связей с внешним миром объясняется, что важнейшие мировые события не замедлительно отражались и в этом крае, а «все

⁴³ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 42.

⁴⁴ Д. М. Атаев. Средневековая Авария (по археологическим данным). Кандидатская диссертация, стр. 349.

⁴⁵ Там же, стр. 247.

⁴⁶ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 60; История Азербайджана, т. I, 1958, стр. 125—138.

⁴⁷ Б. Маллачиханов. Рукопись по истории нагорного Дагестана.

новинки тогдашней техники и культуры быстро осваивались обитателями Северокавказского края»⁴⁸.

Народы Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, как можно судить по дошедшим до нас источникам, поддерживали с русами не только торгово-экономические связи.

История описываемого времени Дагестана отмечена постоянной борьбой горцев с внешним врагом. В период политических осложнений население Дагестана вынуждено было обращаться за помощью к своим северным соседям. Источники дают достаточный материал о том, что горцы получали помощь и поддержку от своих соседей и русов. В хронике «Тарихи Дагестан» Мухаммеда Рафи отмечается, что «когда обитатели Дагестана узнали об этом (речь идет о нашествии арабов — В. Г.), то все их неверные собрались вместе, сопровождаемые войсками рус, которые всегда поровну делили с ними добро и зло. Они, с целью отразить мусульман и причинить им бедствие и вред, появились около города, называемого Чурь»⁴⁹ (Дербента — В. Г.).

Жители Дагестана и «племя русов, узнав об этом (о нашествии арабов — В. Г.), — пишет А. Бакиханов, — собрались в большом селе, близ города Чур... Мусульмане отправили сто человек отборных для разведывания о силе неприятелей; узнав о ней, стали опасаться и поэтому употребили хитрость»⁵⁰.

В приведенных выдержках много интересного: тут и характеристика религии жителей Дагестана как неверных, тут и указание на борьбу горцев против арабских завоевателей, и, что наиболее важно для нас, указание на помощь русов горцам Дагестана в их неравной борьбе против грозного врага.

Утверждение нашего источника о том, что «русы, которые всегда поровну делили с ними добро и зло», указывает на то, что русы оказывали горцам Дагестана помощь не единожды. Источники дают достаточный материал о совместных походах русов и горцев Дагестана. Известен ряд походов русов в Закавказье. Самый ранний из них был предпринят в 864—884 гг., к юго-восточному берегу Каспийского моря⁶¹. Об этом походе до нашего времени дошли отрывочные известия. Вполне достоверными и изученными в исторической науке являются походы русов в Закавказье в 913—914 и 943—944 гг. Согласно сообщению аль-Масуди, «приблизительно

⁴⁸ Е. И. Крупнов. К вопросу о культурных связях Северного Кавказа по археологическим данным. Ученые записки Кабардино-балкарского НИИ, т. 9, стр. 128—139; Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 346.

⁴⁹ Тарихи—Дербент-Наме. Тифлис, 1898, приложение IX, стр. 172.

⁵⁰ А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 52.

⁵¹ Б. Дорн. Каспий, стр. 528.

пятьсот кораблей русов, содержащих каждый по сто человек»⁵² вошли в Керченский пролив и обратились к царю с просьбой пропустить их в Каспийское море. «В условиях развивающейся борьбы с Византией хазары,—как справедливо отмечает проф. Артамонов,—были заинтересованы в том, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать Русь. Этим обстоятельством следует объяснить согласие хазар пропустить значительное русское войско в Каспийское море»⁵³. После этого русы поднялись по Дону, перетащили суда на Волгу и по ней вошли в Каспийское море, заняли один из островов «нефтяного побережья, известного под именем Баку... Русы оставались на этом море несколько месяцев, так что никто не мог проехать по этому морю из страны в страну»⁵⁴. Однако, русам при возвращении близ Итиля хазарами был нанесен тяжелый удар.

Через 30 лет — в 943—944 гг. русы вновь совершили поход в Закавказье.

В исторической науке не раз ставился вопрос о маршруте этого похода. Одни исследователи склонны считать, что первоначально русы направились вдоль Кавказского хребта, а затем «не Доном и Волгой, а подошли к Дербенту сушей и в Дербенте или в окрестностях Дербента сели на суда и вышли в море»⁵⁵. Другие полагают, что русы «опять с согласия хазар прошли через Хазарию в Каспийское море тем же путем, которым воспользовались русские дружины в 913 году и появились в Закавказье»⁵⁶. По какому бы то маршруту не прошли русы, все же они, видимо, были у Дербента. И не случайно, описывая поход русов в Закавказье, великий азербайджанский поэт Низами отмечал, что они «всю дербентскую заняли высь»⁵⁷.

В отличие от похода 913—914 гг. русы на этот раз не разделились на отдельные отряды, а со всей дружиной прошли по реке Куре и остановились лагерем в сел. Мубарах близ крупного торгово-ремесленного центра Закавказья Бердаа⁵⁸.

⁵² Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 47.

⁵³ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 369.

⁵⁴ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 47; А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 128—129; Дорн. Указ. соч., стр. 11; А. К. Бакиханов. Гюлистан—Ирам. Баку, 1926, стр. 47; Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 82.

⁵⁵ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории восточной Европы. Исторические записки, т. VI, 1940, стр. 83, 85.

⁵⁶ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 375—376. О маршруте похода на Бордаа, см. Н. Я. Половой. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. Византийский временник, т. XX, стр. 170—205.

⁵⁷ Низами. Искандер-наме. Перевод К. Липскерова, Баку, 1953, стр. 384. См. также М. Тебенков. Указ. соч., стр. 45—50.

⁵⁸ П. П. Тамчьян. Средневековая Бердаа в период расцвета. Известия АН Азерб. ССР, вып. IV, № 9, 1946, стр. 52—60.

Хорошо осведомленный Ибн-Мискавейх ярко и образно изображает русов. «Это великий народ, отличающийся крупным телосложением и большим мужеством, они не знают бегства и никто из них не убегает, повернувшись (к врагу), пока он не убьет или будет убит... Я слышал от людей, видевших русов, удивительные рассказы об их мужестве»⁵⁹. Вооружены были русы мечами, привешенными дубинами и нечто вроде кинжалами. Весьма характерно, что наряду с оружием с ними были орудия чисто производственного характера — топоры (алфас), пилы (аль-миншар) и молотки (аль-митрак)⁶⁰. Мусульмане не смогли оказать сопротивление хорошо вооруженным войскам русов, сообщает Ибн-Мискавейх, и они вступили в Бердаа, где русы объявили горожанам: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно, чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам»⁶¹.

После взятия Бердаа, как свидетельствуют источники, русы «объявили в нем помилование и поступали (с жителями) хорошо»⁶².

Правда, впоследствии русы вынуждены были применить силу, т. к. местные жители начали, по словам А. Ю. Якубовского, «энергичную войну». В результате этого «постепенно опустел и обеднел еще недавно большой и богатый город» Бердаа⁶³. Владетель Марзбан ибн-Мухаммед сделал попытку изгнать русов из Бердаа, но потерпел поражение. Тем не менее летом 944 г. из-за распространившейся эпидемии русы, захватив добычу, возвратились к Куре, и оттуда, сев на суда, отправились к себе.

Некоторые историки склонны утверждать, что походы русов в Закавказье предпринимались независимо от положения на Киевской Руси, и связывали их только с деятельностью русов, живущих в северо-западной части Кавказа⁶⁴. Однако большинство как дореволюционных, так и советских

⁵⁹ История Азербайджана. Т. I, стр. 131.

⁶⁰ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Известия..., стр. 467.

⁶¹ А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. (943/944 г.). Византийский временник, XXIV, стр. 65.

⁶² Дорн. Каспий, стр. 513; Френ. Письмена древних русов. Библиотека для чтения, 1836, т. XV, стр. 53; В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Советское востоковедение, т. I, 1940, стр. 32; А. К. Бакиханов. Гюлистан—Ирам, Баку, 1926, стр. 48.

⁶³ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., стр. 468.

⁶⁴ См. А. Пресняков. Лекция по русской истории. М., 1938, стр. 150.

исследователей считают, что поход на Бердаа определенно был связан со вторым походом Игоря на Константинополь⁶⁵.

Источники отмечают, что во время походов в Закавказье горцы Дагестана не только встречались с русами, но и принимали в них непосредственное участие. Согласно сообщениям средневековых писателей, в походе на Бердаа, в вооруженных отрядах, бороздивших на своих судах вдоль и поперек Каспийское море, вместе с русами участвовали аланы и лезги (народы Дагестана)⁶⁶.

Следует особо подчеркнуть, что аланы, лезги и другие народы, как справедливо отмечает М. Тебенков, были «союзниками русов, главное же ядро войска составляли русы»⁶⁷. В 965—966 году Святослав предпринял поход против хазар⁶⁸. «Поход Святослава на Восток,— пишет Артамонов,— преследовал далеко идущие цели. Это была не бессмысленная авантюра и не простой грабительский набег..., а хорошо продуманное предприятие, вытекавшее из трезвого учета существующей политической ситуации и экономических потребностей Руси. Святослав хотел не только разгромить Хазарию, но и овладеть основными ее территориями на Волге, на Керченском проливе и на Дону с тем, чтобы полностью взять в свои руки контроль над восточной торговлей, игравшей весьма важную роль в экономике русского государства»⁶⁹. Поход Святослава положил конец существованию Хазарского каганата. Имеются сведения, позволяющие полагать, что жители Дагестана вместе с народами Северного Кавказа (осетинами и др.) находились в войсках Святослава при взятии хазарских городов Белу-Веж и Семендер⁷⁰.

Историческая литература располагает материалами, говорящими о том, что между русскими князьями в Тмутаракании и кавказскими владельцами существовали и более интимные отношения, к числу которых следует отнести широко распространенный обычай аманатства. Есть известие, что при княжеском дворе ключником был горец⁷¹. В то же время у ряда правителей Дагестана на постоянной службе находи-

⁶⁵ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 520; М. Тебенков. Указ. соч., стр. 65; А. Якубовский. Указ. соч., стр. 469; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 375—376.

⁶⁶ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 515; Григорьев. Указ. соч., стр. 250; Очерки истории СССР IX—XIII вв., стр. 83; А. Н. Носонов. Указ. соч., стр. 85; История Северо-Осетинской АССР. 1959, стр. 77.

⁶⁷ М. Тебенков. Указ. соч., стр. 68; Дорн. Каспий, стр. 521.

⁶⁸ Н. Знойко. О походе Святослава на Восток. Журнал. Мин. народного просвещения, XVIII, 1908, № 11.

⁶⁹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 429.

⁷⁰ П. Бутков. Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе. «Северная пчела», 1850, № 99.

⁷¹ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 77, 78, 82. Известие русского географического общества, СПб, 1852, т. VI, стр. 72; Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1170, л. 25.

лись русы. В X веке, например, эмир Дербента был «окружен гулямами (некто вроде дружины или телохранителей) из русов». Правитель Дербента видимо очень ценил и был привязан к ним. В 989 году, когда гиланский проповедник Муса Тузи, который брал «зароки» с местных главарей, от эмира Дербента потребовал выдачи его гулямов, «чтобы обратить в ислам или убить», эмир отказался выдать их, предпочел оставить владение и «уйти в Табасаран, чем выдать своих дружинников — русов»⁷². Служили русы и у других владельцев Дагестана. По словам Загир-Эд-дина у «знаменитого горного царя Шах-Гази Рустема был русский окольный слуга»⁷³.

В свете вышесказанного большой интерес приобретает сообщение Ибн-ан-Надима (X век), на которое исследователи почему-то мало обращали внимания. В «Книге росписи» (987—988 гг.), описывая письменности известных ему народов, Ан-Надим сообщает: «мне рассказывал, на правдивость коего я полагаюсь, что один из царей горы Кабкъ послал его царю Русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения, не знаю, были ли они слова или отдельные буквы, подобно этому»⁷⁴.

Советской наукой установлено, что русы имели письменность еще до принятия христианства⁷⁵. Не вызывает сомнения и факт возможности отправления одним из кавказских властителей посольства к русскому князю⁷⁶. По всей вероятности один из владетелей Кавказа отправил посольство к «царю русов» Святославу⁷⁷.

Если более или менее определенно можно говорить о том, к кому был отправлен посланник, то гораздо труднее выяснить, кем был он отправлен, кто скрывается под именем «царя гор Кабкъ», и какую цель преследовал он, отправляя посланника, о чем должен был он говорить с царем русов. Естественно, что на все эти и другие возникающие вопросы можно ответить лишь только тогда, когда в руках исследователей окажется дополнительный фактический материал. Все это бесспорно. Но некоторые предварительные выводы, как

⁷² В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье. Acta Orientalia. Budapest, 1953, т. III, стр. 209

⁷³ Б. Дорн. Каспий, стр. 37.

⁷⁴ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 240.

⁷⁵ См. П. Я. Черных. Язык и письмо. История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 114; Д. С. Лихачев. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. Вопросы истории, № 12, 1951, стр. 30—54; Е. Э. Гранстрел. К вопросу о происхождении глаголической азбуки. Тр. древнерусской литературы, IX, 1953, стр. 428.

⁷⁶ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 240—244.

⁷⁷ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 93.

Нам представляется, могут быть сделаны и сейчас. Ориентиром на этом пути могут служить косвенные сообщения арабо-персидских писателей. Общеизвестно, что арабские и персидские писатели горами Кабхъ именовали Кавказские горы⁷⁸. Известно так же, что они называли политические образования Дагестана «царствами», а их владетелей — царями.

В книге «Завоевания стран» Баладзори, сообщая о назначении Ануширваном в северо-восточном Кавказе царей, отмечает: «Из них был: хакан Горы, т. е. владетель Серира... и царь Филана... и царь ал-Лакзов... и царь Ширвана..., властителя Бухха... и властителя Зирикирана... и утвердил от царей горы Кабак»⁷⁹. «Гор. Баб-вал Абвабъ, — сообщает Ибн-Русте, — тянется от вершины горы Кабк»⁸⁰. Более определенно говорит Масуди: «По соседству с Ширваном в горах Кабхъ царь Табасарана»⁸¹.

В приведенных сообщениях дается последовательный перечень известных царств Дагестана и одновременно называются царями Кабак или прямо называется царем Кабкъ царство Дагестана. Все это говорит о том, что арабы хотя называли горами Кабкъ Кавказские горы, но под царями Кабкъ, очевидно, подразумевали «царство» Дагестана. Правда, мы не можем точно определить, кого именно имел в виду Ан-Надим, указывая на царей Кабкъ. Но как бы то ни было, возможность отправления одним из владетелей Дагестана посольства к царю русов не подлежит сомнению. Во всяком случае весь приведенный выше материал, свидетельствующий о торгово-экономических связях и особенно о помощи горцам со стороны русов, «которые всегда поровну делили с ним добро и зло», и участие горцев в военных мероприятиях русов, не оставляют ни малейшего сомнения, что «цари» страны гор посылали к русам своих посланников. Тем более, что факты аналогичного характера встречаются и в других источниках. Известно, например, что в 987 году (год написания книги Ан-Надима — В. Г.) дербентский Мамун-Ибн-Ахмед, притесняемый «начальниками», вошел в тайные сношения с русами⁸². И в помощь ему русы прибыли на 18 кораблях.

С распадом Хазарского каганата, закрывавшего «торговые пути по северному Донцу, Дону и Керченскому проливу и Волге»⁸³, и с образованием у пролива между Азовским морем и Черным русского Тмутараканского княжества укрепились экономические, политические и культурные связи Руси с

⁷⁸ Н. А. Караулов. Сказания..., вып. 31, стр. 35; вып. 32, стр. 19.

⁷⁹ Баладзори. Книга завоевания стран, пер. проф. П. К. Жузе, Баку, 1927, стр. 7.

⁸⁰ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 32, стр. 51.

⁸¹ Н. А. Караулов. Сведения, вып. 37, стр. 43.

⁸² В. Ф. Минорский. Русы в Закавказье..., стр. 209.

⁸³ Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 8.

народами Северного Кавказа, в том числе с Дагестаном. По своему географическому положению расположена Тмутаракань была весьма удобно. С одной стороны, азово-черноморские гавани связывали ее с западом, с другой, обладание устьем Днепра обеспечивало овладение течением Дона с притоками. Через Тмутаракань шел путь на Каспий, а оттуда — на Кавказ и в страны Востока. «Белая Вежа и Тмутаракань, — пишет проф. Артамонов, — обеспечивали связи Руси с Кавказом, открывали путь из Днепра на Волгу, свободное плавание по которой было целью похода Святослава»⁸⁴.

В исторической литературе не раз отмечались оживленные торговые связи Тмутараканьской Руси с народами северо-восточного Кавказа, Закавказья и странами Ближнего Востока⁸⁵. О значительном культурном влиянии Тмутаракани на народы северо-восточного Кавказа свидетельствует тот факт, что в распространении христианства среди черкесов в X—XI века, наряду с грековизантийской церковью, принимала участие и тмутараканьская епархиальная церковь Бориса и Глеба⁸⁶. Об оживленных торгово-экономических и политических связях Дагестана с Тмутараканьской Русью говорит и следующий весьма примечательный факт. Итальянский путешественник Плано Карпини сообщает, что в гор. Орнансе, отождествляемом рядом исследователей с Азовом и Таном, вместе с русами жили и лезги⁸⁷. Торговые связи с русами народы Кавказа, в том числе и Дагестана, поддерживали и через Итиль, где находилась многочисленная купеческая колония русов. И после захвата Итиля русами, — сообщает Ибн-Хаукаль, — «прилив же торговли русов... не переменилось, там находилась большая часть купцов, мусульман и товаров»⁸⁸. Весьма многочисленна была и русская колония в Семендере⁸⁹. «В XI веке — пишет М. И. Артамонов, — Белая Вежа приобрела характер русского города, лишь не многим отличающимся от других городов Древней Руси, теснее, чем последнее, связанного с Кавказом»⁹⁰.

Источники отмечают, что в конце X — начале XI вв. русы свободно плавали по Каспийскому морю. Можно даже сказать, что они здесь хозяйничали. Во всяком случае, известно, что в 1030 году на 38 кораблях прибыли русы в Ширван. Через два года в 1032 году русы вновь появились в Ширване, в следующем — 1033 году они даже пытались овладеть

84 М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 431.

85 А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 88.

86 А. С. Шепелева. Культурные связи Грузии с Россией. Труды отдела древнерусской литературы, т. IX, М., 1953, стр. 298.

87 Плано Карпини. История монголов. СПб, 1911, стр. 23—24.

88 А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 219.

89 Б. Н. Заходер. Каспийский свод..., стр. 170.

90 М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 449.

Дербентом⁹¹. «Последние события явно связаны с Тмутараканьской Русью, которая вступила в тесные сношения с ближайшими народами Северного Кавказа (касогами и аланами) и с их участием предпринимала набеги на более отдаленные области Кавказа»⁹². Не исключена возможность, что как и прежде в этих походах в Закавказье вместе с аланами принимали участие и горцы Дагестана. Во второй половине XII века, когда владетель Ширвана Ахситам (по грузинским источникам Агсартан) дошел до ворот Дербента, «разорил страну Мускурскую и Шарабамскую и взял город Шабран»⁹³, и — по словам поэта Хагани «из Дербента сделал ад и заставил возгласы раздаваться до Шаброна»⁹⁴, 70 кораблей русского флота, находившиеся на службе у эмира Дербентского, принимали участие в битве против ширваншаха⁹⁵. Как видно, в XI—XII в. связи Дагестана с Русью были довольно оживленными. В этой связи на наш взгляд немалый интерес представляют бытовавшие до недавнего времени в Дагестане предания, связывавшие народы края с русами. В одном из преданий говорится, что «авары прежде управлялись князем Сурика из племени русов», в другом — «аварцы суть... из племени русов»⁹⁶.

По всей вероятности А. К. Бакиханов так же, пользуясь одной из таких легенд, писал, что «жители деревни Микрат, в Самурском округе, подобно многим жителям Казикумуха, принадлежат к остаткам племени русов (или славян), переселившихся сюда во время владычества хазар»⁹⁷. Эти предания в своей основе не верны. Историческая наука убедительно доказала, что народы Дагестана аварцы, лакцы, лезгины не являются «остатками племени русов».

И тем не менее, как нам представляется, приведенные легенды представляют непосредственный интерес. Они очевидно, могли возникнуть, а затем и получить широкое распространение по меньшей мере лишь при наличии тесных связей народов Дагестана с русами.

Все возрастающим экономическим, политическим и культурным связям Дагестана с Русью был нанесен сильный удар с появлением в так называемых «южно-российских степях» от Волги до Днепра половцев, а затем татаро-монгольских орд. Пройдя огнем и мечом Среднюю Азию и превратив в пе-

91 В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье, стр. 439.

92 М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 439.

93 М. Тебенков. Указ. соч., стр. 44.

94 Там же, стр. 40.

95 В. В. Бартольд. Кавказ, Туркестан, Волга..., стр. 7; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 25; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 59.

96 ССОКГ, вып. 7, стр. 5—6.

97 А. К. Бакиханов. Указ., соч., стр. 14.

пелище многие города и села, татаро-монголы в 30-х годах XIII столетия сделались полновластными хозяевами «южно-российских степей», положив основу обширному и сильному государству, известному под именем Золотой Орды⁹⁸. Монгольского нашествия, как известно, не избежали и народы Кавказа, в том числе и Дагестана. Начиная с 20-х годов XIII века татаро-монгольские полчища не раз совершали опустошительные нашествия на Дагестан, отмеченные разрушением городов и сел, массовыми убийствами и грабежом местного населения⁹⁹.

Говоря о татаро-монгольском нашествии на народы Северного Кавказа, русская летопись отмечает: «про сих же слышаком яко многие страны попляниша»¹⁰⁰. Другие историки более конкретно указывают, что «перебили много лезгин»¹⁰¹.

К. Маркс называет господство татаро-монгольской знати над завоеванными странами кровавой грязью монгольского ига. Оно, подчеркивает он, «продолжалось от 1237 по 1462 г., т. е. более двух столетий; это иго не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»¹⁰². Само собой разумеется, что господство Золотой Орды крайне отрицательно сказывалось на русско-кавказских отношениях, возможно даже, что они на «некоторое время вообще оборвались»¹⁰³.

Правда, князья и духовные лица русской православной церкви во время обязательных поездок в резиденцию золотоордынских ханов, которая как известно в летнее время перекочевывала с места на место, и была то у Каспийского моря, то у Азовского, то у Черного или в Закавказье, могли иметь встречи с народами Кавказа, в том числе и Дагестана¹⁰⁴.

Русы и горцы Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, могли встречаться и в рядах татаро-монгольских войск. Имеются так же сведения о пребывании русских людей на Тереке в XIV в.¹⁰⁵ До нас так же дошли, хотя и отрывочные

⁹⁸ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 35.

⁹⁹ Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, М.—Л., 1947, стр. 119, 123, 175 и др.; Очерки истории СССР XIV—XV вв., стр. 412; А. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. Ученые записки ИИЯЛ, т. IV, стр. 5—11.

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. X, стр. 217; Очерки СССР, т. IX—XIII, вып. 6, стр. 743.

¹⁰¹ Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 3, 25, т. II, стр. 32; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 50.

¹⁰² К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в., цит. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 217.

¹⁰³ К. В. Базилевич. Внешняя политика русского централизованного государства, вторая половина XVI в. М., 1952, стр. 407.

¹⁰⁴ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом... М., 1889, стр. VI—VIII.

¹⁰⁵ И. Попко. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. СПб, 1880 г., стр. 11.

данные о торговых связях России с Дагестаном. В 1404 году, отмечено, например, пребывание русских купцов в Дербенте¹⁰⁶.

Таким образом, даже в период татаро-монгольского ига дагестанско-русские отношения, хотя и нарушались, но вовсе прерваны не были.

Подводя итоги сказанному, следует повторить, что установившиеся в VII вв. экономические, политические и культурные связи Дагестана с русами успешно развивались вплоть до нашествия татаро-монгольского ига. Особенно они укрепились в период, когда древнерусское государство стало одним из крупнейших государств Восточной Европы и в связи с этим стало играть ведущую роль в судьбах народов юго-восточной Европы и Кавказа. Установление и дальнейшее укрепление дагестано-русских связей имело огромное значение для развития экономики и культуры горцев. Установившиеся еще в период образования древнерусского государства дагестано-русские отношения развивались на протяжении веков. Но процессу сближения народов и укрепления дружбы между ними препятствовала разделяющая рука самодержавия и действия местных феодально-клерикальных верхов. Поэтому сближение, взаимоотношение, дружба и сотрудничество народов в условиях самодержавия происходили исподволь, вопреки желанию царизма и реакционных феодально-клерикальных верхов Дагестана.

¹⁰⁶ П. В. Сыган. Из истории московских улиц. М., 1948, стр. 5.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

Антропологическое изучение народов Дагестана насчитывает около ста лет. Оно началось вместе с усилением внимания к национальной культуре и истории народов России, характерным для русского общества 60-х годов. Наряду с этим оно тесно связано с развитием антропологических исследований народов Северного Кавказа и Закавказья. Антропологические материалы по народам Дагестана собирались как местными, так и столичными учеными и часто фигурировали в свободных трудах по антропологии Кавказа (Эркерт, Пантюхов). Вместе с тем в дореволюционной антропологической литературе можно назвать и крупные монографии, посвященные отдельным народам. В качестве примера может служить большая книга А. А. Арутинова об антропологическом типе удин¹. Казалось бы все эти обстоятельства должны были создать благоприятные возможности для выяснения антропологического состава народов Дагестана и использования антропологических данных с целью изучения генетических связей между ними и решения проблем их происхождения. Однако этого не произошло. Дореволюционные исследователи антропологии Кавказа и, в частности, Дагестана не пошли дальше фиксации различных вариантов отдельных признаков без попытки выявить связи между ними и использовать их для построения удовлетворительной расовой классификации. Единственным исключением явилась классификация А. А. Ивановского, но он при ее создании опирался только на статистические приемы и полностью пренебрег результатами морфологического анализа². Поэтому его классификационная схема не встретила поддержки даже со стороны его современников, не говоря уже о специалистах более позднего периода, неоднократно подвергавших ее резкой критике.

¹ А. А. Арутинов. Удины. (Материалы для антропологии Кавказа), Тр. антр. отдела, об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXIII, М., 1905.

² А. А. Ивановский. Об антропологическом составе населения России. Тр. антр. отдела об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXII, М., 1905.

В чем причина неутешительных итогов антропологии Кавказа за дореволюционные годы? Прежде всего в ее методической слабости. Действительно, за последние пятьдесят лет методика определения и описания различных особенностей человеческого тела шагнула далеко вперед. Были уточнены вариации отдельных признаков и выделены признаки, имеющие наибольшее значение для дифференциации антропологических типов. Но дело не только в этом. Даже при несовершенной методике работы можно было бы подметить существующую разницу в физическом типе отдельных народов, если бы было уделено достаточное внимание унификации методов и численности собираемых данных. Различные морфологические особенности определялись с помощью разных шкал и по-разному измерялись, что приводило к крайнему разнобою между исследователями и констатации различий там, где их не было в действительности. Небольшое число обследованных, при котором огромную роль приобретал случайный подбор индивидуумов, усугубляло малоценность полученной информации. Таким образом, все дореволюционные антропологические работы, посвященные народам Кавказа и, в частности, Дагестана, составляют определенный этап в истории изучения антропологии Кавказа, но возможность их практического использования в исследовательской работе в настоящее время равна нулю.

Методическое несовершенство этих работ сразу дало себя знать после революции, как только методологические и методические проблемы антропологии привлекли внимание советских антропологов и стали разрабатываться с той тщательностью, которую они заслуживали. Разработка методики расоведческих исследований сопровождалась широким развертыванием экспедиционных работ в разных районах Советского Союза. В 20—40-х годах антропологическому изучению подверглись народы, физический тип которых был ранее неизвестен, многие этнические группы были исследованы повторно с применением новых методических приемов, введенных в практику работы советских антропологов. Коснулось это и народов Кавказа. Антропологический состав адыгских народов Северного Кавказа и народов Закавказья был в общих чертах выяснен в процессе интенсивных полевых исследований В. И. Левина³ и В. В. Бунака⁴. К сожалению, собранные ими данные были опубликованы лишь частично и поэтому не сыграли той роли, какую могли бы сыграть, в выяснении этнической истории народов Кавказа. Та же судьба постигла

³ В. И. Левин. Этнографическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа. Антр. журнал, 1932, № 2.

⁴ В. В. Бунак. Антропологический состав населения Кавказа, Вестник Гос. музея Грузии, т. XIII—А, Тбилиси, 1947.

и материалы, собранные в 1933 году Г. Ф. Дебецом и Т. А. Трофимовой в равнинных и предгорных районах Дагестана⁵. Их исследованиями были охвачены ногайцы, кумыки и аварцы.

Некоторым итогом всех этих работ явилась уже упоминавшаяся обстоятельная статья В. В. Бунака, посвященная антропологическому составу народов Кавказа и опубликованная уже после Великой Отечественной войны. По народам Дагестана в ней были использованы данные Д. И. Арон, Г. Ф. Дебеца, М. Заглухтинской и Т. А. Трофимовой. На основании этих данных В. В. Бунак отметил своеобразие антропологического типа ногайцев, являющихся, как известно, представителями монголоидной расы. Среди лезгин был выделен самурский тип. Но различия между кумыками и аварцами, в частности, в ширине лица, как мы убедимся ниже, имеющие существенное значение, были оставлены В. В. Бунаком без внимания.

Интенсивное расширение антропологических работ на Кавказе падает на послевоенные годы. Можно без преувеличения утверждать, что за последние 15 лет в области изучения антропологии Кавказа было сделано больше, чем за все предшествующее время. Прежде всего это выразилось в количественном росте данных, с помощью которых теперь можно антропологически характеризовать не только народы, но и выделяющиеся в их составе территориальные и этнографические группы. Впервые оказалось возможным выделить в составе отдельных антропологических типов локальные варианты и составить представление о типах во всем многообразии их географической изменчивости. Качественный уровень собираемых данных также неизмеримо вырос, что нашло свое выражение в первую очередь в полноте программы исследований и затем в унификации методов измерения и описания признаков. Последнее было достигнуто еще и чрезвычайно широким территориальным охватом изученных групп каждым исследователем за один полевой сезон, что позволило сохранить единство масштаба при полевой работе и избавило от субъективизма, неизбежного при описании и измерении признаков разными работниками.

В изучении антропологии Северного Кавказа и Закавказья наибольшая заслуга принадлежит институту экспериментальной морфологии Академии наук Грузинской ССР, экспедиции которого охватили все народы Северного Кавказа и все

⁵ Там же.

этнографические группы грузинского и армянского народов⁶. Антропологический состав азербайджанского народа был исследован экспедициями института истории Академии наук Азербайджанской ССР. Антропологические работы в Дагестане связаны с именами М. С. Акимовой, М. А. Булатовой, Н. Н. Миклашевской, Г. Ф. Дебеца и А. Г. Гаджиева.

М. С. Акимова и М. А. Булатова исследовали аварцев и лезгин⁷, Н. Н. Миклашевская — кумыков, даргинцев и ногайцев⁸. Г. Ф. Дебец детально изучил антропологический состав андо-дидойских народов, охватив все без исключения этнические группы, говорящие на андо-цезских языках, и кроме того исследовал две группы аварцев и по одной группе лакцев, даргинцев, лезгин и кумыков⁹. Ему первому за один полевой сезон удалось собрать антропологический материал по всем народам Дагестана, но кроме андо-дидойских народов тип остальных был изучен суммарно. Этот пробел был восполнен А. Г. Гаджиевым, исследовавшим пять аварских, две лезгинских, две лакских, три даргинских и три кумыкских группы, а также по одной группе арчинцев, агулов, рутулов, цахуров и табасаранцев. Кроме того для коннекции с материалами Г. Ф. Дебеца им была исследована суммарная группа андо-дидойских народов.

Весь собранный А. Г. Гаджиевым материал лег в основу его кандидатской диссертации, но пока не опубликован. После этой работы сбор материалов по соматологии народов Дагестана или, иными словами, по антропологии современного населения Дагестана можно считать законченным. В дополнение к соматологическим данным А. Г. Гаджиев собрал первые материалы по дерматоглифике или по строению пальцевых и ладонных линий у дагестанских народностей, важный для контроля результатов соматологических исследований¹⁰.

⁶ А. Н. Натшвили, М. Г. Абдушелишвили. Предварительные данные об антропологических исследованиях грузинского народа, Кр. сообщ. ин-та этнографии, АН СССР, вып. XXII, 1955; М. Г. Абдушелишвили. Об антропологическом составе современного населения Грузии. Тр. ин-та эксперимент. морфологии АН Груз. ССР, т. VII, Тбилиси, 1958.

Материалы по армянам еще не опубликованы.

⁷ М. С. Акимова, М. А. Булатова. К антропологии аварцев, Кр. сообщение ин-та этнографии АН СССР, вып. XI, 1947; М. С. Акимова. Антропологический тип лезгин. Кр. сообщ. ин-та этнографии АН СССР, вып. XVI, 1952.

⁸ Н. Н. Миклашевская. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. Кр. сообщ. ин-та этнографии АН СССР, вып. XIX, 1953.

⁹ Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Дагестане. Тр. ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXIII, М., 1956.

¹⁰ А. Г. Гаджиев. Данные по дерматоглифике народов Дагестана. Вопросы антропологии, вып. 9, 1962.

Основным результатом антропологической работы на Северном Кавказе и в Закавказье следует считать выявление в зоне центральных районов Главного Кавказского хребта своеобразной комбинации антропологических признаков, которая получила в работах грузинских антропологов наименование кавкасионского типа и утвердилась под этим наименованием в антропологической литературе. Она представлена в восточных группах адыгейцев, у черкесов, балкарцев, карачаевцев и осетин, особенно, осетин-дигорцев и осетин-туальцев и в горных этнографических группах грузинского народа — у сванов, пшавов, рачинцев, хевсуров, мтиулов, гудамарцев и тушин, а также у ингушей и чеченцев.

Специфическими особенностями кавкасионского типа являются высокий рост, большие размеры головы и лица, особенно, ширины лица, высокий головной указатель и некоторое посветление цвета волос и глаз по сравнению с обычно наблюдаемым на Кавказе. По ширине лица некоторые представители кавкасионского типа не уступают монголоидным группам, но в то же время характеризуются резкой выраженностью признаков европеоидной расы, не отличаясь в этом отношении от других народов Кавказа. Поэтому объяснить большие размеры лица в кавкасионских группах предположением о наличии в их составе примеси монголоидных элементов не представляется возможным. Народы, принадлежащие к кавкасионскому типу — типичные европеоиды, и их с полным основанием можно отнести к южной средиземноморской ветви европеоидной расы.

Кавкасионский тип, занимая достаточно обширный сплошной ареал, обнаруживает некоторые локальные вариации на территории своего распространения. В частности, восточные представители этого типа темнее западных. Но эта закономерность не является обязательной для всех кавкасионских групп. Так, западные представители кавкасионского типа — сваны отличаются тем не менее темным цветом волос и глаз. Различия в остальных признаках невелики, не приурочены к определенным территориям и, повидимому, не имеют существенного значения.

Характерная для кавкасионского типа комбинация признаков находит себе аналогии в палеоантропологическом материале. При этом не следует, конечно, упускать из виду того обстоятельства, что многие особенности кавкасионского типа не будут выявлены в палеоантропологических данных. Само собой разумеется, что в первую очередь это относится к пигментации, которая не может быть фиксирована на палеоантропологическом материале в силу самой специфики последнего. Но некоторые особенности, определяемые на скелете, в частности, круглая форма черепной коробки у представителей кавкасионского типа, также могут не встретить

подтверждения по отношению к ранним эпохам, так как они подтвержены быстрым изменением во времени. Многочисленные данные по истории антропологических типов на территории СССР показывают, что во всяком случае в европеоидных группах (по монголоидным группам материалы пока слишком незначительны для определенного суждения) на протяжении трех тысячелетий происходил процесс перестройки формы черепной коробки — население с удлиненной формой черепной коробки постепенно сменялось более круглоголовым. Явление это осуществлялось под влиянием пока неизвестных факторов, но самый факт повышения черепного указателя в поздние эпохи по сравнению с ранними не вызывает ни малейших сомнений. Исходя из этого, можно предполагать, что древние предки современных кавкасионских групп имели удлиненную форму черепной коробки. Таким образом, черепной указатель следует исключить из дифференцирующих признаков кавкасионского типа на палеоантропологическом материале и принимать во внимание только ширину лица и общую массивность черепа. Все же и при всех этих оговорках аналогии кавкасионскому типу в палеоантропологических сериях из различных районов Северного Кавказа и Закавказья прослеживаются вплоть до эпохи ранней бронзы¹¹. Это обстоятельство само по себе свидетельствует о древности этого типа на той территории, которую он занимает в настоящее время.

Здесь мы непосредственно подходим к проблеме происхождения кавкасионского типа. Исходя из его древности на территории центрального Кавказа и компактного ареала его распространения, грузинские антропологи считают этот тип древнейшим из всех антропологических типов Северного Кавказа и Закавказья, имеющим местное происхождение и характерным для коренного автохтонного населения этой обширной области¹². Однако, палеоантропологический материал, известный с территории Грузии, не мог быть использован для подтверждения этой точки зрения. Он получен почти полностью при раскопках известного Самтаврского могильника и свидетельствует об узколицести населения центральных районов Грузии в эпоху бронзы и раннего железа¹³. Однако, в эпоху средневековья черепной указатель и ширина лица людей, захороненных в этом могильнике, увеличиваются. Средневековое население занимает по этим признакам промежуточное

¹¹ См. V. P. Alekseev. The study of palaeoanthropology of Caucasus. Доклады советской делегации на VI международном археологическом конгрессе в Риме, М., 1962.

¹² Помимо работ, указанных в примечании 1 на стр. 5, см. М. Г. Абдушелишвили. Осетины (антропологический очерк). Тр. ин-та эксперимент. морфологии АН Груз. ССР, т. VI, Тбилиси, 1957.

¹³ М. Г. Абдушелишвили. К палеоантропологии Самтаврского могильника, Тбилиси, 1957.

положение между населением эпохи бронзы и раннего железа, с одной стороны, и современным, с другой. Как только что указывалось, такое изменение черепного указателя естественно и закономерно. Что же касается эпохального изменения ширины лица, то обычно более поздние серии на территории распространения европеоидной расы оказываются более грацильными и узколицыми, чем более ранние. Процесс сужения лицевого скелета независим от процесса расширения черепной коробки, но темп изменения обеих этих особенностей обычно параллелен. На основании того обстоятельства, что поздние серии из Самтаврского могильника более широколицы, чем более ранние, М. Г. Абдушелишвили¹⁴ сделал предположение о своеобразном направлении изменения ширины лица у древнего населения Грузии, о расширении лица в более поздние эпохи. Такое предположение облегчало поиски аналогий кавказскому типу в палеоантропологическом материале. В качестве ближайшей аналогии ему был назван узколицый и длинноголовый европеоидный тип, характерный для погребенных в Самтаврском могильнике в эпоху бронзы и раннего железа. Но в то же время это предположение лишало все проводимые сравнения какой-либо морфологической основы и безгранично раздвигало представление о возможностях перестройки морфологического типа, для чего нет пока достаточных оснований.

Изложенная гипотеза сталкивается также с некоторыми трудностями чисто фактического порядка. Прежде всего следует учитывать социальный состав людей, захороненных в Самтаврском могильнике. Последний представлял собой могильник населения, группировавшегося вокруг Мцхеты и состоявшего, по видимому, из ремесленников, мелких торговцев, воинов. Не исключено даже, что это было кладбище княжеской дружины. Ясно, что в этих обстоятельствах малооправданным выглядит перенесение наблюдений, сделанных на палеоантропологических материалах этого могильника, даже на население Картли, не говоря уже о населении всей Грузии, включая и горные районы. Другое затруднение заключается в малочисленности данных, характеризующих каждую эпоху в отдельности. Практически антропологические особенности населения разных периодов эпохи бронзы и раннего железа в лучшем случае могут быть охарактеризованы не более, чем на десяти черепках. При сопоставлении серий, непосредственно следующих одна за другой во времени, разница между ними в скуловом диаметре не выдерживает статистических критериев достоверности, иными словами, всегда

¹⁴ М. Г. Абдушелишвили. Об эпохальной изменчивости антропологических признаков. Кр. сообщ. ин-та этнографии АН СССР, вып. XXXIII, 1960.

может быть объяснена как результат случайных колебаний. Исключение составляют различия между населением эпохи бронзы и современными грузинами, но при хронологическом разрыве между ними более, чем в 3000 лет, как раз в данном случае и трудно настаивать на непосредственной преемственности. Таким образом, несмотря на то, что разбираемая гипотеза представляет большой интерес, как попытка конкретного исследования динамики расообразования на определенной территории, ею трудно пользоваться в практической работе, в частности, и при рассмотрении происхождения кавкасионского типа, так как она нуждается в более солидном обосновании.

Иная точка зрения на происхождение кавкасионского типа принадлежит Г. Ф. Дебецу. Она была высказана им в уже упомянутой статье, посвященной антропологии Дагестана, и подтверждена в одной из его более поздних публикаций¹⁵. Позже его точка зрения была поддержана Н. Н. Миклашевской¹⁶. Не отрицая древности кавкасионского типа на Кавказе, Г. Ф. Дебец отметил аналогии ему в древнем населении Русской равнины и более северных районов вплоть до Скандинавии и высказал мысль о возможности проникновения предков представителей кавкасионского типа в области их современного расселения с севера. В качестве второго аргумента в пользу этой возможности рассматривался факт более светлой пигментации в кавкасионских группах по сравнению с другими кавказскими народами. Однако, и гипотеза Г. Ф. Дебеца не может быть оставлена без возражений. В качестве первого из них можно указать на неполное соответствие этой гипотезы географическому распределению цвета волос и глаз в кавкасионских группах. Если рассматривать посветление пигментации у них как следствие их северного происхождения, следовало бы ожидать, что цвет волос и глаз в зоне распространения кавкасионского типа будет темнеть по мере приближения к более южным районам — с северо-запада на юго-восток. Действительно, как мы помним, восточные кавкасионские группы имеют более темные глаза и волосы, чем западные. Но это, как было уже указано, не распространяется на сванов, отличающихся темной пигментацией. Территориальные вариации признака, на который в известной мере опирается гипотеза Г. Ф. Дебеца, не полностью укладывается, следовательно, в рамки этой гипотезы.

Что касается морфологического сходства кавкасионского типа с антропологическим типом населения Восточной Ев-

¹⁵ Г. Ф. Дебец, Антропологические типы, в кн.: Народы Кавказа, т. I, М., 1960.

¹⁶ Н. Н. Миклашевская. Антропологический состав населения Дагестана в алано-хазарское время, Вопросы антропологии, вып. 5, 1960.

ропы и Скандинавии, занимавшим эти области в эпохи каменного века и ранней бронзы, то оно несомненно. Но палеоантропологические данные дают основания предполагать, что древнейшее население Кавказа, костные остатки которого, правда, пока еще не обнаружены, принадлежало к тому же массивному и широколицему типу, что и население Русской равнины, севера европейской части СССР и Скандинавии¹⁷. Кстати, не кто иной, как Г. Ф. Дебеч наиболее полно и всесторонне аргументировал представление о повсеместном распространении этого типа в эпоху верхнего палеолита и постепенной перестройке его в более грацильные варианты под воздействием процессов грацилизации. Таким образом, нет никаких оснований полагать, исходя из общих представлений, развиваемых самим Г. Ф. Дебечом, что кавказсионский тип унаследовал свои характерные морфологические особенности непременно от древнего населения более северных районов, а не от древнейших этнических групп, заселивших высокие предгорья Главного Кавказского хребта, может быть, еще в эпоху позднего палеолита.

Известное значение для разбираемой нами темы имеют косвенные данные в виде этнографических и лингвистических материалов. Прежде всего можно с уверенностью утверждать, что они не свидетельствуют о каких-то специфических связях населения центрального Кавказа с северными районами. Наоборот, изолированное положение кавказских языков и крайнее своеобразие культуры в высокогорных районах говорят о местном автохтонном пути развития народов центральных предгорий Главного Кавказского хребта. Этому противоречит, казалось бы, тот факт, что среди народов, относящихся к кавказсионскому типу, есть три народа, представители которых говорят не на кавказских языках. Это осетины, балкарцы и карачаевцы. Но в их языке и, частично, культуре вполне отчетливо проявляется местный кавказский субстрат¹⁸. С другой стороны, представим себе, что жители северных равнинных районов переселились под влиянием какой-то исторической причины в высокие предгорья Кавказа в эпоху каменного века или бронзы. Есть ли какие-либо основания, что они должны были непременно занять наиболее труднодоступные и гористые районы, к освоению которых они абсолютно не были подготовлены своим предшествующим развитием? Мне представляется, что таких оснований нет. Все эти обстоятельства трудно объяснить с точки зрения гипотезы Г. Ф. Дебеча, и, таким образом, соображение о

17 Г. Ф. Дебеч. Палеоантропология СССР. Тр. ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. IV, М.—Л., 1948.

18 В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949.

происхождении кавкасионского типа в результате переселения с севера нельзя считать убедительным.

Предыдущее изложение уже очерчивает контуры тех рамок, внутри которых должно лежать решение сложной и трудной проблемы происхождения кавкасионского типа. Любая гипотеза его происхождения для того, чтобы быть приемлемой, должна удовлетворительно объяснить наличие у его представителей многих особенностей, сближающих их с древними группами европеоидной расы, посветление у них цвета волос и глаз и в то же время учитывать своеобразие культуры и языков народов центрального Кавказа. Такой гипотезой является гипотеза изоляции. Прежде всего эта гипотеза представляется весьма вероятной именно в данном случае, когда изоляции в высшей степени способствуют сами условия географической среды. Кроме того изоляция как раз и может привести к концентрации тех морфологических особенностей, комбинация которых отличает кавкасионский тип от других типов европеоидной расы. Исследования законов передачи по наследству цвета волос и глаз показали, что эти признаки характеризуются сравнительно простым типом наследования, определяемым лишь одним наследственным фактором. Иными словами, передача по наследству того или иного цвета глаз зависит от одного наследственного задатка. То же можно сказать и про наследование цвета волос. Этот простой случай передачи признаков по наследству имеет своим результатом возможность резкого изменения концентрации тех или иных оттенков волос и глаз в изолированных группах, когда вследствие родственных браков и возникновения все более и более тесного родства между отдельными индивидами, составляющими группу, изменяется концентрация в группе наследственных факторов цвета волос и глаз. В антропологии общеизвестны случаи заметного посветления или, наоборот, потемнения пигментации в изолированных группах. Весьма вероятно, что именно с этим явлением мы сталкиваемся в горных кавкасионских группах, изолированность которых друг от друга и от остального этнического мира Кавказа весьма велики.

Высокий рост, массивность черепа, большие размеры головы и лица, сближающие кавкасионские народы с древними представителями европеоидной расы, также находят себе удовлетворительное объяснение в рамках гипотезы изоляции. Совершенно естественно, что изоляция имела своим следствием сохранение морфологических особенностей древнейшего населения, впервые заселившего высокогорные массивы Кавказа. Тот факт, что это население также принадлежало к массивным широколицым вариантам европеоидной расы, доказывается всей совокупностью данных об изменчивости антропологических типов во времени и последовательностью этих изменений в разные эпохи истории человечества. Специ-

фические условия, в которых жили эти люди на протяжении тысячелетий, привели к тому, что черепной указатель у них увеличился, как это и бывает обычно, но ширина лица в тоже время не претерпела существенных изменений. Таким образом, изоляция, обусловленная крайне своеобразными географическими условиями, сохранила в лице народов, относящихся к кавкасионскому типу, потомков населения, которое первым освоило центральные предгорья Главного Кавказского хребта, повидимому, еще в эпоху верхнего палеолита. Действие изоляции на протяжении столь продолжительного отрезка времени хорошо объясняет своеобразие и архаизм их культуры, прекрасно приспособленной к тяжелым условиям высокогорья.

Пространное рассмотрение проблем, связанных с формированием отличительных особенностей кавкасионского типа, имеет непосредственное отношение ко многим вопросам происхождения антропологического состава народов Дагестана. Дело в том, что кавкасионский тип широко представлен в населении Дагестана и имеет здесь едва ли менее типичных представителей, чем в центральном Кавказе. Исследования Г. Ф. Дебеца показали, что характерными представителями этого типа являются аварцы и андо-цунтинские народы. Таким образом, можно было предполагать, что кавкасионские группы концентрируются в западных районах горного Дагестана, непосредственно примыкающих к горной Грузии. Однако, материалы, собранные А. Г. Гаджиевым, внесли в это предположение серьезные коррективы. Они неопровержимо доказали, что лакцы разных районов также относятся к кавкасионскому типу. Собственно говоря, это обстоятельство можно было предвидеть еще на основании рассмотрения материалов Г. Ф. Дебеца, но он исследовал только одну группу, что не давало возможности окончательного суждения. После того, как А. Г. Гаджиевым были изучены две лакские группы, принадлежность лакцев к кавкасионскому типу выявилась с полной определенностью и стала бесспорным фактом¹⁹. Это позволяет расширить границы кавкасионского типа в Дагестане и включить в них и центральные районы западного Дагестана. Следовательно, почти все труднодоступные и высокогорные области, составляющие внутренний Дагестан, заселены представителями этого типа.

Каково этногенетическое значение этого заключения? Прежде всего оно поднимает и положительно решает важный вопрос о древнейших насельниках Дагестана и автохтонности

¹⁹ А. Г. Гаджиев. К этнической антропологии Дагестана (в печати).

Приношу А. Г. Гаджиеву искреннюю признательность за любезное разрешение использовать еще неопубликованные данные.

современных народов на этой территории. Антропологические данные позволяют утверждать, что предки аварцев, андоцунтинских народов, лакцев и собственно даргинцев были древнейшим населением горного Дагестана и, повидимому, первыми освоили эту область. Принадлежность их к тому же типу, что и черкесы, балкарцы и карачаевцы, осетины, горные этнографические группы грузинского народа, ингуши и чеченцы, разумеется, не говорит о каких-то сравнительно поздних этногенетических связях этих народов, разных по языку, культуре и происхождению. Но она свидетельствует о какой-то очень древней общности их предков, восходящей, как я пытался показать, повидимому, еще к верхнепалеолитическому времени. Антропология в данном случае доносит до нас свидетельство такой древней эпохи, которая уже не отражается в фактах этнографии и языкознания. Кстати сказать, нельзя не отметить, что для территории горного Дагестана имеются непосредственные доказательства заселения их человеком в чрезвычайно раннее время, каковые отсутствуют, скажем для горной Грузии. Я имею в виду исследования В. Г. Котовича и, в частности, выявленную этими исследованиями стоянку Чох в Гунибском районе на высоте около 1800 м. над уровнем моря²⁰. Вполне возможно и даже вероятно, что будущие исследования и находки костных остатков людей ранних периодов дадут возможность перекинуть мост между верхнепалеолитическим и современным населением горных районов Дагестана. Это основной вывод, который может быть сделан в настоящее время из анализа антропологических данных.

Но основанием для этого вывода являются пока косвенные соображения. Прямых данных для его подтверждения в нашем распоряжении нет. Палеоантропологические материалы из могильников Гинчи²¹ и Гоно²², в сумме достаточно многочисленные и поэтому исключающие элемент случайности в вариациях отдельных признаков, свидетельствуют о том, что в эпоху бронзы население западных районов современной территории расселения аварцев относилось к сравнительно узколицему и длинноголовому типу европеоидной расы. Что касается удлиненной формы черепной коробки, мы уже убедились в том, что она принадлежит к числу характерных особенностей почти любого древнего населения и, следова-

²⁰ В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане (предварительное сообщение). Уч. зап. ин-та истории, языка и литературы Даг. фил. АН СССР, т. III, Махачкала, 1957; его же: Каменный век Дагестана (автореферат диссертации) Л., 1962.

²¹ А. Г. Гаджиев. Данные к палеоантропологии Дагестана.

²² Два черепа из этого могильника осмотрены мною в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

тельно, не может служить основанием для отрицания преемственности между населением эпохи бронзы и современным. Но таким основанием, о чем уже говорилось при рассмотрении связи населения, захороненного в Самтаврском могильнике, с современными грузинами, является малая ширина лица. Повидимому, ареал кавкасионского типа не оставался постоянным на протяжении тысячелетий и менялся в результате передвижений входящих в его состав этнических групп, расширения ареала народов, относящихся к другим антропологическим типам, и т. д. Это и понятно. С трудом можно представить себе постоянство этнической территории какого-либо народа, а тем более группы народов, начиная с эпохи бронзы, не говоря уже о более древних периодах.

Упомянутый палеоантропологический материал из могильников эпохи бронзы, раскопанных в аварских районах, связан с проблемой формирования других антропологических типов европеоидной расы, представленных в современном населении Дагестана. Практически можно даже говорить об одном типе, распадающемся на ряд вариантов. Наиболее характерные отличия этого типа от кавкасионского заключаются в заметно более узком лице и более темной пигментации. На первый взгляд кажется возможным предполагать, что узколицесть этого типа есть вторичное явление, обязанное своим возникновением позднему влиянию процесса грацилизации, и что его истоки могут быть возведены к кавкасионскому типу. Но, во-первых, различия в цвете волос и глаз между представителями кавкасионского и узколицевого типа довольно значительны, во-вторых, как мы видим, палеоантропологические данные показывают, что комбинация признаков, характеризующая относительной узколицестью, существовала уже в эпоху бронзы и, следовательно, может считаться достаточно древней. Все это приводит к необходимости рассматривать ее в качестве самостоятельного типа европеоидной расы. В антропологической литературе он получил наименование каспийского²³.

Распространение этого типа в Дагестане падает на центральные, восточные и южные районы. Иными словами он представлен в лезгиноязычных группах, у даргинцев-кайтагов и кумыков.

Однако, сложность вопроса заключается в том, что в наиболее типичной форме этот тип представлен не в населении Дагестана, а в различных группах азербайджанского народа. Ни по цвету волос и глаз, более светлому, чем в азербайджанских группах, ни по величине скулового диаметра, заметно большего чем в Азербайджане, где она в большинстве

²³ В. В. Бунак. Антропологический состав населения Кавказа.

случаев отличается крайне малой величиной, народы центрального Дагестана не могут быть включены в число типичных представителей каспийского типа. В Дагестане этот тип почти всегда проявляется в смешанном виде, обнаруживая либо по пигментации, либо по ширине лица, либо по обоим этим признакам, вместе взятым, известное приближение к кавкасионскому типу. Таким образом, территория Дагестана представляет собою периферию ареала каспийского типа, и, следовательно, формирование антропологического состава центральных и восточных народов является результатом смешения разной степени интенсивности между представителями каспийского и кавкасионского типов. Этим, повидимому, объясняются и локальные различия в антропологическом типе кумыков, даргинцев и лезгиноязычных народов. Кумыки имеют наиболее темную пигментацию, что по всей вероятности свидетельствует об интенсивном участии каспийского типа в образовании их антропологических особенностей, некоторые лезгиноязычные группы сближаются с кавкасионскими народами.

Вне зависимости от того, представлен ли каспийский тип у народов центрального и восточного Дагестана в чистом виде или в виде примеси, вопрос о его происхождении представляет чрезвычайный интерес для антропологии Дагестана. Из всех типов южной средиземноморской ветви европеоидной расы, представленных на Кавказе, этот тип характеризуется наиболее узким лицом и наиболее интенсивной пигментацией. Размеры головы у представителей этого типа большей частью средние, форма головы в тех случаях, когда она не изменена под влиянием лежания в бешике в детском возрасте — мезокефальная. Сходная с этой комбинация признаков обнаруживается в палеоантропологических материалах с территории Азербайджана, начиная с наиболее древних могильников, давших эти материалы, то-есть, приблизительно, с рубежа II и I тысячелетий до н. э.²⁴ Более ранние материалы с территории Азербайджана отсутствуют. Но несомненно, что каспийский тип формировался значительно раньше, чем эта дата. Сходные с ним краниологические варианты прослеживаются в Передней Азии, начиная с эпохи неолита. Вполне вероятно, что Передняя Азия и являлась основной зоной сложения этого типа. Помимо сходства современных азербайджанцев с древнейшим населением Передней Азии по размерам головы и лица, об этом свидетельствует и характерная для них интенсивность пигментации. Входил ли сам Кавказ и, в частности, территория Азербайджана, а также централь-

²⁴ Р. М. Касимова. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа), Баку, 1960.

ного и восточного Дагестана в зону формирования каспийского типа? Сейчас на этот вопрос нельзя дать определенно-го ответа. Во всяком случае предположение о том, что какие-то, повидимому, более светлопигментированные варианты этого типа сформировались в только что упомянутых областях, не может быть исключено полностью.

Из всего сказанного вытекает, что принадлежность к каспийскому типу или наличие значительной примеси этого типа сами по себе не решают альтернативно проблемы происхождения народов центрального и восточного Дагестана и не говорят непременно только об их южных связях. Если область формирования более светлопигментированных вариантов каспийского типа действительно охватывала равнинные и предгорные районы Дагестана, можно думать, что истоки этногенеза народов, входящих в ареал распространения каспийского типа, восходят как к местному автохтонному населению этих районов, так и переселенцам из более южной зоны. Антропологические данные, следовательно, не свидетельствуют против автохтонной гипотезы происхождения народов центрального и восточного Дагестана. Но они настоятельно требуют учета южных связей при рассмотрении их этнической истории и содержат веские доказательства того, что эти связи играли большую роль в этногенезе кумыков, лезгин, табасаранцев и даргинцев-кайтагов, чем представителей кавкасионского типа.

Нетрудно заметить, что в том понимании морфологической специфики и генезиса каспийского типа, которое защищается здесь, он полностью совпадает с ориентальным или восточно-средиземноморским типом южной средиземноморской ветви европеоидной расы, выделенным Г. Ф. Дебецом при исследовании палеоантропологического материала с территории восточного Закавказья²⁵. Может быть целесообразно было бы употреблять это название и в предшествующем изложении. Но в общем это уже вопросы терминологии, не имеющие принципиального значения.

Итак, антропологические данные позволяют выделить в населении Дагестана две зоны, каждая из которых отличается специфическими морфологическими особенностями и особыми путями формирования. На первый взгляд этот факт вступает в известное противоречие с характерной для территории Дагестана языковой дробностью, свидетельствующей о гораздо большем историко-культурном и этническом многообразии, чем это выявляется антропологическими материалами. В чем бы ни видеть причину этой языковой дробности — в горном рельефе, способствующем изоляции отдельных общин, или в исторических условиях, одним из которых

²⁵ Г. Ф. Дебеч. Палеоантропология СССР, стр. 315.

является типичная для них эндогамия²⁶, есть как будто бы основание распространять действие этой причины и на формирование антропологического состава населения. Однако, в действительности изменение последнего подчиняется иным закономерностям.

Почти все признаки, на которые опирается характеристика группы, относятся к признакам со сложной наследственной структурой, то есть передача их по наследству управляется многими наследственными факторами. Для того, чтобы значительно изменился такой признак, требуется изменение всех определяющих его наследственных факторов, что практически осуществляется крайне редко. В этом причина стойкости антропологического типа часто на протяжении многих тысячелетий, в этом же и причина того обстоятельства, что антропологические данные выявляют очень древние общности, свидетельства о которых не доносят до современности язык и культура народа. Таким образом, антропологические материалы отражают в применении к территории Дагестана, как и во многих других случаях, более древние этапы этнической истории народов, чем факты этнографии и языкознания, фиксируют самые истоки этногенетического процесса. В этом следует видеть их основное значение.

Исключением из комплекса признаков со сложной наследственной структурой является цвет волос и цвет глаз, которые, как уже было отмечено, управляются в своей наследственной передаче одним наследственным фактором и подвержены быстрому изменению в условиях изоляции. Эти два признака могут отразить более дробную антропологическую дифференциацию между народами, процесс расхождения между ними в более близкую к современности эпоху. В частности, если и проявляются какие-нибудь существенные различия между отдельными группами кавкасионского и каспийского типов, то эти различия, как показывают исследования А. Г. Гаджиева, в первую очередь касаются пигментации. Таким образом, после того, как были установлены основные контуры расовой классификации народов Дагестана, этот признак дает возможность подойти к вскрытию более интимных генетических взаимоотношений между отдельными народами и увязать антропологические материалы с результатами этнографического и лингвистического изучения этих народов.

Однако, для того, чтобы использование антропологических данных для выяснения картины формирования отдельных народов, определения времени их отхождения от группы родственных народов и т. д., было достаточно плодотворным, необходимо значительно расширить изучение таких признаков,

²⁶ Л. И. Лавров. О причинах многоязычия в Дагестане. Сов. этнография, 1951, № 2.

как пигментация, то есть признаков с простой наследственной структурой. В первую очередь в этой связи должно быть уделено особое внимание изучению групп крови у разных народов Дагестана. В настоящее время изучение распределения групп крови у разных народов заняло огромное место в антропологических исследованиях. Помимо общеизвестных серологических факторов системы АВО открыто около тридцати серологических систем, в совокупности дающих полную биохимическую характеристику любой этнической группы и составляющих ее индивидуумов. Различие в процентной концентрации индивидуумов с разными кровяными группами отражают дифференциацию родственных народов между собой, а масштаб различий помогает определить приблизительную дату начала этой дифференциации.

Дагестан с его резкими контрастами в природной обстановке, способствующими изоляции, и многоязычием его народов, каждый из которых имеет определенное этническое лицо, представляет выдающийся интерес для постановки исследования по группам крови, а такое исследование обещает дать уникальный материал для суждения о степени генетической близости народов Дагестана между собой. Между тем, до сих пор все сведения о вариациях групп крови у народов Дагестана исчерпываются фрагментарными данными Е. М. Семенской о лезгинах²⁷ и неопубликованными данными А. Г. Гаджиева об аварцах, даргинцах, лакцах, лезгинах и кумыках, каждый из которых были изучены суммарно.

Заполнение этого большого пробела потребует многолетней работы и серьезных организационных усилий. В частности, следует учитывать, что при резкой обособленности отдельных селений в высокогорных районах структура групп крови может различаться даже в селениях с этнически однородным населением. В этом случае придется проводить исследование не только по территориальным и этнографическим группам отдельного народа, но и даже по отдельным селениям. Другими словами, в высокогорных районах низшей территориальной единицей исследования будут не представители диалекта и даже говора, а представители отдельного крупного селения, что, разумеется, очень расширяет и усложняет задачу изучения групп крови у народов Дагестана, но только при такой организации полевой работы и обещает дать полноценные результаты. Однако, уже сейчас можно назвать область Дагестана, с которой следует начать постановку этих исследований и где можно сразу же рассчитывать на получение интересных и важных данных. Этой областью

²⁷ Е. М. Семенская. Изучение групп крови народов Кавказа, Сов. этнография, 1936, № 4—5.

является область расселения аварцев и андо-дидойских народов. Во-первых, она характеризуется большой языковой пестротой, что само по себе свидетельствует об интенсивности процессов обособления на этой территории. Во-вторых, она хорошо изучена в языковом отношении²⁸, что позволит надежно сопоставлять результаты изучения групп крови с лингвистическими данными. Наконец, в-третьих, некоторые представленные в этой области языки андо-дидойской группы являются одноаульными, что суживает границы исследования групп крови и уменьшает его трудоемкость. Таким образом, первоочередное обследование аварских и андо-дидойских районов наиболее целесообразно с точки зрения максимально-эффективного использования материалов по группам крови в целях исторического исследования.

Само собой разумеется, что изучение распределения признаков с простой наследственной структурой, которое как мы пытались показать, представляется в настоящее время насущной задачей антропологии Дагестана, не может ограничиться группами крови. В антропологии известно много таких признаков. К их числу относятся некоторые физиологические реакции, типы роста волос на голове, некоторые зубные аномалии и т. д. К счастью, методика определения таких признаков в полевых условиях несложна, и она может проводиться параллельно с определением кровяных реакций. В то же время разработка этих данных так же, как и данных по группам крови, поднимет антропологию Дагестана на новую ступень и в несколько раз увеличит значение антропологических материалов как исторического источника.

ВЫВОДЫ

а) Антропологические работы на Кавказе, проведенные за годы советской власти, имели своим итогом накопление соматологических материалов почти по всем народам Северного Кавказа и Закавказья, после сбора которых изучение этнической антропологии Кавказа можно считать в общих чертах законченным.

б) Основным результатом этих работ заключается в выявлении в центральных предгорьях Главного Кавказского хребта, а также в западном и центральном Дагестане своеобразного антропологического типа, получившего наименование кавкасионского и восходящего в своем генезисе к древнейшему, по видимому, еще верхнепалеолитическому населению. В Даге-

²⁸ См., например, обстоятельный труд об аварских диалектах: Ш. И. Микаилов. Очерки аварской диалектологии, М.—Л., 1959.

стане представителями этого типа являются аварцы, андо-дидойские народы, лакцы и собственно даргинцы.

в) Антропологический состав народов южного и восточного Дагестана представляет собою результат разных степеней смешения кавказионского и каспийского типов и свидетельствует о необходимости учитывать наличие южных связей при решении вопросов происхождения кумыков, даргинцев-кайтагов и лезгиноязычных групп.

г) Полноценное и эффективное использование антропологических материалов в качестве исторического источника требует организации исследований по распределению групп крови и других признаков с простой наследственной структурой у разных дагестанских народов. Начало этих работ обещает дать наиболее перспективные результаты в аварских и андо-дидойских районах.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЭТНОГРАФИЯ

ТЕХНИКА СООРУЖЕНИЯ ТЕРРАСНЫХ ПОЛЕЙ И ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ У АВАРЦЕВ (до XX века)

Дагестан до праву называют классической страной террасного земледелия. Академик Н. И. Вавилов писал, что «у нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли»¹. Террасное земледелие интересно не только с точки зрения агротехнических навыков населения, о чем хорошо говорит Н. И. Вавилов, или самой истории земледелия, но и открывает довольно обширные возможности для изучения структуры производственных отношений, сложившихся, в частности, на территории Аварии. Террасное земледелие оказало огромное влияние на историю аграрных отношений, историю семьи, отсюда, на ход развития общественных отношений. Данная статья является первой предварительной попыткой, ставящей себе целью разработку отдельных вопросов эволюции форм собственности на землю в Аварии. И поскольку террасное земледелие для разработки этих вопросов обретает значимость своеобразного источника, то в первую очередь надобно остановиться на вопросах становления всей системы террасного земледелия², на вопросах типологии террасных полей, техники сооружения пахотных площадок.

В историко-этнографической литературе, к сожалению, вопросы истории становления террасного земледелия обойдены вообще, а о технике сооружения и типических различиях сказано очень мало, не все, на наш взгляд, соответствует действительности.

Террасные сооружения очень часто привлекали внимание многих путешественников и обозревателей, но большинство

¹ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. «Природа», № 2, 1936, стр. 80.

² Основным материалом для статьи послужили террасы, представленные в ботлихской и ахвахской долинах, имеющие себе аналогии по всей нагорной Аварии.

из них ограничивалось лишь восторженными замечаниями³. В литературе устойчивое распространение получило мнение, высказанное Н. Данилевским о том, что жители очень часто строили свои поля «путем возведения стены на скале и заполняя ее землей, добытой в стороне»⁴, а отдельные обозреватели отмечали лишь, что «земля перенесена из долин чуть ли не горстями»⁵.

Первое и ценное описание техники строительства террас, сколько нам известно, было сделано З. А. Никольской и Е. М. Шиллинг, где предложена типология:

«1) террасы, на которые дополнительно нанесена почва, удобренная навозом и золой;

2) террасы без наносной почвы, но также окультуренные золой и навозом и

3) естественные речные террасы, которые так же в той или иной степени удобряются»⁶.

Этой типологии придерживается М. М. Ихилев⁷. Данная классификация не отражает действительные типические различия в самой конструкции террас, а лишь констатирует меры окультуривания почвы, которые применялись в горах в зависимости от состояния культурного слоя террасного поля. Эти приемы окультуривания, впрочем, не всегда стабильные по отношению к какой-либо группе полей, вряд ли могут быть использованы в качестве признаков типического различия полей, хотя сами по себе наблюдения весьма ценны. Поэтому нам представляется более целесообразным классификация террас по типам, отражающим их историю становления, конструктивные особенности и технику обработки.

³ Для обозревателей XIX века характерны замечания Ф. Боденштата: «...но как вечно не дремлющий человеческий дух стремится к тому, что для него более всего труднодостижимо, так и лезгины своим искусством, терпением и упорством сумели добиться богатств у своей неплодородной земли, богатств, которые она прячет под кажущейся непроницаемой каррой, скал и камнями... эти террасы обрабатываются как нельзя более заботливо и прилежно; их края обнесены фруктовыми деревьями и виноградом. Действительно, можно лишь удивляться искусству, с которым народ сумел превратить неприветливые скалы своей страны в цветущие сады». См. Bodenst. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Bd., I, Berlin, 1855, S. 303.

⁴ Н. Данилевский. Кавказ и его жители в нынешнем их положении. М., 1864, стр. 67.

⁵ М. Плисецкий. Горцы Дагестана. Махачкала, 1929, стр. 12.

⁶ З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. «Советская этнография», № 4, 1952, стр. 93.

⁷ М. М. Ихилев. Хозяйство аварцев в XIX веке. Рукоп. фонд Института ИЯЛ, д. 2873, стр. 29.

Древние речные террасы

Сюда входят, главным образом, террасные поля естественного происхождения, находящиеся на склонах гор и ущелий. В большинстве случаев эти древние речные террасы образовались в результате разливов рек, но ко времени их земледельческого освоения приняли свою окончательную форму и уже не подвергались воздействию разливов.

Эти древние речные террасы представляют из себя беспорядочно разбросанные по склону ровные полянки. Они были первыми возделанными террасами и, возможно, на заре земледельческой культуры единственными. К этому же типу, условно назовем его **первым типом**, нужно отнести всякого рода другие террасы естественного происхождения.

Близко к этому типу стоят также террасы, которые можно назвать пойменными или приречными. Они расположены в поймах больших и малых рек, ограждены от рек высокими стенами или естественными обрывами. Эти поля, связанные между собой небольшими межевыми стенами, в целом не образуют характерную ступенчатость. Генезис пойменных террас своеобразен. Каждая река после очередного разлива на затопляемых местах оставляла ровные илистые участки. Чем глубже уходила речка в русло, тем меньше становилась опасность смыва этих плодородных участков новым разливом. Постепенно (если эти участки оказывались не смытыми очередными разливами) их укрепляли стеной, которая сперва выполняла функцию ограждения, а позднее становилась подпорной, т. к. интенсивно-заливной характер самих участков неизбежно приводил к заполнению новыми почвами огороженных стеной участков. Со временем эти площадки земли становились уже недоступными для обычных разливов и подвергались вспашке. Орошались эти поля водой реки, поднимаемой на необходимую высоту специально вращающимся колесом, или, где это возможно, — отводными каналами, что так же одновременно служило целям заполнения плодородным илом огороженных участков⁸. Представлены пойменные террасы в Энхело, Кванхидатль, Ачабалда и небольшими островками вверх по течению Андийского Койсу, а также вдоль его правых и левых притоков.

⁸ В Пяндширской долине (Афганистан) устраивали искусственные каменные дамбы, которые огораживали небольшие участки. Сюда направлялся небольшой приток от реки. «С течением времени поток, вследствие перемены скоростей, заносит бассейн наносными, и площадка уже используется для посева» (Н. И. Вавилов, Избр. Труды, т. I, М.-Л., 1959, стр. 166).

Развитие земледелия, в связи с растущей аграрной перенаселенностью, простекало по пути освоения склонов гор, сколько-нибудь пригодных для возделывания. Приемы разработки этих склонов под пашни, в соответствии со степенью крутизны и характером склонов, предопределяли еще два типа так называемых «искусственных террас». Террасы с межевыми откосами (второй тип террас) характерны для более высоких и менее пересеченных зон (господствуют у андийцев, каратин, ахваццев, тиндин, багвалал и чамалал). Этот тип характеризуется относительной обширностью самой возделываемой площадки и отсутствием подпорных стен, которых заменяют круто наклонные откосы — покосная полоса («шоннор» — анд.). Оформление данного типа террас, на наш взгляд, достигается веками: путем постоянной и специальной обработки и эксплуатации площадей, с применением специальной вспашки. Известны несколько видов вспашек, способствующих выработке ровного пахотного поля. Из них вспашка «гъикью ч!аболду» (буквально «вниз переворачивать») способствует постепенному выравниванию площади. Ее начинают вдоль нижнего края, а не по кривой окружности участка, как, скажем, пашут чеченцы плоскостных районов, постепенно добиваясь исключительно прямолинейной борозды. Такой метод вспашки нерентабелен в смысле производительности, ибо на каждом конце борозды пахарю надо вытаскивать орудие из земли и поворачивать быков в противоположном направлении. Но традиции такого метода пахоты, вызванные наклоном вспахиваемых площадей, настолько сильны, что даже идеально ровные участки пашут только этим методом.

Вспашка «гъекьор бухир» предполагает наиболее глубокое вспахивание самого конца поля. Для этого пахарь обязательно проведет «пуруц» по одной и той же борозде, углубляя ее, и одновременно захватывая притык откоса верхней террасы, оформляя поле в ширину. Там, где этот метод вспашки применяют особенно интенсивно, откосы разрушаются и принимают вертикальные формы. В этом случае разрушенный откос укрепляют стеной.

Вспашка «анга бухир» (букв. «снятие ветви») оформляет террасы в длину. Ни один пахарь не оставляет поле прежде чем не вспашет целину, прилегающую к одному из концов террасы, из года в год (если только это позволяет местность) удлиняя его. С каждой новой вспашкой удлиняемая часть соответственно и расширялась. Оросительный каналчик каждой террасы проходил вдоль верхнего конца поля, откуда вода направлялась по наклонной плоскости к краю. Там она, сильно насыщенная почвами, застаивалась на ровных участ-

ках нижнего края, увеличивая саму эту площадку. На нижние края террасы почвы намывались так же дождевыми водами. Намывание почв на террасы дождевыми водами было одновременно их обновлением, что в свою очередь улучшало физические свойства почв и предохраняло их от истощения. А то, что пахотные поля были подвержены с самого начала обновлению их культурного строя, имело большое значение для возникновения и становления этого типа террас. Ибо благодаря этому была возможна постоянная обработка и эксплуатация одного и того же участка из года в год, не опасаясь истощения почв на полях⁹. Следовательно, разработка больших наклонных посевных площадей в горизонтальные террасные поля не есть результат особых усилий коллективов за сравнительно короткий промежуток времени, а является следствием постоянной, многовековой и целенаправленной эксплуатации пахотных площадок.

Искусственные террасы с подпорными стенами.

Третий тип представлен террасами, выведенными путем сооружения подпорных стен на относительно крутых склонах гор. Он характерен для районов, где микрорельеф сильно пересечен¹⁰. З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг описывают технику строительства этих полей следующим образом: «Покатая поверхность склона горы разрабатывается в виде горизонтальных площадок, придающих склону ступенчатую форму. Стенки выводятся чаще на сухой кладке, иногда в качестве скрепляющего вещества применяется раствор местной почвы. Размеры террас составляют в среднем от 0,05 до 0,2 га. Реже площадь террасированных участков достигает до 1,5—2 га»¹¹.

⁹ Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия в его первоначальных формах. «Советская этнография», № 4, 1959, стр. 40. Весьма любопытно существующее в этом отношении предположение, что земледелие вообще появилось впервые на Иранском плато. М. М. Дьяконов. Очерки истории древнего Ирана, ИВЛ, 1961, стр. 32.

¹⁰ В этой связи трудно согласиться с утверждением, что «террасирование склонов получило наибольшее развитие там, где возможно трех-ярусное использование участков, и, наоборот, там где произрастание кукурузы и фруктов не возможно, террасирование не получило значительно-го развития. (З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Указ. соч., стр. 94). Здесь достаточно сказать, что «террасирование получило значительное развитие» только там, где микрорельеф круто пересечен (долинные зоны), «менее» террасированы более пологие склоны и не террасированы окрестности сел, где пашни расположены на естественных ровных участках. Следовательно, данным наблюдениям авторов констатированы лишь совпадения зонального распределения культур и зонального распределения типов террас: первое обусловлено почвенно-климатическими условиями, 2-е — физико-географическими особенностями.

¹¹ Там же, стр. 93.

Наши наблюдения по поводу создания террас данного типа несколько отличны от только что приведенного описания З. А. Никольской и Е. М. Шиллинг.

Если склон не особенно крут, его обносили невысокой, но сложенной из массивных камней оградой, которую тщательно укладывали у нижнего основания предполагаемой террасы. Огороженный участок освобождали от дерна мотыгами («гбул игьир» — анд.). Для этой цели дерн переворачивали и участок оставляли на первый год под паром. За это время корни растений перегнивали, что приводило к улучшению полезных качеств почвы.

Во время весенних и летних дождей насыщенные почвами ручейки заливали этот участок, и смытая с верхней части участка земля задерживалась у ограды, образуя маленькие озера топкой жижи — «бугья». Из года в год стенку укрепляли и делали выше и террасная площадка тем самым постоянно выравнивалась и увеличивалась. Более сильные дождевые ручьи иногда разрушали отдельные участки подпорных стен. Поэтому большое значение придавалось прочности сооружений¹². У бровок подобных террас сажали фруктовые деревья, которые помимо своей самостоятельной ценности служили для укрепления конца поля. На особенно обрывистых местах и местах с большой крутизной склонов создание террасы требовало единовременного и довольно значительного труда. В этом случае террасу «врезывали» в гору путем рытья склона и расчистки земли от больших камней, которые сразу же шли на строительство подпорной стены. В том и в другом случае строитель стены поднимал бровки террас выше плоскости пахотной площадки. Это делалось в целях предотвращения смывов земли с террасы и задержки новых наносов. Периодически повторяющиеся работы над укреплением бровок террас из года в год способствовали оформлению выработанной пахотной площадки. Таким образом, в выработке III-го типа пахотных террас основную роль играли защитные меры, направленные на предотвращение смывов наличных почв, вследствие чего достигалась и другая цель — задерживались новые, занесенные дождевыми и оросительными водами наносы. Понятно, при систематической работе земледельца из года в год, террасы не только росли «вертикально», но увеличивались сами полезные площади, в целом, обретая облик ступенек гигантской лестницы. Отсюда вполне естественно неравномерное распределение почв на террасах.

¹² Известно, в высокогорном Кафиристане подпорные стены террас так же сооружались из «циклопической кладки». См. Н. И. Вавилов. Избр. труды, т. I, М.—Л., 1959, стр. 83. Кладка из крупных каменных блоков подпорных стен обнаружена в окрестностях раннесредневекового города Урдеки. Сообщение В. Г. Котовича.

Так в результате осмотра обнажений и шурфов удалось установить, что толщина отложений почв у бровки террасного поля достигает иногда двух метров, и во всех случаях приближается к высоте подпорной стены, тогда как на противоположном конце террасы слой почвы чрезвычайно тонок. Последнее красноречиво свидетельствует о том, что создание террас путем наноса земли, добытой в стороне, было ошибочным представлением впечатлительных путешественников, которые наблюдали вовсе не картины создания террас, а способы окультуривания почв, где важное место занимал нанос специально удобренной земли. А террасы создавались путем тщательного и целенаправленного использования природных явлений и являются плодом многолетней борьбы горца за землю.

Таким образом, террасное земледелие, наиболее рациональное в условиях пересеченного рельефа, имеет свою большую историю. К сожалению, у нас нет документальных данных, отражающих отдельные этапы становления и оформления террасового земледелия в горах. Есть утверждение (что очень вероятно), по которому рубежи первого и второго тысячелетий нашей эры могут считаться временем развитого и оформившегося террасового земледелия¹³. К этому мы можем добавить лишь некоторые данные по террасам второго типа. Они встречаются, как отмечалось, в высокогорных, менее пересеченных зонах, местами классически выработанные, в результате длительной и интенсивной эксплуатации (например, террасовые поля в окрестностях с. Карата, Гогатль, Анди и др.), а также в недостаточной степени оформившиеся (у богвалал, тиндин, дидойцев), что явно указывает, если не на их недавнее функционирование, то по крайней мере на меньшую степень интенсивности их эксплуатации. Этот факт, видимо, стоит в прямой связи или со скотоводческой направленностью хозяйственного профиля в этих обществах, имевшей место в XVIII—XIX вв., или с обилием здесь плодородных почв (урожайность в Дидо всегда была высокой). Впрочем, падение земледелия и специализация обществ по скотоводству привели к постепенному забрасыванию террасных полей и в других районах. При этом характерно то, что забрасывание террас происходило по вертикали горного склона. Сначала забрасывались террасы, расположенные наверху, затем границы «мертвых» участков продвигались все ниже и ниже¹⁴.

¹³ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Дагестане. Ученые записки Института ИЯЛ, т. 9, 1961, стр. 296.

¹⁴ Это и понятно. Ведь поля, расположенные высоко, были труднодоступными для удобрений, и, помимо того, они сами по себе первыми истощились благодаря тому, что они в меньшей степени, чем террасы у подножья гор, подвергались лиманному обновлению почв.

Особо важно выяснить так же хронологию начального периода террасного земледелия. Без прямых документальных данных сделать это весьма трудно, но возможно, если прибегнуть ко всевозможным косвенным данным. Нужно по всей вероятности исходить из того, что эпоха бронзы с развитой земледельческой направленностью экономики может считаться временем начала становления террасного земледелия. На самом деле, как мы имели случай убедиться, террасное поле в общем-то есть продукт постоянной обработки земледельцем одного и того же участка в течение длительного времени. С необходимостью обработки одного и того же участка на ранних этапах земледелия племени сталкиваются при отсутствии возможности для занятия экстенсивным земледелием. Как полагают археологи с «земельным голодом» в условиях исключительно пересеченного рельефа Дагестана племена столкнулись еще в эпоху бронзы¹⁵. К мнению о том, что начальная стадия террасного земледелия связана с эпохой бронзы, а не железа, нас склоняет еще другое обстоятельство. Известное положение Ф. Энгельса о том, что «в крупном размере (подчеркнуто мною. — М. А.) земледелие», корчевка леса, расчистка его под пашню, «стало возможным благодаря освоению железной руды, плугу с железным лемехом»¹⁶, можно отнести и к горному террасовому земледелию, лишь в плане увеличения возможностей развития земледелия вширь (корчовка лесов и т. п.). Но особой роли железа в возникновении террасового земледелия мы не видим. Ведь как мы уже убедились, факторами первостепенной важности в разработке террасных полей являлись защитные меры и многовековая обработка одного и того же поля на склоне горы хотя бы деревянной мотыгой или плугом с деревянным лемехом.

В подтверждение положения о том, что освоение железа не играло решающей роли в создании террасного земледелия, можно указать на террасные сооружения Перу и Боливии, где доинкское население, не будучи знакомым с железом и тягловой силой, создало прекрасную культуру террасного земледелия. Конструктивные особенности этих полей находят себе превосходные аналогии в нагорном Дагестане.

* *
*

¹⁵ В. Г. Котович. О причинах распада дагестанского этнокультурного единства. (Доклад, прочитанный на заседании сектора археологии и этнографии Института ИЯЛ 17 октября 1962 года).

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. М., 1949, т. 2, стр. 178.

Теперь уместно указать на одно очень важное последствие оформления террасового земледелия, а именно: на сравнительно раннее становление частной собственности и на террасные поля, вследствие чего было подорвано хозяйственное единство родовых коллективов, что должно было привести к окончательному крушению первобытно-общинных отношений.

Попытаемся сперва проследить пути перехода пахотных полей в частную собственность. Естественно, развитие земледелия в условиях нагорного Дагестана могло протекать по пути оформления террасных полей, особенности которых, прежде всего, заключаются в несравненно больших затратах труда на создание единицы пахотной площади, т. е. террасное поле в известной степени являлось продуктом труда. Однако сам факт затраты труда на создание террас необходимое, но недостаточное условие для становления последних объектом частного присвоения. Необходимо еще выяснить, каков был круг создателей каждого отдельно взятого поля (крупный ли коллектив, большая или малая семья). И на самом деле, если вернемся к методам обработки террас и особенностям их становления, мы увидим, что в качестве постоянно действующей рабочей силы для каждого объекта выступает не крупный коллектив (будь это род или племя), а более узкие круги вплоть до парной семьи. И вот почему.

Ближайшее знакомство с техникой разработки террас убеждает в том, что террасовые поля оформились в результате постоянной и целенаправленной обработки их земледельцем в течение десятка веков. Другими словами, ни один из типов террас в большом масштабе не являлся продуктом кратковременного творения. Это обстоятельство нужно учесть для того, чтобы рассеять возможное представление, что такие поистине гигантские сооружения могли быть созданы лишь совместными коллективными усилиями. Напротив, мы непосредственно приходим к выводу о неизбежности дробления рабочих сил коллективов в процессе создания ими террасного земледелия.

Древний обычай единовременного выхода земледельцев на полевые работы¹⁷ так же предполагает распределение рабочих сил по множеству земельных участков, подвергаемых единовременной обработке благодаря специфике сельскохозяйственных работ. Кроме того, моментом исключительной

¹⁷ Единовременный выход земледельцев в поле в связи с сельскохозяйственными работами — универсальное явление на соответствующем этапе развития отдельных земледельческих народов. См. В. Реймс. Введение в историю хозяйства. М., 1929, стр. 50. Об аварцах: Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв. Махачкала, 1957, стр. 44.

важности в дроблении рабочей силы коллективов являлось применение тягловой силы. Ведь известно, в горах один пахарь с хорошо обученными волами может засеять и вспахать поле без посторонней помощи. Это значит, что один земледелец, поднимая зябь или вспахивая участок, одновременно создавал поле, выполнял все те работы, которые со временем привели к становлению выработанного поля. Другими словами, дробление рабочей силы было возможно и, видимо, имело место, вплоть до каждого земледельца или парной семьи. Такова картина организации труда.

Неизбежность присвоения террасных полей в собственность теми, кто их обрабатывал, а именно малыми семьями, была обусловлена к тому же еще тем, что каждый отдельно взятый участок не повторял другого ни по количеству вложенного в их создание и поддержания труда, ни по степени плодородия. Такая градация стоимостей полезных площадей, заключенных в разных полях, была обусловлена обработкой каждого участка отдельно от другого. Недаром у горца в качестве мерил ценности поля во время торговых сделок, наряду с единицами площади, выраженных в количестве зерна, которыми может быть засеяно то или другое поле, выступает и количество урожая, снимаемого с данного поля. (Сделки могли состояться лишь в том случае, если засвидетельствовано количество урожая, снимаемого с этого поля).

При этих условиях общинное землевладение с общинным землепользованием и тем более с частным землепользованием не могло оправдать себя и пало. И не случайно Ф. Энгельс относительно горных областей Шотландии замечает, что «в тесных горных ущельях родовое пользование землей очень рано сменяется владением ее отдельными дворами, а в распоряжении общин остаются только невозделанные земли»¹⁸.

Проблема хронологического осмысления времени падения общинной собственности на пахотную землю при данной изученности всего комплекса связанных с ней вопросов остается неясной. Мы располагаем лишь некоторыми данными, позволяющими уверенно говорить о господстве частной собственности на землю для нагорной Аварии и в позднем средневековье, хотя предположительно, как мы пытались показать, частная собственность на пахотную землю своими истоками уходит ко времени становления террасного земледелия, что в основном завершалось гораздо раньше. Во время полевых работ в 1961 г. Мухаммед Ахмедов (с. Ботлих) нас познакомил с двумя списками неизвестных сочинений правоведов Мухамеда ибн Муса ал Кудутл и Ибрагима Гаджи из Урада.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 633. О безусловном переходе земельных участков при подобной организации труда см. также К. Маркс. Капитал, т. III, 1950, стр. 647.

Мы дадим лишь перевод выдержки сочинения Мухаммеда ибн Муса ал Кудутль (1633—1706) как наиболее раннего:

«Задан вопрос в Машидул Хариме¹⁹ Ахмеду Ал-Башбуш из Египта о наших землях, находящихся во владении отдельных людей с правом получения доходов или с правом косить. Так мы нашли эти земли в известное нам время. Что эти земли были захвачены с харима²⁰ людьми у нас нет доказательств и мы не знаем, как человек положил руку на землю. Известно лишь, что он получил эту землю в наследство от отцов или путем покупки»²¹. Вопрос этот, заданный египетскому правоведу дагестанским ученым, является по сути самым ранним описанием поземельных отношений в горах. Для нас здесь ценно то, что Мухаммед ибн Муса в конце XVII века констатирует частную собственность на землю. Он же свидетельствует, что ему неизвестно, как люди завладели этими землями, кроме как наследованием или покупкой. И не случайно ни адаты аварских обществ²², ни документы, относящиеся к позднему средневековью²³, отражающие самые разнообразные стороны социальной и общественной жизни, не содержат хотя бы косвенные указания на общность и переделываемость пахотной земли. Напротив, адаты гидатлинского общества, относящиеся к XV—XVII вв., содержат пункты, из которых явствует наличие подворной собственности не только на пахотные участки, но и на покосы: «если кто-либо своим скотом потравит сенокос другого и т. д.»²⁴. О состоянии поземельных отношений в более раннем периоде мы не имеем никаких письменных сведений, но как уже отмечали, процесс становления частной собственности на пахотную землю завершился со становлением террасного земледелия. Таким образом, со времени падения общинной собственности на пахотную землю мы имеем в горах общину «вторичной общественной формации»²⁵, о которой К. Маркс писал, что «...она (архаическая земледельческая община — М. А.) так ясно запечатлела свои характерные особенности на сменившей ее общине, общине, в которой пахотная земля стала частной собственностью, между тем как леса, пастбища, пустоши и проч. еще остаются общинной собственностью, —

¹⁹ Мечеть в Мекке.

²⁰ Харимы — пустоши, принадлежавшие общине.

²¹ Текст переведен с арабского Мухаммедом Ахмедовым.

²² Рукоп. фонд Института ИЯЛ, дд. 1662, 1172. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957.

²³ Кодекс законов Умма хана Справедливого. Рукоп. фонд Института ИЯЛ, д. 1172.

²⁴ Гидатлинские адаты..., стр. 19.

²⁵ «Вторичная формация, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, М., 1935, стр. 695.

что Мауэр, изучив эту общину вторичной формации (подчеркнуто мною — М. А.), мог восстановить строение его архаического прототипа»²⁶.

Мы уже говорили, что окончательное разрушение хозяйственной основы патриархально-родового строя произошло со времени падения коллективной собственности на пахотную землю (фактическое же разложение ее шло еще в архаической общине со времени начала посемейного землепользования при наличии общеродовой собственности на землю, на чем мы остановимся позже). Причиной этого распада послужило террасовое земледелие. Другими словами, юридический и фактический переход пахотных земель в собственность непосредственных производителей является одновременно переходом общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. ↓

В аграрных отношениях этот переход выразился в смене архаической земельной общины общиной вторичной формации.

Таким образом для нагорного Дагестана переход «от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности» завершился ко времени становления террасного земледелия. Однако покосные и пастбищные участки все еще оставались во владении общины, постепенно переживая процесс превращения в частную собственность феодальной знати, а не рядовых членов общины, как это имело место с террасными полями. В этом отношении переход пастбищ и покосов в горных областях в собственность феодалов обнаруживает довольно общие закономерности с основными путями развития форм собственности на пахотную землю в равнинных областях Дагестана в пору становления раннефеодальных отношений. На плоскости общинное владение на пахотную землю сменяется феодальным владением²⁷. То же самое в горах происходит с пастби-

²⁶ Там же.

²⁷ Так относительно кумыков исследователи единодушно замечают, что «пахотные и покосные участки считались принадлежащими общинам, но должны были феодалам платить подать и нести разнообразные повинности».

Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—XIX вв., М., 1957, стр. 162; Х. Х. Рамазанов. Крестьянская реформа в Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX, 1957 г., стр. 68; С. Ш. Гаджиева. Кумыки, М., 1961 г., стр. 64, 65. Интересные сведения содержатся в Трудах комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908, стр. 362. Необходимо в этом отношении вспомнить описание поземельных отношений у чеченцев В. И. Головищева-Кутузова, где довольно подробно освещены поземельные отношения, в частности, указано на ежегодную переделаемость всех основных пахотных земель (Ф. И. Леонтович. Адагы кавказских горцев, ч. II. Одесса, 1883, стр. 78—80, По М. О. Косвену. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 214).

щами и покосами, а пахотные земли (террасные участки), как уже отмечалось, еще задолго до возвышения феодальных образований переходят в подворное владение непосредственных производителей. В этом раннем становлении частной собственности на пахотную землю нужно искать своеобразие путей развития форм собственности в горных районах Аварии и здесь же заключено различие путей генезиса феодализма в горах и на равнине.

И, наконец, раннее становление частной собственности рядовых общинников на пахотные земли по сути является основной причиной незрелости феодальных отношений в горах, ибо этот факт оказал, на наш взгляд, огромное противодействие утверждению классических форм феодализма в горах. Вопрос о том, каково было это «противодействие» и почему оно было сильнее в общине вторичной формации, нежели в архаической первичной общине требует специальной тщательной разработки, а в данной работе ограничимся лишь постановкой этого вопроса.

В заключение рассмотрим вопросы аграрных отношений в архаической общине, в частности, отдельные правовые нормы пользования удаленными от поселений покосами на эйлагах, т. е. нормы пользования покосами консервативнее, в поземельных отношениях.

Горные пастбища Андии, простирающиеся на значительной территории северо-западного склона Андийского хребта, до XIX столетия принадлежали сс. Анди, Гагатль, Гунха, Рикваны, Ашали, Зило и Чанко. Стада овец и табуны любого из сел могли пастись на любых участках. В сезон кошения сена каждому из сел выделяли отдельные участки. Эти участки в свою очередь переделялись по семьям уже джамаатом. Как правило, аулы из года в год по традиции получали одни и те же участки, за исключением с. Зило и Чанко, которые были вытеснены крупным обществом Анди. Идентичные отношения сложились и у ахвахцев. У каратин передель покосных участков производили сперва на равные части соответственно количеству тухумов, т. е. на 4 части, тухумам: ПакИлал, Авдалал, Хекьилал, Буралал, из зависимого сословия тухумы «Дудулал» и «Оолал» не допускались в число наделяемых. Так как количество людей в тухумах было не одинаковое, то часть людей из крупных тухумов наделялась покосными участками из земель мелких тухумов, чем уравнивалось количество земли на каждого наделяемого.

В каждом тухуме покосной землей наделялись все мужчины от новорожденного до глубокого старца в равном количестве. Места участков распределялись по жребью. Женщины

при наделении семей покосными участками не учитывались²⁸. Это, видимо, являлось пережитком доэтногамных форм брачных отношений с патрилокальным поселением. (Известно, женщина, переселившаяся в другой род, в Аварии продолжала считаться принадлежащей к тому роду, откуда она вышла, лишь в плане общественном и идеологическом, а в хозяйственном отношении порывала с ним. Следовательно, лишь лица мужского пола являлись наиболее устойчивым контингентом рода). В данном случае, порядок наделения лишь мужчин в тухумах вполне мог иметь место в адатно-правовых отношениях на пахотные земли на древнейшем этапе эволюции форм землепользования. Посемейные переделы, очевидно, получили свою материальную основу в результате окончательного утверждения моногамной семьи. Обычай искусственного уравнивания людей в тухумах во время переделок покосов так же свидетельствует о возросшей роли соседской общины, которая регулировала состав наделяемых в интересах всего джамаата, но сам факт первоначальных разделов покосных земель на равные части по числу тухумов (независимо от количества людей в них) представляется так же архаичным и происходит, видимо, из первых переделов как пахотных, так и покосных угодий племени по родам.

. Здесь же необходимо указать на порядок, пережиточно бытовавший в некоторых районах Аварии (например в с. Эльбок в Дидо), также весьма важный для выяснения деталей эволюции форм собственности на землю. В период сенокосения в определенный, объявленный джамаатом день косари толпой устремлялись на покосы и произвольно огораживали себе приглянувшиеся им участки, и лучшие из них доставались тем, кто раньше других достигал летних покосов. Этим своеобразным спортивным соревнованием устанавливалось право «первозаимщика». Идейной основой этому порядку, видимо, служило древнейшее право племени на ту территорию, которую оно заняло во время расселения. (Общей этнографии неизвестны даже самые примитивные племена, которые не разграничивали бы свои территории и не защищали бы на них свое право). Это право «первозаимщика», наиболее древнее по своему происхождению, было распространенным в Аварии, а вопрос о действительности этого права на каком-либо этапе по отношению к возделываемым зем-

²⁸ Здесь необходимо отметить архаичность этого порядка и возможную его универсальность до победы новых посемейных переделов. Весьма любопытны в этом отношении «показания чанков сел. Тилитль, Гонада, Ругуджа и др. об истреблении Шамилем их предков», где говорится, «что в настоящее время мы (тилитлинцы, ругуджинцы и др. — М. А.) передаем имение детям по шариату, так было и в старину, только женщины не имели доли в пастбищных землях». См. Движение горцев Северо-восточного Кавказа в 20—50 гг., Махачкала, 1959, стр. 708.

лям мы оставляем открытым из-за отсутствия каких-либо дополнительных признаков, которые могли бы указать на эту весьма важную для нас деталь.

Следовательно из того, что мы имеем, вытекает, что первоначально пахотными землями, как и самой территорией владели племена, и переход этих земель в собственность родов был результатом дальнейшего укрепления родового принципа пользования землей (аналогично тому как со временем родовая собственность сменилась частной формой владения).

Следующий этап характеризуется частным, посемейным землепользованием, при наличии общеродовой собственности на землю. И притом периодические переделы по семьям осуществлялись по числу мужских лиц в роде или в семьях, а не по общему количеству членов рода. Указанные порядки как раз характерны последней стадии разлагающейся архаической общины, на смену которой пришла община с новой, отличной от своего прототипа природой. Эта новая община принципиально отличалась от предшествовавшей ей архаической общины тем, что здесь в общинном владении остались пастбища, покосы на эйлагах, леса и пустоши, а возделанная земля в виде террасных полей стала безраздельной частной собственностью непосредственных производителей. Однако было бы неверно утверждать, что в горных районах Аварии и Дагестана со времени становления террасного земледелия падение коллективной собственности на пахотную землю было абсолютно повсеместным. Имели место случаи, когда сохранялось коллективное право владения пахотными угодьями, но, как правило, эти периодически переделываемые земельные массивы не были террасированы и были незначительны по сравнению с основной пахотной землей, находившейся в частной собственности.

Происхождение этих общинных фондов пахотной земли сводятся в основном к трем источникам: 1) если пахотные угодья были арендованы, куплены или завоеваны у соседних обществ усилиями и средствами всего джамаата (с. Верхний Дженгутай)²⁹; 2) если общественные пустоши, запрещенные ранее для расчистки и обработки под пашни отдельными

²⁹ Например, даргинское общество Урахи арендовало пахотные земли в местности «Ирау» у равнинного общества Утамыш. Арендованные земли подлежали уравнительной переделке по семьям через каждые 3—4 года и считались собственностью джамаата. Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Рук. фонд Института ИЯЛ, д. 2893, л. 30. Эти запреты хорошо иллюстрируют Гидатлинские адаты: «Если кто-нибудь вспахал землю на пустыре, который не подлежит раздаче людям в качестве пахотной земли, или присвоил его в качестве сенокоса и луга, или частично прирезал к своей земле, то с него взыскивается штраф». Гидатлинские адаты, стр. 27.

членами общества³⁰, осваивались совместно всем обществом по общему решению джамаата из-за малоземелья (например, земли общества Чох, расположенные в местности «Коммуна» и «Маарда»). И, наконец, 3) земли, поступившие в распоряжение джамаата вследствие дарений или завещаний отдельными лицами джамаату в благотворительных целях. Из общественных фондов земель, образовавшихся указанным образом, выделяли участки молодым семьям, если таковые в силу ряда причин нуждались в этом (с. Дылым Казбековского района, Муни Ботлихского района и др.).

Как видим, встречающиеся общинные земли не являются прямыми остатками архаической общины, а имеют свою новую подоснову. Унаследованы от первичной архаической общины лишь принципы землевладения и землепользования и то в деформированном виде. Например, родовой принцип землевладения сменяется территориально-общинным, наделением земель в первичной общине (на последней стадии ее разложения) по числу лиц мужского населения семей сменяется уравнительным землепользованием по малым семьям и т. п. Но даже в этих пережитках остались штрихи, которые имеют безусловную ценность для восстановления облика первичной архаической общины. Укажем на любопытный порядок, бытовавший в Чохе. Общинные, периодически передуваемые участки в местности «Маарда», несмотря на десятилетний срок владения наделом, удобрялись лишь навозом из летних стойбищ скота, а из частных хлевов удобрения доставлялись на частные поля. Притом уравнительной переделке подвергались и сами удобрения из летних стойбищ. В этом порядке, вероятно, отразились мотивы, восходящие ко времени господства общей собственности на средства производства, в том числе на скот и на хлева. Правда, факт, что мы не знаем в какой степени древне в истории террасного земледелия начало специального удобрения полей, требует более осторожного отношения к этому выводу. Но кроме всего прочего указанный порядок удобрения полей интересен тем, что он предполагает необходимость индивидуальной собственности на внешние условия труда в процессе становления частной собственности на средства производства.

Таковы те немногочисленные штрихи, которые позволяют нам нащупать наиболее общие пути эволюции форм собственности на землю у аварцев.

³⁰ Гидатлинские адаты, стр. 27.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

1. Начало искусственного террасирования полей восходит к бронзе. Верхние хронологические рубежи нужно искать, видимо, во времени не позднее раннего средневековья.

2. Террасное земледелие является прямым следствием постоянно применяемых горцем противоэрозийных защитных мер (III-й тип) и специальной обработки (II-й тип).

3. Со становлением террасового земледелия окончательно пала родовая собственность на пахотную землю, полностью разложилась так же и архаическая община.

4. «Переход от общества, основанного на общей собственности», к обществу, «основанного на частной собственности» (К. Маркс), в горах произошел гораздо раньше, чем в прилегающих областях благодаря специфике земледелия.

5. Переход террасных полей в подворное владение непосредственных производителей еще до возвышения феодальных образований с требованием на фактическое и юридическое владение землей оказал огромное противодействие образованию феодальных латифундий на пахотную землю, в результате чего феодальная собственность на землю в горах сложилась несколько однобоко — она сложилась лишь на пастбища и покосы.

6. Местами встречающиеся общинные земли имеют свои особые источники происхождения и не являются наследием архаической общины. Архаическими здесь являются лишь в пережиточном виде принципы землевладения и землепользования.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

НОГАЙЦЫ.

(из истории ногайцев XVIII — нач. XX веков).

Ногайцы — небольшой народ, проживающий в основном в ногайской степи — на территории Караногайского района Дагестанской АССР и Ачикулакского района Ставропольского края. Имеется ногайское население и в Кизлярском, Бабаюртовском, Хасавюртовском районах Дагестана, в ряде районов Ставропольского края, Карачаево-Черкесской автономной области.

Общая численность ногайцев по переписи 1959 г. 41 тысяча. Небольшие группы ногайцев живут за пределами СССР (в Турции и Румынии).

Ногайский народ составляют три этнографические группы: караногайцы (черные ногайцы), ачикулакские ногайцы и ногайцы Карачаево-Черкесии. Ногайский язык относится к кыпчакско-ногайской подгруппе северо-западной (или кыпчакской) группы тюркских языков.

В прошлом основным занятием ногайцев было кочевое скотоводство, и только небольшая их часть занималась земледелием. Исповедывали ногайцы ислам суннитского толка. История ногайцев до сих пор мало изучена и поэтому освещена в нашей литературе совершенно не достаточно, имеющиеся работы в большинстве своем освещают только отдельные вопросы и периоды в истории этого народа, или только упоминают о нем. Данная работа посвящена разработке истории ногайцев с XVIII по XX вв. и поэтому не претендует на полное освещение всех вопросов истории ногайцев.

Самоназвание этого народа — ногай. Существуют различные объяснения происхождения этого названия¹. Но, на наш взгляд, наиболее обоснованным представляется такое объяснение: ногайцы являются потомками той части населения Золотой Орды, которая в XIII веке находилась под властью Ногая.

Первое ногайское государственное образование — Ногайская орда, возникшая в конце XIV века в результате распада

¹ Бентковский Г. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1883 г.

Золотой Орды, состояла из племен, входящих во 2-ой половине XIII в. в состав войск золотоордынского темника (военачальника) Ногая, из рода Джучи-сына Чингис-хана, а также племен Мангытов.

В 70-ые годы XIII века темник Золотой Орды Ногай приобретает все большую реальную власть в орде; это определялось тем, что в этот период он командовал всем войском Золотой Орды.

К 80-м годам XIII века положение Ногая настолько укрепилось, что в Золотой Орде в это время фактически создано двоевластие.

После смерти хана Менгу-Тимура ханом в орде становится Телебуге. Ногай держится независимо по отношению к хану и претендует на власть в русском «улусе». В то время Ногай правил на обширной территории Северного Причерноморья; под его властью находились земли Галицко-Волынской Руси и Курские.

В 1291 году во главе Золотой Орды стал хан Тохта, который решил лишить Ногая власти и земель и тем самым укрепить свое положение в орде. В 1299 году войско Ногая было разбито, а сам Ногай погиб от руки «русского всадника из воинов Тохты». В орде было ликвидировано двоевластие; монгольские племена, кочевавшие на территории, управляемой Ногаем, входившие в состав улуса, созданного Ногаем, смешались с тюркоязычными половцами, восприняли их язык и стали называться ногайцами, в тоже время они сохраняли и свои племенные названия.

Ногайцы еще не были в этот период объединены в орду, и подчинялись ханам Золотой Орды, власть которых в XIV веке становится все более непрочной.

В конце XIV в. Ногайская орда выделилась из Золотой Орды, и ее многочисленные племена кочевали к востоку и западу от Волги, в том числе на территории северокавказских степей.

В первой половине XVI века Ногайская орда распалась. Из нее выделились Большая и Малая орды, состоящие из различных кубов-родоплеменных объединений. Малую орду называли Казыев улус и Джетысан (Едисан), т. е. 70-тысячная орда. Большая орда в этот период кочевала по левому берегу Волги и по берегам Урала; Малая Орда — на правом берегу Кубани, на Азовском побережье, в Восточном Причерноморье и на юге Украины, между Днепром и Доном; Джетысанская орда — между Днепром и Днестром и Бугом, а по соседству с ней кочевала небольшая Буджакская орда.

Однако, с появлением калмыков на берегах Волги в начале XVII века ногайцы вынуждены были покинуть эти места: калмыки облагали их данью, разоряли улусы и отбирали скот.

Ногайцы откочевывали в низовья Дона, в Крым, в Бессарабию и на Кубань, но калмыки заставляли их возвращаться на прежние места. В результате всех переселений ногайцы к началу XVIII сосредоточились на Северном Кавказе, на Кубани, на юге России, а также на Каспийском побережье, у устьев Терека и Сулака.

Ногайцы, кочевавшие между Тереком и Сулаком, на Прикаспийской низменности, переселились сюда в XVI веке. Часть ногайцев Большой орды, из кубов Кыпчак, Найман и др. во главе с ханами Урака и Карасай откочевали с Волги к юго-западному побережью Каспийского моря. После падения астраханского ханства на Тереке была построена русская крепость Терки, и кочевавшие здесь ногайцы приняли подданство русского государства. Последним ханом у них был хан Башик-Баз-Кашбулат, который был убит в конце XVII века².

Кумыкских шамхалов, владения которых были расположены поблизости, привлекали плодородные земли Прикаспийской низменности, занимаемые ногайцами. Ногайская территория была ограничена: с севера — южным рукавом дельты Терека, с востока — западным берегом Аграханского залива; с юга — Сулаком; с запада — рекой Аксай (приток Сулака). Они неоднократно пытались покорить ногайцев и обложить их данью. Под давлением кумыков ногайцы вынуждены были покинуть эту территорию и стали откочевывать в низовья Сулака и Терека к Аграханскому заливу, но и здесь они платили определенную дань кумыкским шамхалам.

После убийства хана Башик-Баз-Кашбулата среди ногайских мурз началась борьба за власть. Четыре ногайских куба³. Кыпчак, Найман, Терик и Аскостамгалиев не хотели признать власть ни одного из мурз и откочевали на левый берег Терека, в Моздокскую степь, за что их называли «яманчи», а затем «караногайцами», т. е. простыми ногайцами, не имевших ни мурз, ни князей⁴.

Ногайцы, оставшиеся у Аграханского залива, кочевать вблизи кумыкских поселений — Костековское и Андреевское, получили название «костековские и андреевские ногайцы»; ногайцы, кочевавшие вдоль реки Аксай, образовали Аксайское общество (аксайские ногайцы); во главе их были мурзы.

В 1722 году Петр I предпринял Персидский поход, целью которого было укрепление позиций России на берегах Кас-

² Куб.

³ См. ст. «О кумыкских ногаях». Терские ведомости, 1871, № 7.

⁴ См. ст. «О кумыкских ногаях». Терские ведомости, 1871, № 7. В ногайском языке слово «кара» наряду со значением «темный» имело еще значение «простой».

пийского моря. До Астрахани русские войска плыли по Волге, затем по Каспийскому морю до Сулака, и в 20 верстах от устья этой реки по приказу Петра I была заложена крепость Святой Крест: «Намерение при том такое было, чтоб сия крепость... для усмотрения самим императором худого положения сего места, прикрывала российские границы»⁵. В крепости был поселен небольшой гарнизон.

Кумыкский шамхал признал подданство России, однако, отношения подвластных ему ногайцев к России не сразу стали дружественными. И только караногайцы отправили к Петру I делегацию из четырех человек, которая подтвердила верность караногайцев России и предложила доставлять продовольствие для русской армии. Петр I принял их предложение и приказал не облагать их никакими повинностями и предоставил им право свободно кочевать вдоль Терека, на землях, принадлежащих России⁶. Надзор за караногайцами Петром I был вверен князю Бековичу-Черкасскому⁷.

Затем признали подданство России аксаевские и костиковские ногайцы. Андреевских ногайцев, оказавших сопротивление русским войскам, Петр I силой заставил признать подданство России. Таким образом, ногайцы были освобождены от уплаты дани кумыкскому шамхалу, и его власть в ногайских обществах стала номинальной.

Азовские и Персидский походы, предпринятые русскими войсками при Петре I, укрепили позиции России на Кавказе; большинство ногайцев, кочевавших на Северном Кавказе, приняли русское подданство. В это время вынужден был признать свою зависимость от России и калмыцкий хан.

Однако после смерти Петра I Россия начинает терять свое влияние на Северном Кавказе. В 1735 году Россия вынуждена была уступить Персии все ранее завоеванные Прикаспийские провинции, в том числе и крепость Святой Крест. Гарнизон крепости был переведен в Кизляр. Всем ногайцам, пожелавшим остаться в подданстве России, было предоставлено право переселиться на побережье Терека и поселиться около вновь отстроенной Кизлярской крепости⁸. Однако только караногайцы пожелали остаться в подданстве России, и в 1736 году они окончательно переселились с Сулака к Кизляру⁹.

⁵ Материалы ВУА главного штаба, СПб, 1871, т. I, стр. 521.

⁶ См. ст. Л. Рудановского «О караногайской степи и кочующих на ней племенах». Кавказ, 1863, № 48.

⁷ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 249, оп. 3, е. х. 708, лл. 18—36.

⁸ Упоминание о городе Кизляре имеется еще в донесении терского воеводы Хохлова в 1616 году.

⁹ ГАСК, ф. 243, оп. 3, е. х. 685, лл. 65—71.

Казачи, перевезенные из крепости Святой Крест в Кизляр, образовали Кизлярское (Терское) казачье войско. Так началось строительство русской укрепленной линии, известной впоследствии как Кавказская линия.

В 60-х годах XVIII века, во время войны с Турцией, огромное число ногайцев — едисанцев и джембойлуковцев стали откочевывать сначала за Кубань, а потом за Днепр во владения Турции и Крыма. Это массовое переселение ногайцев было вызвано, с одной стороны, тем, что агенты Турции умышленно сеяли вражду между русскими и ногайцами, а, с другой стороны, политика национального угнетения, проводимая царским правительством, вызывала недовольство среди ногайцев. Таким образом, огромное пространство северокавказских степей оказалось мало заселенным.

В 70-х годах XVIII века Русское правительство обратилось с призывом ко всем ногайцам, перекочевавшим на территорию, принадлежавшей Турции, вернуться обратно.

Положение ногайцев в Турции и Крыму было очень тяжелым: они подвергались двойному гнету. Бесконечные войны Турции с Россией разоряли их, у них забирали огромные табуны лошадей для турецкой конницы и большое количество овец. Доведенные почти до полного разорения едишкульские и джембойлуковские ногайцы, находившиеся под властью крымского хана, обратились к русскому правительству с просьбой взять их под свою защиту. Несмотря на чинимые препятствия, они во главе с мурзой Джан Мамет-беем покинули пределы Крымского ханства, отказались от турецкого подданства, и откочевали на левый берег Дона на земли, принадлежащие России. В ответ на проiski Турции склонить их на войну с Россией Джан Мамет-бей от имени своего народа заявил: «Я потерпел разорение (в пределах Крымского ханства — Л. К.), принужден был просить милости у России и, к удивлению, нашел то, чего не надеялся, ибо по просьбе моей все для меня сделано, чего я хотел. Подобно, как щенят в зубах, я перенес народ свой через реку Дон на здешние места, которыми теперь пользуюсь по милости России. Могу ли я после этого воевать против русских?»¹⁰.

Многие ногайские кубы заняли старые кочевья на верхней Кубани, на реках Зеленчук и Лаба. К 80-м годам XVIII века верховья Кубани, Зеленчука были заселены ногайцами Большой орды — едишкульцами, джембойлуковцами, и там же кочевали ногайцы из кубов Малой орды.

Во время русско-турецкой войны русские войска овладели территорией в Крыму, и в декабре 1771 года Россия образо-

¹⁰ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. VIII, стр. 773, Тифлис, 1881.

вала из крымских татар и ногайских племен свободную, независимую область под властью избранного «вольным голосованием» хана Сагиб-Гирея и под покровительством России. В состав этой области вошли и ногайцы, кочевавшие на Кубани.

В 1774 году между Россией и Турцией был заключен Кучук-Кайнарджийский договор, по которому татары и все ногайские кубы были признаны независимыми от России и Турции. Россия предоставила татарам и ногайцам все земли в Крыму и на Кубани.

Турки постоянно нарушали этот договор и подстрекали ногайцев к выступлениям. В это время прокатилась целая волна выступлений ногайцев против России. Недовольство ногайцев еще более увеличилось в связи с опубликованием манифеста от 8 апреля 1783 года о присоединении Тамани и правобережья реки Кубани к владениям Российской империи.

С объявлением этого манифеста уничтожилось независимое татарское и ногайское государство. Многие ногайские племена опять стали откочевывать на земли, принадлежащие Турции.

Русское правительство решило воспрепятствовать переходу ногайцев в турецкое подданство и поручило Суворову вернуть их на земли, принадлежащие России. 29 сентября Суворов настиг большое число ногайцев близ устья Лабы. Ногайцам было предложено вернуться и принять русское подданство, но они отказались. Русские войска решили силой вернуть их в пределы России, ногайцы оказали сопротивление.

В «Истории 44 драгунского полка» так описано это событие: «Началась страшная сеча. Хуже вооруженные, хуже предводимые, недисциплинированные, не имевшие понятия о строе, ногайцы резались со злобой и гибли массами. В бессильной ярости они сами истребляли свои драгоценности, убивали своих детей, резали женщин. Больше десяти тысяч ногайских тел легло на десятиверстном пространстве. Оставшихся в живых заставили принять русское подданство и поселили на Дону, а часть — в Мелитопольском уезде в Херсонской губернии. В начале XIX века мелитопольские ногайцы перешли к оседлости, образовали 67 селений и позже стали называть себя татарами».¹¹

В 1783 году русское правительство провело ряд мер по укреплению Кавказской линии: было построено несколько крепостей по Тереку, увеличены гарнизоны крепостей и т. д. В 1791 году правый фланг линии был перенесен на реку Кубань. Главное управление Кавказской линией находилось в

¹¹ Потто. История 44 драгунского Нижегородского полка, т. 2, стр. 3, Спб, 1883.

городе Екатеринодаре, который с 1786 года стал губернским городом Кавказской области. Кавказская область вместе с Астраханской составили Кавказскую губернию и в этом же году было открыто Кавказское наместничество. В Кавказскую область входили: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский уезды.

В 1785 году по приказу генерала Потемкина едисанцы, джембойлуковцы и едишкульцы с Дона были переселены в Кизлярский уезд и поселены рядом с караногайцами¹². Между караногайцами, джембойлуковцами и едисанцами происходили постоянные столкновения, в связи с чем последних в 1793 году переселили в Моздокский уезд на урочище Ачикулак¹³.

В 1785 году с верховья Кубани были переселены на реки Саблю и Калаус четыре ногайских куба — Магитовский, Касаевский, Едишкульский и Эдисан¹⁴.

В 1787 году с Кубани были переселены еще несколько кубов ногайцев: Хасбулат, Кыпчак, Эдисан, Навруз и др. и поселены в районе горы Бештау, по рекам Таплык, Джегете, по Малому и Большому Янкулаю, Калаусу и Карамык¹⁵.

В этом году Россия вела успешные военные действия против Турции. Закубанские народы (абазины, черкессы и часть ногайцев) выразили желание принять подданство России. В 1790 году кочевавшие на реке Лабе ногайцы в количестве 2-х тысяч семейств перешли Кубань и приняли русское подданство.

В 1791 году 29 декабря в гор. Яссы был заключен мирный договор с Турцией, по которому почти вся территория, занятая русской армией в этой войне, была возвращена Турции.

Однако, переселившиеся на правый берег Кубани ногайцы не пожелали возвращаться в подданство Турции и были переселены в Астраханскую губернию¹⁶. В 1793 году территория, населенная ногайцами, была разделена на три приставства, управление ногайцами находилось в ведении генерал-губернатора на Кавказе. Затем, управление ими было передано в коллегиию иностранных дел. Непосредственно же управляли ногайцами главный пристав и три частных пристава, согласно инструкции, утвержденной 28 мая 1802 года¹⁷.

¹² Чечено-Ингушский республиканский архив, ф. 69, е. х. 131, лл. 1—2.

¹³ Там же, л. 5.

¹⁴ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 708, лл. 65—71.

¹⁵ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, т. II, стр. 923—926, Тифлис, 1868.

¹⁶ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 1, л. 1.

¹⁷ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 708, лл. 65—70.

Ногайцы, входящие в Калаусо-Саблинское и Бештау-Кумское приставство, кочевали в верховье реки Калаус, по Большому Янкулаю и Малому Янкулаю. Этому же приставству принадлежали земли: район Пятигорья, долины верхней Кумы, Подкумка и их притоков. Территория Калаусо-Джамбойлуковского приставства простиралась по низовью реки Калаус, по рекам Кугулы, Барханчак, Айгур и Халибулат. В третье приставство входили караногайцы и едишкульцы, а также джамбойлуковцы и едисанцы, переселенные сюда в 1785 году. Ногайцы этого приставства кочевали в Кизлярском и в Моздокском уездах.

В 1822 году начальник Кавказской области генерал Ермолов подписал «Наказ для управления кочующими народами»¹⁸. 6 февраля 1827 года наказ был утвержден как «Устав для управления магометанами, в Кавказской области кочующих»¹⁹. Согласно этого устава ногайцы были разделены на четыре приставства и подчинены главному приставу.

Ногайцы, кочевавшие около горы Бештау и по реке Куме (ниже Песчаного редута), находились под управлением генерал-майора султана Менгли-Гирея. Ногайцы, поселившиеся в верховьях Кубани и по реке Тохтомыш (закубанские ногайцы), находились под управлением капитана Азамат-Гирея.

В 1829 году ногайцев в Кавказской области насчитывалось 74860 человек²⁰.

Административное объединение ногайцев в приставстве не уничтожило родо-племенное деление среди ногайцев. Племенные связи были еще сильны и русская администрация должна была с этим считаться. Так, например, перепись населения и скота производилась по кубам, по кубам распределялась и натуральная повинность, а также территория для перекочевков.

В Калаусо-Джамбойлуковское приставство входили следующие кубы джамбойлуковцев: Канглынский, Карарюмский и Меситский²¹.

Канглынский куб кочевал по р. Горчевке, численность его в 1824 году была 1744 человека. Ногайцы этого куба имели более 3-х тысяч лошадей, около 10 тысяч голов крупного рогатого скота и 8 тысяч овец.

Карарюмский куб кочевал от устья Балки Берестовой, вниз по реке Большая Когульта. Этот куб насчитывал 1580 человек; у них было более 1600 лошадей, 8300 голов крупного рогатого скота и 6 тысяч овец.

¹⁸ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 163, лл. 1—15.

¹⁹ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 708, лл. 86—89.

²⁰ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 685, лл. 101—104

²¹ Большая часть ногайцев этих кубов входила в Ачикулак-Джембойлуковское приставство.

В Меситском кубе насчитывалось 2422 человека. Кочевали они в Георгиевском уезде, по правому берегу р. Калаус, у устья Большого Баранчака, и небольшое число ногайцев — между реками Калаус и Большой Когультой. В этом кубе было более 3 тысяч лошадей, 16 тысяч голов крупного рогатого скота и 7500 овец²².

В Калаусо-Саблинское приставство входили следующие кубы: Касаевский (кочевал в районе рек Большой и Малый Янкулай), Магитовский — в Георгиевском уезде; Едисанский — по большому Янкулаю и Калаусу (этот куб делился на два рода Онг-улу и Сор-улу); Едишкульский — при урочище Горькая речка и Большому Янкулаю²³. Во всех четырех кубах этого приставства по переписи 1827 года числился 9181 человек²⁴.

В 1830 году умер султан Менгли-Гирей и ногайцы, находившиеся под его управлением, были присоединены в Калаусо-Саблинскому приставству, оно стало называться Калаусо-Саблинское и Бештаво-Кумское приставство²⁵.

Ачикулак-Джамбойлуковское приставство включало территорию между Моздоком и р. Кумой. Кочевали здесь едисанцы и джамбойлуковцы, которых переселили на эти места в 1799 году. В это приставство входило значительное число ногайцев трех кубов джамбойлуковцев — карирюм-шеклинского, канглы и месит. Единсанцы делились на три куба: кенеческий, тулугаевский и буркутский. В 1818 году джамбойлуковцев в этом приставстве насчитывалось 647 семей, и 532 семьи едисанцев²⁶.

В караногайском приставстве, расположенном на территории Моздокского и Кизлярского уездов, кочевали караногайцы и едишкульцы²⁷. Караногайцы делились на четыре куба: найманов, кыпчаков, аскостамгалиев и тереков. Каждый куб имел несколько родовых знаков — тавро. В 1818 году в куб кыпчаков входило 808 семейств; в нем насчитывалось более 13 тысяч лошадей, 1106 голов крупного рогатого скота, и около 70 тысяч овец.

Найманов куб насчитывал 784 семейства, более 6700 лошадей, более 10900 голов крупного рогатого скота и более 58000 овец. Аскостамгалиев куб имел 779 семейств, более

²² ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 163, лл. 45—47.

²³ Необходимо отметить, что административное деление не всегда совпадало с племенным делением. Так, например, едисанцы, джембойлуковцы и едишкульцы входили в два приставства.

²⁴ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 685, лл. 43—48.

²⁵ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 423, лл. 3—5.

²⁶ Чечено-Ингушский республиканский архив, ф. 69, е. х. 230, лл. 1—10.

²⁷ Едишкульцы в 1862 г. были переведены в Ачикулак-Джембойлуковское приставство. ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 23, лл. 147.

8600 лошадей, более 7200 голов крупного рогатого скота и более 77700 овец²⁸. Едишкульцы делились на два куба: сараев и конгуров. Сараев куб также имел несколько тавро. Найманов куб делился на 13 родовых аулов; тереков — на 28; кипчак — на 12 аулов и аскостамгалиев куб — на 15 аулов.

Закубанские ногайцы, находившиеся под управлением Азамат-Гирея, жили обособленно от ногайцев названных приставств. Жили они по левому берегу Кубани, от устья реки Джегуты до Прочного окопа²⁹ и делились на пять кубов: тохтамыш, мансур, кыпчак, карамурзин и науруз.

В исторической литературе середины XIX века есть упоминание о юртовских татарах, часть из них сами себя называли ногаями. Юртовские татары жили на Волге, недалеко от Астрахани, затем к ним были переселены ногайцы.

Интересна история этих ногайцев. Предки их входили в Малую орду и в середине XVIII века перекочевали во владения Турции, но во время русско-турецкой войны 1787—91 годов два куба переселились на правый берег Кубани и приняли подданство России. Однако по Ясскому мирному договору вся территория, занятая русскими войсками, была возвращена Турции и, как отмечалось ранее, ногайцы, пожелавшие остаться в подданстве России, были переселены в Астраханскую губернию.

Поселившиеся сюда ногайцы перешли к оседлости и постепенно их образ жизни изменился, так как все большую роль в их жизни стало играть земледелие.

Они были разделены на девять улусов, во главе каждого улуса стоял голова³⁰. Улус являлся административно-территориальной единицей, в него входило несколько ногайских родов, которые образовывали аул. Улусы назывались по имени их голов, так как должность головы была невыборная, передавалась по наследству.

Астраханские ногайцы почти не имели связей с ногайцами, жившими в Ставропольской губернии и на Кубани, они находились в тесной связи с астраханскими татарами и постепенно смешались с ними. В последующих переписях они уже называли себя не ногаями, а татарами.

С образованием Кавказского наместничества, на Кавказ стали переселяться русские, которым отводили земли, принадлежащие народам Северного Кавказа, в том числе и ногайцам. Таким образом уже в первой половине XIX века происходит сокращение территории ногайских приставств.

²⁸ Чечено-Ингушский республиканский архив, ф. 69, е. х. 18, лл. 1—5.

²⁹ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, т. VII, стр. 905, Тифлис, 1878.

³⁰ Небольсин. Очерки Волжского низовья. СПб, 1852 г.

Как указывалось ранее, управление ногайцами регламентировалось «Уставом». Согласно «Уставу» во главе каждого приставства находился частный пристав, который подчинялся главному приставу.

Султан Менгли-Гирей и султан Азамат-Гирей подчинялись начальнику Кавказской области, но по ногайским делам обращались также к главному приставу.

Главный пристав подчинялся начальнику Кавказской области и находился в его распоряжении. Обязанности главного пристава заключались в распределении повинностей между приставствами и контроле за сбором и расходом общественных денег.

Частные приставы находились в непосредственном его подчинении. Их обязанности были сходны с обязанностями земского комиссара, так как земская полиция не имела власти в ногайских кочевьях. Частный пристав следил за порядком и спокойствием среди вверенного ему народа. Он не имел права вмешиваться в распределение общественных денег, но пользуясь неграмотностью ногайцев, частные приставы часто злоупотребляли своим положением и присваивали себе значительную часть общественных денег. Частный пристав выдавал билеты ногайцам на отлучку по Кавказской области за реку Терек, за реку Кубань на один месяц, а для отлучки в другие губернии — сроком от одного до 4-х месяцев. Частный пристав не имел постоянного местожительства и должен был находиться в кочевьях своего народа.

Каждый куб избирал голову, двух старшин и одного казначея, в каждый аул — старосту (аксакала) и десятника (если аул имел более 10 кибиток) сроком на один год.

Голова и старшины проводили перепись населения своего куба и давали сведения о количестве скота и кибиток в кубе, решали вопросы перекочевки куба.

Без разрешения старшины ногаец не имел права откочевывать на большое расстояние. В обязанность старших входило также следить за сбором повинностей.

Выборы головы, старшин и аксакалов происходили на общих собраниях, избирались на эти должности богатые ногайцы, так как они имели большое влияние на бедных сородичей, которые находились в экономической зависимости от них.

Из каждого приставства избирался один депутат для присутствия в уездном суде. Депутаты-ногайцы должны были присутствовать в суде, когда разбирались дела ногайцев.

Все гражданские дела между ногайцами разбирал **маслагат**. Дела в суде — маслагате разбирались по древним обычаям головой и старшиной; в компетенцию суда входило разбирательство дел о дурном поведении, о кражах, если сумма хищений не превышала ста рублей. Решение маслагата при-

нимало законную силу, если обе стороны выражали полное доверие лицам, входящим в этот суд, и если обе стороны были удовлетворены его решением. В противном случае недовольная сторона подавала жалобу приставу для окончательного решения.

Уголовные дела разбирали пристав вместе с членами военного суда.

Спорные вопросы между мужем и женой, родителями и детьми разбирали духовный суд по шариату. В зависимости от важности спорного дела, избирались и члены суда.

Наиболее важные дела разбирались под председательством кадия³¹. В своих решениях шариатский суд основывался на положениях из Корана и других священных книг, и они являлись окончательными для спорящих сторон, так как возмущение рассматривалось как неуважение к священным книгам. Решения этого суда часто были несправедливы, у ногайцев была поговорка «прав тот, у кого больше баранов». «Пристав Ачикулак-Джамбойлуковского приставства характеризует этот суд следующим образом: «Главные духовные лица кадий и наиб смотрят на Коран, как на мертвую букву, не в состоянии извлечь из него никакой пользы, и всякое разбирательство, где дело относится до шариата, они оканчивают мирским совещанием и получают за это солидную дань»³².

Многие авторы XIX века, занимающиеся изучением быта и обычаев ногайцев, отмечают, что большинство ногайцев было весьма равнодушно к отправлению религиозных обрядов. Частный пристав караногайцев в 1827 году сообщал главному приставу: «Нарушение правил веры является обыкновением для караногайцев и едишкульцев»³³. А пристав Ачикулак-Джамбойлуковского приставства отмечал, что «религиозное чувство кочевников в настоящее время (в 60-х годах XIX века — Л. К.) самое безотрадное»³⁴.

Высшая духовная должность среди ногайцев была кадий и его помощник наиб-кадий, низшая — ахун и мулла. Все эти должности были выборные: кадий избирался для «всего народа» (для караногайцев, едисанцев и т. д.); ахун и мулла избирался для каждого аула. Вновь избранный кадий подвергался испытанию старейшими кадиями по вопросам знания Корана и других священных книг, а затем кадий утверждался губернатором Ставропольской губернии. По всем религиозным делам ногайцы подчинялись Оренбургскому магометанскому собранию³⁵. Права и обязанности названных духовных лиц были строго разграничены.

³¹ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 708, лл. 18—36.

³² ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 42, л. 110.

³³ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 708, л. 24.

³⁴ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 42, л. 109.

³⁵ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 2200, лл. 4—9.

Права кадия распространялись на весь народ: к нему апеллировали по всем спорным делам, которые разбирал духовный суд, он участвовал в разделе наследства, если наследники являлись несовершеннолетними и др.

В обязанность ахуна входило отправление свадебных обрядов и обрядов при рождении, за что он получал по 4 рубля.

В приведенном выше рапорте Караногайского пристава имеется интересная характеристика, данная духовенству:

«...впрочем при настоящем существовании кадиев и прочих духовных, по общественным ежегодно возобновляемым выборам, прежние права и власть их оставались без всякого употребления, хотя и была им правительством предоставлена; ибо в звания сии одекаются ногайцы вовсе не с тем упованием, чтобы молитвами, умеренностью, правотою в разборе бедного с богатыми, побуждением паствы своей собственными примерами к презрению бедности и другим добродетелям удостоиться в будущей жизни быть сопричисленными в царстве пророка к его собеседникам, но цели их заключаются в расчетах земной временности, т. е. чтобы быть избавленными от повинностей и иметь доходы, званию присвоенные»³⁶.

В документах XIX века имеются сведения о том, что ногайцы «начали постепенно переходить в православие». Нельзя сказать, что этот переход принял широкие размеры, как, например, у калмыков, однако, прельстившись вознаграждением, которое выдавалось тем, кто принимал новую веру, некоторые ногайцы принимали православие, хотя они имели очень смутное представление о догмах вновь обретенной веры и, конечно, никаких обрядов не совершали.

Пристав Ачикулак-Джамбойлуковского приставаства отмечал, что ногайцы очень индифферентны к отпращиванию даже своих магометанских обрядов. В 1864 году он писал: «Ногайцы не имеют у себя мечетей, не собираются в одно место для молитвы, и все свои обряды мусульманского закона они совершенно не выполняют, или же делают их ради ханжества, из желания выказаться перед другими. Бедный же класс людей считает даже пороком каждый день прибегать с молитвой к богу, к которому, по их мнению, возможно только обращаться людям состоятельным, имеющим для этого много свободного времени»³⁷.

Из этого, конечно, не следует делать вывод, что духовенство и все догмы их веры не имели вовсе влияния на ногайцев. Они, видимо, были весьма умеренными в своих религиозных чувствах. У них были, конечно, мечети, но это не специальные сооружения, а обычные турлучные сакли, обмазанные глиной.

³⁶ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 708, л. 23 об.

³⁷ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 42, п. 145

Так, например, в 1845 году у караногайцев и едишкульцев было 42 сакли-мечети³⁸.

Духовенство постоянно разжигало чувства религиозной вражды между ногайцами и «неверными», т. е. русскими. Этим пользовалось турецкое правительство и засылало к ногайцам своих агентов, которые сеяли религиозную вражду и часто склоняли ногайцев к уходу в Турцию.

В 1812 году между Россией и Турцией был заключен мирный договор, который почти не внес изменений в отношении территории.

Однако, турецкое правительство решило воспользоваться непросвещенностью, темнотой ногайцев и засылало к ним своих агентов. Они убеждали ногайцев, что по этому мирному договору все ногайцы могут переселиться в Турцию, где получат землю и свободу религии, а все оставшиеся в России ногайцы принуждены будут принять православие.

В 1813 году 27 тысяч ногайцев перекочевали на реку Кубань, на территорию, принадлежавшую Турции. Нужно отметить, что ногайцы часто откочевывали на земли, принадлежащие Турции, не только потому, что их провоцировали турецкие агенты, но и потому, что они подвергались со стороны царского правительства различным ограничениям, а со стороны русских чиновников — жестокостям и оскорблениям. Особенно «прославился» своей жестокостью пристав Корнилов, которого царское правительство вынуждено было даже отдать под суд за жестокое обращение с ногайцами. В 1814 году была создана специальная комиссия, которая занималась расследованием деятельности командующего русскими войсками на Кавказской линии Портнягина.

Портнягин отличался необыкновенной жестокостью, устраивал самосуд над ногайцами. Среди ногайцев начались волнения. Комиссия в своих выводах писала, что ногайцы «вообще недовольны Российским правительством за необращение к ним ни малейшего внимания, также за то, что самые справедливые их протесты оставляются начальством в пренебрежении»³⁹, и требовала отдачи Портнягина под суд за жестокости в отношении мирных ногайцев.

Массовое переселение ногайцев в Турцию в 1859—1861 годах объяснялось с тем, что среди ногайцев распространялся слух что они должны будут в России отбывать воинскую повинность и что их насильно будут обращать в христианство, а в Турции отведены им будут специальные земли и Турецкое правительство будет оказывать денежную помощь переселившимся ногайцам.

³⁸ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 3997, лл. 35—42.

³⁹ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, т. V, стр. 857, Тифлис, 1873.

Ногайцы под влиянием этих слухов подали прошение на имя управляющего Ставропольской губернии, с просьбой разрешить им отправиться в Мекку на поклонение гробу Магомета. Это был, конечно, предлог; они решили навсегда покинуть пределы России и поселиться в Турции, распродавали все свое имущество, скот. Русское правительство не стало препятствовать их переселению.

Управляющий Ставропольской губернией Бранчанинов писал Кавказскому наместнику 7 апреля 1859 года: «Калаусо-Саблинские и Бештау-Кумский народ занимает местность, составляющую площадь всех сообщений Ставропольской губернии. Поэтому, как мне кажется, весьма было бы полезно заселить эту местность русскими хлебопашцами, или, если по стратегическим соображениям такое предположение будет преждевременным... казаками Кавказского линейного казачьего войска...»⁴⁰.

За 1859—1860 годы в Турцию переселилось 18586 калаусо-джамбойлуковских ногайцев и 9428 калаусо-саблинских и бештау-кумских. Бедные ногайцы не хотели переселяться в Турцию, так как для этого нужны были большие деньги, и они вынуждены были распродавать за бесценок все свое имущество. Но бедняки очень часто находились в экономической зависимости от богатых и должны были следовать за ними. В одном из своих рапортов Бранчанинов писал: «Хотя названным народам (ногайцам всех четырех приставств — Л. К.) разрешено уже идти в Мекку, и хотя из них около 2 тыс. семейств уже вышли отсюда, но из оставшихся здесь большая часть охладела, кажется, в желании поклониться гробу Магомета. Поэтому, чтобы заставить их воспользоваться тем разрешением, которое дано по их же просьбе, я полагаю бы дозволить им, и то в виде особой милости, остаться здесь, но с тем, чтобы они переселились...»⁴¹.

Далее Бранчанинов пишет кавказскому наместнику, какие поставить условия ногайцам, не желающим переселиться в Турцию: «...поселиться оседло, аулами, не менее 300 семейств, подвергнуться поголовной переписи, получить 15-ти десятинную пропорцию земли по числу душ, и затем исполнять повинности, какие будут определены по усмотрению правительства. Нельзя сомневаться, что при таких условиях остальная часть названных народов скоро направится в Мекку»⁴². Эти условия были равносильны прямому выселению

⁴⁰ Бентковский Г. Историко-статистическое обозрение инородцев—магометан, кочующих в Ставропольской губернии, Ставрополь, 1883, ч. 1, стр. 99.

⁴¹ И. Л. Шеглов. «Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии». Ставрополь, 1910, т. 1, стр. 104—105.

⁴² Там же.

ногайцев из России и ногайцы огромными массами стали переселяться в Турцию.

Известный исследователь этнографии ногайцев Бентковский был очевидцем этого переселения. На его вопросы о переселении ногайцы отвечали:

— Мы сами не знаем; народ идет, а нам как оставаться?

— Ну а народ зачем идет?

— Нельзя не идти — пристав гонит: на, говорит, билет и иди ⁴³.

Всего за 5—6 лет в Турцию переселилось около 70 тысяч ногайцев ⁴⁴. 15 октября 1860 года два приставства — Калаусо-Саблинское и Бештау-Кумское и Калаусо-Джамбойлуковское были упразднены ⁴⁵.

Ногайские земли — 113707 десятин — были отданы в Удельное ведомство, на «высочайшие пожалования» разным лицам (графу Евдокимову, графу де-Витте и др.). Остальные земли были переданы в Ставропольскую палату государственных имуществ.

Положение переселившихся бедняков-ногайцев в Турции было крайне тяжелым. На пароходах из-за большой скученности и антисанитарных условий вспыхивали эпидемии чумы, холеры, тифа. Турецкое правительство не разрешало этим судам входить в турецкие порты. Ногайцы гибли тысячами, а те, кому удалось добраться до Турции, были поселены в специальных резервациях, где они должны были выдерживать карантин.

Ни земель, ни денег ногайцы в Турции не получили. С 1860 года они стали возвращаться в Россию. За 5—6 лет вернулось более двух с половиной тысяч человек. 26 июня 1861 года в кабинете министров обсуждался вопрос: куда отправлять возвращающихся ногайцев, так как их прежние земли уже были заняты. Было предложено поселить их на Дону, но командующий Донским войском категорически отверг это предложение, так как в этом случае были бы ущемлены привилегии Донского казачества. Поселить ногайцев в более отдаленные места от Кавказской области было трудно, так как они возвращались в Россию через черноморские порты и сразу же направлялись на свои прежние места. Тогда решено было поселить их в 2-х оставшихся ногайских приставствах ⁴⁶. Теперь они уже не владели, как прежде, обширными плодородными землями, и не могли вести хозяйство в прежних размерах.

⁴³ Ставропольские губернские ведомости, 1883, № 8.

⁴⁴ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 61, лл. 90.

⁴⁵ ГАСК, ф. 249, оп. 4, е. х. 80, л. 1.

⁴⁶ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 61, лл. 91—94.

Процесс классовообразования в Ногайской орде начался еще в XV веке. Во главе орды стоял хан, а во главе каждого улуса — мурза. С распадом Ногайской орды на несколько орд, во главе каждой орды стал князь. В 1608 году ногайские мурзы на своем съезде «приговорили на том, что владеть ему, князю мурзами, а мурзам владети своими улусными людьми, и где велят быти в походе улусным людям он, князь, и мурзы и им туды ходить, самим улусным людям без его княжевой и без мурзина ведома никауда ни ходити. А кто поyleт в войну или в какие добычи без их ведома, ими тех людей избы и животы прабити и из улусов их выбивати, а тем людям против их быти безответными»⁴⁷.

Мурзы находились в зависимости от князей, получали от них в управление улусы, но чаще право на управление улусом передавалось по наследству.

К классу эксплуататоров относилось и духовенство.

Существовало у ногайцев домашнее рабство, причем не только в XVI веке, как отмечают некоторые историки, но и в XIX веке. В 1808 году один богатый ногаец подал прошение на имя главного пристава с просьбой разыскать сбежавшего от него ясыра (раба)⁴⁸. Князья и мурзы владели большим количеством скота, за которым ухаживали за определенную плату бедные ногайцы.

С процессом классовообразования шел процесс и имущественной дифференциации. В руках одних скапливались огромные богатства, другие же, разоряясь, попадали в экономическую зависимость от своих мурз. Они вынуждены были наниматься к ним пастухами и кочевать вместе с ними. Постепенно свободные бедные ногайцы превращались в зависимых. Ногайцы не имели права перекочевывать со своим скотом без разрешения мурзы, в пользу которого они должны были отбывать определенные повинности.

Нужно отметить, что процесс классовообразования не у всех ногайцев развивался одинаково. Наиболее бурно этот процесс происходил у кубанских ногайцев. К 60-м годам XIX века они уже были разделены на шесть сословий: мурзы, султаны (крупные дворяне), уздени (кайбаши) — мелкое дворянство; азаты — свободные крестьяне; джоллуккулы — крепостные крестьяне; джолсыскулы — рабы, особое место занимало духовенство. К этому времени уже не стало князей, и положение мурз значительно изменилось. Как отмечалось выше, у ногай-

⁴⁷ Акты времени правления царя Василия Шуйского, М., 1914, стр. 167.

⁴⁸ Гос. архив Чечено-Ингушской АССР, ф. 63, оп. 3, е. х. 62, л. 1.

цев наблюдался процесс имущественной дифференциации, а поэтому все большее влияние начинают оказывать богатые ногайцы, которые и не принадлежали к сословию мурз и султанов. Сосредоточив в своих руках огромные табуны лошадей и стада крупного рогатого скота, богатые ногайцы оказывали влияние даже на мурз, которым они раньше подчинялись. Постепенно власть мурз и султанов становилась номинальной, так как большинство мурз и султанов к XIX веку уже обеднели и только в силу традиций простые ногайцы доставляли мурзам с каждого дома 2 мерки проса, арбу сена и арбу дров. Примерно в таком же положении находилось и большинство султанов. Уздени же обычно жили при мурзах и составляли их личный конвой, они находились в полной зависимости от мурз. С падением власти и влияния мурз, уздени обычно ничем не отличались от свободных ногайцев — азатов, которые составляли большинство ногайского общества⁴⁹.

У других ногайцев процесс классобразования не проявлялся столь резко. Елисанцы, едишкульцы и касаевские ногайцы делились на четыре сословия: мурзы, простые ногайцы, рабы (ясыри) и сеиды («потомки пророка») — их было всего 6 семейств⁵⁰.

Джамбойлуковцы делились на два сословия: мурзы и простые ногайцы. Так, пристав Калаусо-Джамбойлуковского приставства в 1824 году писал в своем рапорте, что среди ногайцев нет узденей и рабов, имеется 7 мурз и 42 человека духовного звания, а остальные — свободные ногайцы⁵¹.

А пристав Ачикулак-Джамбойлуковского приставства сообщает, что ногайцы этого приставства «по сословиям делется на мурз и простолюдинов»⁵².

Особо следует выделить караногайцев. Они больше других ногайцев сохранили черт патриархально-родового быта. У них не было привилегированного сословия, не было у них ни мурз, ни султанов, ни узденей, общество состояло из свободных караногайцев и духовенства. Однако, нужно отметить, что с начала XIX века у них также происходит процесс имущественной дифференциации, который привел к выделению из общей массы караногайцев богачей, которые эксплуатировали бедных караногайцев и покупали для себя рабов. Так, в начале XIX века раб-мужчина стоил 200 рублей, а женщина — 100 рублей. Рабов в караногайцев было немного. По своему характеру это было домашнее рабство.

⁴⁹ См. статью «Ногайцы» Алексеевой Е. П. в сборнике «Народы Карачаево-Черкесии», Ставрополь, 1957, стр. 130—131.

⁵⁰ Акты Кавказской археологической комиссии, т. VIII, стр. 773, Тифлис, 1881.

⁵¹ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 163, л. 45.

⁵² Гос. архив Чечено-Ингушской АССР, ф. р-69, оп. 3, е. х. 16, лл. 1—6.

По истечении ряда лет работы у хозяина раб получал свободу и мог поселиться в этом же ауле и пользоваться правами наравне с свободными караногайцами.

Ногайцы были кочевники-скотоводы. Они перекочевывали с места на место в поисках корма для скота. На зиму корм для скота не заготовливали и скот круглый год находился под открытым небом, добывая себе корм в степи. Благополучие ногайцев целиком зависело от природы. В знойные летние дни обычным явлением был массовый падеж скота, из-за отсутствия воды. Еще большим бедствием были суровые и продолжительные зимы, в это время ногайцы теряли почти весь скот и становились байгушами, т. е. бродягами.

Так, зима 1824—25 годов была очень суровая. Начался массовый падеж скота, так как заготовленных кормов не было, а скот не мог добывать себе корм из-под толстого слоя льда и снега. В Ачикулак-Джамбойлуковском приставстве в этом году пало 11538 лошадей, 14658 голов крупного рогатого скота и 19613 овец⁵³. В Калаусо-Джамбойлуковском приставстве погибло 3826 лошадей (осталось 2633 лошади), 19400 голов крупного рогатого скота (осталось 9962 голов) и 15534 овцы (осталось 6274 овцы)⁵⁴. У караногайцев и едишкульцев погибло 22257 лошадей, 37265 голов крупного рогатого скота и 91818 овец⁵⁵.

Ногайцы Калаусо-Саблинского и Бештау-Кумского приставства к этому времени были уже полuosедлыми и занимались наряду со скотоводством и земледелием. Жили они в саклях, для скота устраивали загоны и заготовливали небольшое количество сена на случай суровой зимы. Летом они перекочевывали вместе со скотом на летние пастбища и жили в кибитках. Бедствия зимы 1824—25 годов их коснулись в значительно меньшей степени.

Кубанские ногайцы по образу жизни и хозяйству значительно отличались от других ногайцев. Они издавна, примерно с XVII века, занимались земледелием, скотоводство у них было, но оно не играло особой роли.

Различие в хозяйстве привело, конечно, к различию и в других областях их жизни — в степени развития ремесел, в типах жилищ и т. п.

Занятие кочевым скотоводством не могло обеспечить ногайцам даже минимально нормальных условий жизни, так

⁵³ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 352, л. 11.

⁵⁴ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 352, л. 17.

⁵⁵ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 352, л. 22.

как периодически повторяемые стихийные бедствия уносили огромное количество скота, и многие ногайцы были обречены на голодную смерть.

В донесениях приставов за 1844—1845 годы указывалось, что опять суровая зима унесла большую часть скота ногайцев⁵⁶.

Ногайцев прежде называли вымирающим народом, так как из года в год резко сокращалась их численность. Так, например, в Ачикулак-Джамбойлуковском приставстве кочевало в 1841 году 11110 человек⁵⁷, через 8 лет в этом приставстве насчитывалось 8547 человек, а в 1863 году осталось 7560 человек⁵⁸. Приведем данные о сокращении численности караногайцев. В 1862 году их было 40 тысяч человек; в 1872 году — 38 тысяч; в 1882 году — 35 тысяч; в 1898 году — 29,3 тысячи; в 1902 году — 29 тысяч и в 1912 году — осталось 26,5 тысяч⁵⁹. Всего в Российской империи в 1875 году было 95 тысяч ногайцев, из них 87 тысяч в Ставропольской губернии⁶⁰. Общая численность ногайцев к 1879 году уменьшилась на 15 тысяч, а к 1917 году их осталось всего 35 тысяч человек⁶¹.

Чтобы предотвратить вымирание ногайцев, необходимо было изменить их образ жизни и привить им навыки земледелия, предоставить им более плодородную землю и увеличить территорию под пастбищами.

Царское правительство предпринимало попытки сделать ногайцев оседлыми, приучить их к земледелию. В начале XIX века приставом у ногайцев был назначен французский эмигрант граф де-Мезон. По его распоряжению в 1821 году при устье реки Обыточной был основан город Ногайск; ногайцев насильно поселяли в этом городе: кибитки сжигали, а их самих расселяли в домах и заставляли заниматься земледелием. Совершенно ясно, что эта затея ни к чему не привела. Царские чиновники считали ногайцев ленивыми и этим объясняли их нежелание заниматься земледелием, которое требует значительно большего труда, чем скотоводство.

Совершенно естественно, что ногайцы не имели навыков по обработке земли, так как были скотоводы-кочевники, но, конечно, не это было главной причиной, а главная причина была в том, что у ногайцев было мало плодородной земли. Под ногайские приставства была отведена почти безводная полупустыня.

⁵⁶ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 4006, лл. 25—35.

⁵⁷ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 3490, л. 8.

⁵⁸ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 42, л. 109.

⁵⁹ См. ст. Капельгородского Ф. И. «Караногай» (в записках Терского общества любителей казачьей старины, № 10, 13—14).

⁶⁰ Географико-статистический словарь Российской империи, т. V, вып. 1, СПб, 1875 г.

⁶¹ См. журнал «Природа и люди», 1879, № 6.

Наиболее плодородные земли занимали кубанские ногайцы Калаусо-Саблинского и Калаусо-Джамбойлуковского приставства⁶². Что касается караногайцев и ногайцев Ачикулак-Джамбойлуковского приставства, то они находились в очень тяжелом положении, которое еще больше ухудшилось после переселения на их территорию ногайцев из других приставств.

Приведем выдержку из характеристики территории этих двух приставств, данную агрономом в XIX веке: «Одной из главнейших к тому причин (речь идет о кочевом образе жизни ногайцев и об отсутствии земледельцев среди них—Л. К.) служит безводие и крайняя непроизводительность почвы, как и вообще вся караногайская степь составляет самое бесплоднейшее и безводное пространство губернии; здесь едва возможно прокармливать незначительное число скота».⁶³

Как указывалось ранее, с открытием Кавказского наместничества, когда на Кавказ хлынул поток переселенцев, положение ногайцев стало еще хуже, так как у них были отобраны и последние участки плодородной земли, расположенные по побережью Каспийского моря и по рекам Терек и Калаус.

С созданием Кавказской укрепленной линии началось также массовое переселение на Кавказ казаков с Дона, которые также стали притеснять ногайцев, пользуясь их незащищенностью и неграмотностью.

В 1812 году была создана комиссия по размежеванию земель караногайцев и казаков, живущих по реке Терек. Казачьим начальникам было выделено по 300 десятин удобной земли, старшинам — по 60 десятин, простым казакам выделялось по 30 десятин удобной земли.

В заключении комиссия написала, что оставшуюся землю «удобную и неудобную отдать в непосредственное владение караногайцам и трухменцам»⁶⁴. Но удобной земли оставалось очень мало. Территория, отведенная под кочевья ногайцев, была безводной, необходимо было решить проблему обводнения Караногайской степи.

В 1802 году отставной капитан Новицкий подал на имя императора проект строительства канала, соединяющего реку Кума с Каспийским морем. На старых картах река Кума впадала в Каспийское море, но затем ее русло стало заноситься песком и в XVIII веке она уже не доходила до моря.

⁶² Как отмечалось уже раньше, эти два приставства были в 1861 г. упразднены и затем отданы в удельное ведомство.

⁶³ Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, вып. II, Ставрополь, 1863, стр. 106.

⁶⁴ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, т. V, стр. 853, Тифлис, 1873.

Новицкий предлагал восстановить прежнее русло Кумы. Он писал: «От этой реки можно взять часть течения и оросить на Кизлярской степи несколько тысяч десятин земли, то через год кизлярские жители и кочующие ногайцы могут произвести знатное хлебопашество, а со временем может тут быть селения, ибо сии места безводны, теперь пусты и дикопорозжи»⁶⁵.

Новицкий не получил ответа, но через два года он вновь подает свой проект и опять ответа не последовало.

Вопрос о наделе ногайцев землей ставился многократно, так как даже царские чиновники и генералы признавали «полезность ногайцев обществу» и считали положение ногайцев очень тяжелым.

Генерал Ермолов в 1818 году писал:

«Обозревая границы наши, против владений чеченских лежащие, вижу я не одну необходимость оградить себя от нападений и хищничества, но усматриваю, что от самого Моздока и до Кизляра поселенные казачьи полки... и кочующие караногайцы, богатым скотоводством полезные государству и перевозкой на весь левый фланг линии доставляемого из Астрахани морем провианта, приносящие величайшую казне пользу, по худому свойству земли не только не имеют ее для скотоводства избыточного ниже для хлебопашества достаточно, и что единственное средство доставить им выгоды и с ними совокупить спокойствие и безопасность есть занятие земель, лежащих по правому берегу реки Терек»⁶⁶. Предложение Ермолова не было принято и караногайцы продолжали кочевать на территории 800 тысяч десятин, из которых большая часть представляла солончаки и сыпучие пески.

Весной Караногайская степь покрывалась травой и скот находил себе корм в степи; летом же трава вся выгорала и добывать корм скоту было очень трудно. После осенних дождей степь покрывалась травой, которую овцы и лошади съедали в течение 2-х месяцев и к зиме травы уже не оставалось.

Караногайцы вынуждены были отгонять свои отары на зиму на земли помещиков, которые владели землями, ранее принадлежавшими караногайцам. Караногайцы платили за это им оброк, примерно, 30 тысяч рублей в год⁶⁷.

Однако, на ногайских землях летом помещики пасли до 30 тысяч голов своего скота и за это они не платили караногайцам ни копейки.

⁶⁵ Акты, собранные археологической комиссией, т. II, стр. 1056, Тифлис, 1868.

⁶⁶ Акты, собранные археологической комиссией, т. VI, ч. 2, Тифлис, 1875, стр. 795.

⁶⁷ Там же, стр. 605.

В 1835 году управляющий Кавказской областью генерал Вельяминов собрал сведения о кочующих народах и о их благосостоянии. На основании полученных данных он составил проект о переводе ногайцев к оседлости и о приобщении их к земледелию. В этом проекте Вельяминов отмечал, что это единственное средство спасти народ от вымирания. Проект был подан на имя императора, но благим намерениям Вельяминова не суждено было осуществиться, так как на его проекте была резолюция императора «Зачем?»⁶⁸.

Царское правительство не было заинтересовано в сохранении народа. В последующие годы было создано несколько комиссий для решения земельного вопроса ногайцев, но до конца он так и не был решен. За пользование полупустынной и безводной степью караногайцы и ногайцы Ачикулак-Джамбойлуковского приставства облагались большими повинностями. Они должны были перевозить грузы на левый фланг Кавказской линии, добывать соль на Можарских соляных озерах и т. д. В 1807 году 120 ногайцев Ачикулак-Джамбойлуковского приставства были отправлены на работу на Можарские озера. Добыча соли производилась вручную, условия жизни были нечеловеческими. Вспыхнула эпидемия тифа. Ногайцы отказались работать и вернулись домой. За отказ от работы пристав наложил на них большой штраф, но так как они не могли его уплатить, то у них конфисковали весь скот, народ был обречен на голодную смерть.

Караногайцы отбывали натуральную повинность, торговля у них была развита слабо, денег они не имели. Однако, царские чиновники определяли размеры этой повинности, исходя из определенной суммы налога, установленного для всех ногайцев. Для наглядности приведем данные о размерах повинностей, которыми они были обложены за период с 1823 по 1826 год⁶⁹.

В 1823 году караногайцы должны были исполнять следующие повинности: содержать почтовую станцию с 17 парами лошадей, что стоило обществу 13600 рублей; доставить 30014 четвертей казенного провианта на левый фланг Кавказской линии, на что потребовалось 7503 арбы и стоило обществу 7503 рублей; поставить 50 арб для перевозки груза из Екатеринодара в новую крепость в Кабарде, это стоило обществу 12 тысяч рублей; выделить на строительство дороги 4 арбы, что стоило обществу 800 рублей.

Общая сумма повинностей караногайцев в 1823 году сос-

⁶⁸ Там же, т. VII, стр. 772, Тифлис, 1878.

⁶⁹ Размеры повинности распределялись по приставствам или по народам, поэтому и здесь мы приведем данные также по приставствам и народам.

тавляла 101430 рублей, в 1824 году — 67800 рублей; в 1825 году — 71275 рублей; в 1826 году — 57100 рублей⁷⁰.

Едишкульцы должны были в этом же году содержать Кумскую почтовую станцию с шестью парами лошадей, это стоило обществу 6 тысяч рублей; развести провиант в 12 тысяч четвертей, для этого потребовалось 3 тысячи арб и стоило 30 тысяч рублей; перевезти груз в новую крепость в Кабарде, эта повинность стоила 7200 рублей; выделить для строительства дороги 2 арбы, что стоило 400 рублей.

Сумма всех повинностей едишкульцев в этом году составляла 43600 рублей, в 1824 году — 32600 рублей; в 1825 году 91160 рублей; в 1826 году — 25630 рублей.

Нужно отметить, что в 1823 году едишкульцев было 1534 кибитки, а отбывали повинность только 1125 кибиток, т. е. семейств, 409 семейств мурз, старшин и духовенства были освобождены от повинностей⁷¹.

Едисанцы и джамбойлуковцы отбывали в 1823 году следующую повинность: содержали почтовую станцию с шестью парами лошадей, развозили 10 тысяч четвертей казенного провианта, на что потребовалось 2500 арб; перевозили груз в новую крепость в Кабарде и должны были выделить несколько арб на строительство дороги. В 1823 году эти повинности выражались в сумме 36320 рублей, в 1824 году — 25200 рублей, в 1825 году — 25915 рублей и в 1826 году — 20420 рублей.

Едисанцев и джамбойлуковцев насчитывалась 1481 кибитка, из них отбывали повинность 1175 семей⁷².

Ногайцы Калаусо-Саблинского и Бештоу-Кумского приставства в 1823 году были обложены повинностями на сумму 15540 рублей, в 1824 году — 41605 рублей, в 1825 году — 47025 рублей, в 1826 году — 12500 рублей. Всего в этом приставстве было 1367 семей, а отбывали повинность 1006 семей⁷³.

В 1823 году ногайцы Калаусо-Джамбойлуковского приставства были обложены повинностями на сумму 3240 рублей, в 1824 году — 12909 рублей; в 1825 году — 12813 рублей; в 1826 году — 12813 рублей. В этом приставстве было 1632 семьи, из них 1413 семей отбывали повинности⁷⁴.

Ногайцы часто жаловались главному приставу, что повинности распределяются несправедливо, богатых освобождают

⁷⁰ С 1824 по 1826 г. повинность была несколько уменьшена в связи с тем, что в суровую зиму 1824—25 годов караногайцы потеряли почти половину своего скота.

⁷¹ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 820, лл. 20—28.

⁷² ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 820, лл. 29—31.

⁷³ Там же, лл. 30—34.

⁷⁴ Там же, лл. 34—38.

от повинностей, а на долю бедняков приходится большая часть ее.

В 1825 году ногайцы Ачикулак-Джамбойлуковского приставства подали жалобу, в которой писали, что их пристав освободил от повинности всех богатых и не допускает народ к свободному выбору духовенства и аульских старшин⁷⁵.

В 30—40 х годах XIX века размеры повинностей значительно возросли, хотя в это время происходит сокращение численности ногайцев, в связи с их частыми переселениями в Турцию.

Ногайцы Калаусо-Джамбойлуковского приставства в 1823 году отбыли повинность на сумму 3240 рублей, а в 1839 году — на 32032 рубля⁷⁶. Ногайцы Калаусо-Саблинского и Бештау-Кумского приставства в 1823 году были обложены повинностью на сумму 15540 рублей, а в 1839 году — на 34548 рублей⁷⁷. Непосильные повинности разоряли ногайцев, лишали их возможности вести свое хотя бы небольшое хозяйство. В связи с этим царское правительство вынуждено было пересмотреть существующую систему повинностей.

В 1860 году Комиссия для обозрения магометанских народов Кавказской области предложила заменить натуральную повинность денежной и исчислять ее не по кибиткам (семьям), а по количеству скота. Были установлены следующие размеры обложения: с одного верблюда — 1 рубль, с коровы и лошади — 40 копеек и 5 копеек с овцы⁷⁸.

Денежный сбор должен был определяться суммой расходов, предусмотренных на год для каждого куба. Затем эта сумма должна раскладываться по количеству скота на каждую семью. Следовательно, размер денежной повинности должен был устанавливаться ежегодно. Но с введением денежной повинности положение ногайцев ухудшалось, так как с них собирали денег в несколько раз больше, чем тратили на их общественные нужды. Тогда было предложено «излишки» направлять в общий магометанский канибал.

Однако, комиссия указывала, что от налога освобождаются: духовенство, мурзы и все аульское начальство, т. е. те, кто имел наибольшее количество скота.

Так, в 1863 году караногайцы уплатили налог в размере 28441 рубля 90 копеек⁷⁹, едишкульцы — 9625 рублей 65 копеек⁸⁰, ногайцы Ачикулак-Джамбойлуковского приставства — 4734 рубля 10 копеек⁸¹.

⁷⁵ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 730, лл. 5—7.

⁷⁶ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 3341, лл. 5—8.

⁷⁷ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 3341, лл. 30—35.

⁷⁸ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 23, л. 147.

⁷⁹ ГАСК, ф. 249, оп. 1, е. х. 11, л. 82.

⁸⁰ Там же, л. 98.

⁸¹ Там же, л. 101.

Резкое сокращение налоговых сборов объясняется тем, что за период с 1858 по 1862 годы большая часть ногайцев переселилась в Турцию и количество скота сократилось вдвое. Ногайцы, возвратившиеся обратно, вообще не имели скота. Кроме того, переселение их в оставшиеся приставства привело к сокращению скота в Караногайском и Ачикулакском приставствах, т. к. нехватало кормов для скота. Увеличение населения в этих приставствах привело к ухудшению и без того тяжелого положения местных ногайцев.

Кроме этого налога, ногайцы платили воинский налог, так как они были освобождены от рекрутского набора.

В 1861 году началась подготовка к проведению реформы среди ногайцев.

Главный пристав кочующих народов в Ставропольской губернии разослал частным приставам анкеты, в которых имелся следующий пункт: «Не было ли примеров, чтобы кому либо из ачикулакских ногайцев присвоены были личные права: дворянства, почетного гражданина, права службы по определению от правительства, а равно службы по выборам. Нет ли также примеров, чтобы признаны и утверждены были имущественные за кем права, т. е. права владения землями, населенными или ненаселенными; остаются ли еще какие-либо сословия или общества и сколько именно душ не получивших еще утверждения того или другого права, обсуждаются ли и где?»⁸².

Пристав Ачикулакского приставства отвечает: «В ачикулак-джамбойлуковском и едисанском народах ничего подобного нет»⁸³. Земля у ногайцев в Ачикулакском и в Караногайском приставствах не была собственностью какой-либо семьи, она принадлежала юридически всему обществу, хотя фактически лучшие земли богатые ногайцы захватили под пастбища для своих огромных отар овец и табунов лошадей.

Существовавшая у кубанских ногайцев резкая сословная дифференциация привела к фактическому закреплению земель за семьями мурз и султанов, которые стали считать землю своей собственностью, хотя многие из них не имели юридических свидетельств на владение землей, и на этой почве происходили частые столкновения между мурзами и простыми ногайцами.

Крайняя запутанность земельных отношений среди ногайцев привела к тому, что нужно было безотлагательно начать проведение в жизнь земельной реформы. С 1862 года началось межевание земель. Лучшие земли были отобраны у местного населения и розданы царским чиновникам и генералам. Так, командующий войсками Кубанской и Терской

⁸² ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 42, л. 2 (об).

⁸³ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 42, л. 2.

областями получил 10666 десятин лучшей земли. Ногайцы были разделены на категории. К первой категории относились мурзы, султаны, которые получили огромные наделы земли и она становится их частной собственностью. Ко второй категории относились уздени, землю они получали в семейное владение, им отводилось на семью 100—120 десятин земли и сверх того они получали на каждого члена семьи мужского пола по 30 десятин земли. В третью категорию входили простые свободные ногайцы. Землю они получали в общинное пользование, из расчета 7 десятин на душу мужского пола.

Земельная реформа у кубанских ногайцев была проведена значительно быстрее, чем в Караногайском и Ачикулакском приставствах, так как проведение земельной реформы в последних было тесно связано с переходом ногайцев к оседлости и к занятию земледелием.

В первой половине XIX века почти все ногайцы стали заниматься земледелием в очень ограниченных размерах, исключение составляли караногайцы, они все еще оставались кочевниками-скотоводами.

Так, например, едишкульцы в 1829 году посеяли озимой пшеницы 109 четвертей и 39 четвертей проса⁸⁴. Ногайцы Ачикулак-Джамбойлуковского приставства в 1839 году посеяли озимой пшеницы 188 четвертей⁸⁵.

При проведении земельной реформы царское правительство объявило о том, что земельные наделы будут получать ногайцы, которые поселяться оседло и начнут заниматься земледелием. Бедняки-ногайцы согласились перейти к оседлости, но этому всячески препятствовали богатые ногайцы. Они эксплуатировали ногайскую бедноту, используя ее в качестве пастухов за очень низкую плату, с переходом же бедняков-ногайцев к оседлости и земледелию они лишались дешевой рабочей силы. Царское правительство было заинтересовано в переводе ногайцев к оседлости, так как это облегчало управление ими и позволяло с большой точностью собирать с них налоги.

В январе 1862 года в Ачикулакском приставстве происходили сходы, на которых решался вопрос о переходе к оседлости. Большинство ногайцев было согласно перейти к оседлости, только один Кангалынский куб не присоединился к этому решению⁸⁶.

В этом же году было построено в приставстве около тысячи домов, на постройку дома выдавалось 10 рублей из об-

⁸⁴ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 1330, лл. 18—24. Одна четверть пшеницы равна 165 кг.

⁸⁵ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 1330, лл. 25—30.

⁸⁶ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 55, л. 18.

щественного магометанского капитала⁸⁷. В Караногайском приставстве к оседлости решили перейти только 150 семейств⁸⁸.

Переход к земледелию совершался более медленно, сказывалась многовековая привычка к скотоводству, полное отсутствие навыков по обработке земли; не было сельскохозяйственных орудий, а главное — природные условия были мало пригодны для земледелия. В 1879 году ногайскую степь обследовал агроном Кузьмин, он писал в своем отчете: «Я не хочу сказать, что вся степь ногайская может быть в настоящее время занята оседлыми поселениями, а тем более русскими поселенцами, ищущими земель привольных и хлебодородных. Нет, ногайская степь далеко не рай земной, русским поселенцам там придется очень туго, так что они оттуда, пожалуй, разбегутся»⁸⁹. На основании заключения Кузьмина о состоянии и распределении земли, было отведено под оседлые поселения в Ачикулакском приставстве 96360 десятин, в Караногайском — 49639 десятин. Под кочевья в Ачикулакском приставстве — 194405 десятин, а в Караногайском — 955206 десятин⁹⁰.

Развитию земледелия в этих приставствах препятствовало и отсутствие воды. Мы уже отмечали, что вопрос об обводнении и орошении Прикаспийской низменности ставился уже раньше, но так и не был решен. В 1878 году инженер Данилов представил проект сооружения судоходного Манычевского канала. Постройка этого канала дала бы возможность оросить и обводнить значительную часть Прикаспийской низменности. На осуществление этого проекта необходимо было ассигновать определенную сумму, на что царское правительство не пошло.

Позже инженерами Ныrkовым и Веселовским был разработан проект орошения степи путем строительства Терско-Кумского канала с использованием для этого вод реки Терек. Судьба этого проекта была такой же, как и предыдущих.

Ногайцы пользовались водой из колодцев (копани), которая часто была горько-соленой. Из-за плохого качества воды и антисанитарных условий содержания этих колодцев часто вспыхивали эпидемии среди населения, а в знойные летние дни из-за недостатка воды гибли тысячи голов скота. Только в 1904 году по решению ногайского общества в Ачикулакском приставстве был заложен первый артезианский колодец.

⁸⁷ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 118, л. 113.

⁸⁸ ГАСК, ф. 249, оп. 2, е. х. 55, л. 114.

⁸⁹ Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1881, вып. IX, стр. XVII.

⁹⁰ Там же, стр. XVIII.

Бурение артезианских колодцев стоило очень дорого, так как бурить нужно было от 100 до 150 сажень, чтобы получить хорошую питьевую воду. Сооружение колодцев шло за счет общества, каждый колодец стоил от 3 до 5 тысяч рублей. Конечно, артезианских колодцев было очень мало.

В 1907 году в Ачикулакском приставстве было всего 7 артезианских колодцев. В Караногайском приставстве первый артезианский колодец был заложен в 1913 году, при ставке Терекли-Мектеб.

Но несмотря на неблагоприятные условия, ногайцы в конце XIX века все больше начинают заниматься земледелием. Этот переход был совершенно закономерным явлением, так как кочевое скотоводство часто не обеспечивало даже того ничтожного прожиточного минимума. В суровую зиму 1885 года погибла почти половина скота у ногайцев Ачикулакского и Караногайского приставств.

В 1890 году была эпидемия чумы, которая также унесла несколько тысяч голов скота.

Переходя же к оседлости, ногайцы стали заготавливать сено на случай голодной зимы и строить загоны для скота. Караногайцы больше других ногайцев оставались кочевниками-скотоводами.

В 1882 году в Караногайском приставстве было посеяно только 27 четвертей озимой пшеницы и 230 четвертей ржи.

Необходимо отметить, что количество скота у караногайцев во второй половине XIX века резко сократилось. Это объясняется следующими причинами: во-первых, к этому времени лучшие ногайские земли находились уже в руках русских помещиков, а это привело к значительному сокращению пастбищ; во вторых, часть караногайцев переселилась в Турцию, либо готовились к переселению и продали свой скот.

Приведем некоторые данные о сокращении поголовья скота в Ачикулак-Джамбойлуковском и в Караногайском приставствах.

Ачикулак-Джамбойлуковское приставство

	1882 г.	1892 г.	1902 г.
Лошадей	8198	7766	9365
Крупного рогатого скота	25581	16715	23338
Овец и коз	50633	40085	46158 ⁹¹

⁹¹ Данные взяты из «Обзоров Ставропольской губернии...» за период с 1882 по 1892 годы.

Караногайское приставство

Лошадей	24200	18773	17306 ⁹²
Крупного рогатого скота	20771	15340	
Овец и коз	132878	100454	

В 1864 году ногайский пристав писал в отчете, что «самая верная будущность народов — это повсеместное уничтожение скотоводства, уменьшение народонаселения и упадок нравственности. Если принять во внимание кочевую жизнь за столетия назад, то мы увидим, что ногайцев и их скотоводства было вдвое больше против настоящего...»⁹³.

Единственный выход был в увеличении в ногайских приставствах количества плодородной земли, т. е. нужно было вернуть ногайцам их прежние земли. Ногайцы обращались с этой просьбой к ставропольскому губернатору, но эта просьба не была удовлетворена.

16 апреля 1888 года Караногайское приставство было передано в Терскую область, но положение караногайцев от этого не улучшилось.

Во главе управления Караногаем был поставлен военный чиновник, на правах начальника участка, но с особыми полномочиями, формально он подчинялся атаману Кизлярского отдела, но имел право и непосредственно обращаться в областное правление. В его распоряжении было два помощника, штат канцелярии, 19 переводчиков и посыльных. Инструкция весьма неясно определяла права и обязанности начальника Караногайского участка. Это была весьма доходная должность. Многие начальники, пользуясь неграмотностью караногайцев, присваивали себе общественные деньги. Даже бюджетная комиссия III Государственной думы вынуждена была заняться разбором дела о хищении караногайского общественного капитала. Этот капитал хранился в депозитах военного ведомства и расхищался самым бессовестным образом, а караногайцы в это время вымирали в безводной степи без медицинской помощи, без школ.

В результате этого расследования общественные караногайские деньги были перечислены в распоряжение заместника кавказского, и несколько чиновников из военного ведомства были отданы под суд за хищение.

Бедственное положение вынудило ногайцев выразить желание поселиться оседло и заняться земледелием, так как большинство караногайских семей почти не имело скота.

Во второй половине XIX века у караногайцев стали довольно быстро исчезать черты патриархально-родового строя.

⁹² См. статью «Караногай» Капельгородского Ф. И. (Записки Терского общества любителей казачьей старины, 1914, № 10).

⁹³ ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 42, лл. 148—149.

Огромные табуны лошадей и отары овец были сосредоточены в руках кучки богачей, которые эксплуатировали ногайскую бедноту, не имевшую уже своего скота. В 1874 году в Караногайском приставстве кочевало 35353 человека, из них 1178 семейств (что составляло 22% от общего населения) не имело ни одной лошади, от 20 до 50 лошадей имело 99 семейств, от 50 до 100 лошадей — 61 семья, и от 101 до 200 лошадей — 15 семейств. В этом же приставстве было 95213 овец. 70% караногайских семейств не имело ни одной овцы, а 6% богатых караногайских семейств имело от 201 до 500 овец каждая и около 1% семейств владело от 2-х до 3-х тысяч овец⁹⁴.

Богачи составляли 4 процента от всего народа, а в их руках находилось 99% верблюдов, 70% лошадей, 40,9% крупного рогатого скота и 55% овец и коз. На долю остальных караногайцев приходилось 34% всего скота⁹⁵.

Этот процесс происходил, конечно, не только у караногайцев, такое же положение было у ногайцев Ачикулакского приставства и еще более резко он проявился у кубанских ногайцев. В 1885 году среди них было 1287 человек безлошадных, 2269 человек имело по одной лошади, 31 человек — от 2 до 25 лошадей, 31 человек — от 25 до 50 лошадей и незначительное число от 500 до 600 лошадей⁹⁶.

У ногайцев Ачикулакского приставства в 1874 году было 673740 овец, которые распределились следующим образом: 87% оседлых ногайских семей не имело овец, а среди кочующих ногайцев 70% ногайских семей также не имело ни одной овцы⁹⁷.

В 1897 году с 22 апреля по 14 мая в Караногайском приставстве работала комиссия, которая должна была заниматься распределением земли среди караногайцев, но земли караногайцы так и не получили. Члены комиссии решили, что нужно собрать еще дополнительные сведения о качестве почв Караногайской степи, о хозяйстве караногайцев и другие. Таким образом, решение земельного вопроса опять откладывалось на неограниченный срок.

В 1910 году начальник Терской области вновь назначил особую комиссию, которая должна была решить земельный вопрос и вопрос о переводе караногайцев к оседлости. Темпы работы этой комиссии были чрезвычайно медленны. В пер-

⁹⁴ Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1876, вып. VII.

⁹⁵ Капельгородский Ф. И. «Караногай» (в записках Терского общества любителей казачьей старины, 1914, № 10).

⁹⁶ См. ст. «Ногайцы» Алексеевой Е. П. (в сб. Народы Карачаево-Черкесии, Ставрополь, 1957, стр. 135).

⁹⁷ Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, вып. VII, Ставрополь, 1876 г.

вую очередь землю стали нарезать богатым караногайцам, они получили огромные наделы, так как количество земли нарезали пропорционально количеству скота. Таким образом, караногайцы, не имевшие скота, оставались по существу и без земли. Межевание затянулось вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Остался нерешенным для караногайцев и вопрос о переходе к оседлости. Большинство караногайцев еще в 1922 году были кочевниками, т. е. земли пригодной для земледелия было очень мало.

В 1836 году по плану, составленному землемером Суровкиным для сенатской комиссии, значилось земли, пригодной к земледелию, 11428 десятин 1602 сажени, «всемиловитеше пожалованной караногайскому обществу», а в 1912 году у караногайцев осталось земли, пригодной к земледелию, только 7 тысяч десятин⁹⁸.

В Ачикулакском приставстве переход к оседлости и к земледелию происходил значительно быстрее. К концу XIX века $\frac{1}{3}$ ногайцев уже перешла к оседлости и $\frac{2}{3}$ — вели полуоседлый образ жизни и занимались земледелием, хотя скотоводство продолжало играть главную роль в их хозяйстве.

В 1906 году состоялся сход джамбойлуковского и едишульского народов, на котором было принято решение — просить русское правительство оказать им помощь в связи с переходом к оседлости и выделить по 30 десятин пахотной земли на душу мужского пола⁹⁹. В начале 1907 года департамент государственных земельных имуществ создал землеустроительную партию, которая должна была изучить быт, условия землевладения, промыслы, а также произвести учет населения и скота у оседлых инородцев-магометан Ставропольской губернии. Это производилось с целью выработки земельных норм, которые могли бы быть приняты за основу при окончательном поземельном устройстве ногайцев. Все же «излишки земли» предполагалось изъять у ногайцев и передать русским переселенцам.

В 1907—1908 гг. стали нарезать участки земли для оседлых ногайцев из расчета по 7 десятин пашни на одного члена семьи мужского пола.

В пользовании полуоседлых ногайцев находилось 191489 десятин земли, из них удобной земли было 125507 десятин. Землепользование у полуоседлых ногайцев не регулировалось какими-либо нормами и правами. Пользование землей определялось положением аула: каждый аул пас свой скот в окрестностях, на сколько позволяло положение соседних аулов. Под пашни было отведено несколько участков, на которых могли сеять и ногайцы других аулов. Каждый мог

⁹⁸ Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1566, л. 29.

⁹⁹ Гос. архив Чечено-Ингушской АССР, ф. р-69, оп. 3, е. х. 18, лл. 1, 2.

засеять земли, сколько осилит, но осилить ногойцы могли незначительное количество, так как не было ни семян, ни сельскохозяйственного инвентаря, ни рабочего скота, земледелие велось самым примитивным образом. Продуктов земледелия не хватало для удовлетворения нужд семьи. И наличие в семье 3—4 голов скота также не обеспечивало семью продуктами. Бедняки-ногойцы уходили на заработки. Ногойцы издавна занимались отхожим промыслом, так как ни примитивное скотоводство, ни земледелие на неплодородной земле в безводной степи не могли обеспечить ногойцам даже полуголодного существования. Однако, уйти на заработки ногоец мог только с разрешения пристава, который выдавал увольнительный билет. Ногойцы занимались извозом, нанимались пастухами, работали на виноградниках и получали 30—40 копеек в день, примерно в два раза меньше, чем русские поденщики. Нанимались ногойцы ямщиками на почтовых станциях и получали 80—100 рублей в год¹⁰⁰.

Помощник Караногойского пристава писал в 1864 году о положении караногойцев-поденщиков: «От неурожая винограда, заработки ногойцев, работающих в садах огромными массами, были в текущем году весьма неудовлетворительными. Они возвратились в свои аулы почти с пустыми руками; многие работали из-за куска хлеба. Зимой, когда в окрестных местах всякие заработки прекращаются, ногойцы испытывают большие лишения, не сделав вовремя, на заработанные деньги месяца на три-четыре запаса калмыцкого чая и муки. Дай бог, чтобы по крайней мере зима не была продолжительна и жестока. По крайней мере этим хоть немного облегчить бы страдания несчастных байгушей» (ногойцев-батраков — Л. К.)¹⁰¹.

В 1881 году в Ачикулакском приставстве было выдано 9516 увольнительных билетов сроком от 2-х до 4-х месяцев. Ногойцы уходили в Кизляр и его окрестности, а также работали в поместьях у русских помещиков.

Ремесла у ногойцев были развиты очень слабо. Особое место занимают кубанские ногойцы, в XVIII веке среди них были кожевники, седельщики, скорняки, кузнецы. Позже получают распространение слесарное, плотничье, дубильное, шорное, сапожное и ювелирное ремесла. Естественно, что и торговля у кубанских ногойцев была развита значительно шире, чем у других ногойцев. Они вывозили свои товары в русские города — Екатеринодар, Ставрополь и др. Покупали же они хлопчатобумажные ткани, калмыцкий чай, соль, табак, металлическую посуду и др. товары.

¹⁰⁰ ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 3490, лл. 15, 16.

¹⁰¹ Рудановский А. Заметки о Кизлярском уезде, Кавказ, 1864, № 96.

У ногайцев Ачикулакского и Караногайского приставств домашние промыслы не поднялись до ремесла на заказ. Их хозяйство в первой половине XIX века было еще натуральным. Занимаясь скотоводством, ногайцы получали от своего хозяйства и пищу, и одежду, и жилье. Продукты, которых не было в хозяйстве, ногайцы выменивали на продукты животноводства. На Кавказской линии были созданы специальные меновые дворы. Многие авторы, описывая жизнь ногайцев в XVIII—XIX веках, отмечали, что деньги ногайцы часто употребляли в это время как украшения.

С каждым годом росло имущественное неравенство: отдельные семьи имели большое количество скота, который шел на продажу, владельцы огромных табунов поставляли лошадей для русских полков, находящихся на Кавказской линии, отправляли отары овец на ярмарки в города. Во второй половине XIX века были ликвидированы меновые дворы, а поэтому и бедные ногайцы вынуждены были продавать коров или овец, чтобы купить муку, соль, калмыцкий чай, гвозди, ситец и др. товары.

В 1864 году одна лошадь стоила 25 рублей, корова — 8—10 рублей, овца — 2 рубля, а ягненок — один рубль. Пшеница же стоила 50—80 копеек за один четверик (четверик пшеницы равен 21 кг) ¹⁰².

Бедный ногаец не мог обеспечить семью на весь год хлебом, так как для этого нужно было бы продать несколько коров, а большинство ногайских семей имело только по одной корове и не имело ни овец, ни лошадей.

У ногайцев были домашние ремесла — шорное, ковровое, ткацкое, но, в основном, эти изделия шли на удовлетворение своих потребностей, либо на обмен, так что ремесла не увеличивали доходов семьи, а были жизненно необходимы для нее.

Анализируя хозяйство ногайцев второй половины XIX века и начала XX века, можно сделать вывод, что оно постепенно теряло черты натурального хозяйства и довольно интенсивно приобретало товарный характер. Этому процессу, конечно, способствовало и проведение земельной реформы, которая привела к закреплению огромных земельных участков за богатыми ногайцами, создав им условия для увеличения поголовья скота. Правда, как уже отмечалось ранее, земельная реформа у ногайцев не была проведена до конца, но она положила начало землевладению среди ногайцев. В тесной связи с проведением земельной реформы стоял и вопрос о переходе к оседлости и земледелию. Решение двух последних вопросов шло очень медленно, это объяснялось

¹⁰² ГАСК, ф. 249, оп. 3, е. х. 1330, лл. 11—24.

рядом причин, но одной из главных был медленный темп и грабительский характер этой реформы.

В конце 1866 года был создан «Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах кавказских», который должен был подготовить проведение крестьянской реформы, исходя из основных принципов «Положения 19 февраля 1861 года».

Этот комитет разработал примерные условия освобождения крестьян, он установил сумму выкупа крестьян в зависимости от возраста. Бесплатно освобождались дети до 7 лет и крестьяне свыше 45 лет. С 7 до 8 лет выкуп был 20 рублей; с 8 до 9 лет — 30 рублей; с 9 до 10 лет — 40 рублей; с 10 до 11 лет — 55 рублей; с 11 до 12 лет — 95 рублей; с 12 до 13 лет — 120 рублей; с 13 до 14 лет — 160 рублей; с 15 до 35 лет — 200 рублей; с 35 до 38 лет — 150 рублей; с 38 до 44 лет — 100 рублей¹⁰³.

Для выкупа всех членов семьи и требовалась огромная сумма, так что крепостные ногайцы, как и другие народы Кавказа, имея формальное право на свободу, очень долго еще оставались крепостными.

Проведение этой реформы касалось, в основном, кубанских ногайцев, так как в Караногайском и Ачикулакском приставствах крепостных ногайцев не было. В этих приставствах было незначительное количество рабов (ясырей), которые должны были уплатить хозяину выкуп, после этого отработать два года и, получив половину имущества, которым они владели в момент выкупа, они становились свободными.

* *
*

Таким образом, в районах, заселенных ногайцами во второй половине XIX века и к началу XX века, происходили глубокие экономические и социальные процессы, связанные с постепенным, хотя и очень замедленным развитием капиталистических отношений, утверждалась оседлость, росло классовое расслоение.

Ногайцы, в своем большинстве, оставались кочевниками-скотоводами, земледелие очень медленно завоевывало себе место в хозяйстве ногайца. Здесь продолжали оставаться феодальные отношения со значительными пережитками родовых отношений. Ногайцы не прошли путь капиталистического развития, но проникшие капиталистические элементы в их жизнь привели к развитию торговли, к резкой имуществен-

¹⁰³ Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия, Черкеск, 1956, стр. 66.

ной дифференциации среди ногайцев, а это в свою очередь привело к еще большей эксплуатации ногайцев-бедняков.

Во второй половине XIX века и в начале XX века положение основной массы ногайцев резко ухудшается, и, как мы отмечали ранее, в этот период происходит сокращение количества скота у ногайцев, более 70% ногайских семей не имело ни одной овцы, однако скотоводство остается еще ведущей отраслью хозяйства ногайцев.

Численность ногайцев сокращалась из года в год. Положение ногайцев было чрезвычайно тяжелым, необходимо было принять радикальные меры и предотвратить вымирание народа, но, вместо реальных и необходимых мер для улучшения положения ногайцев, царские чиновники и их идеологи пытались обосновать «теорию» о закономерности вымирания ногайцев, по причине их неполноценности, ленности и тунеядства. Совершенно очевидно, что причины, приведшие ногайцев на грань вымирания, нужно было искать не в умственной отсталости и ленности, а в грабительской, колонизаторской политике царской России. Царское правительство подвергало неслыханной эксплуатации так называемые «малые народы окраин» и совершенно не заботилось об их экономическом и культурном развитии. Не биологическая неполноценность ногайцев, а условия, в которых они жили, привели к тому, что в начале XX в. они находились на самом низком уровне экономического и культурного развития.

АРХЕОЛОГИЯ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПЛЕМЕН ГОРНОГО ДАГЕСТАНА В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ.

Важность погребального обряда как ценного источника для изучения конкретного исторического процесса на той или иной территории в древности и средневековье неоднократно отмечалась в советской археологической науке¹.

Изучение погребального обряда племен горного Дагестана в бронзовом веке может способствовать освещению вопросов социальной организации общества, идеологических представлений, происхождения культуры его носителей, а также этнического развития. Однако специального исследования, посвященного погребальному обряду местных племен в бронзовом веке, до сих пор не имеется, хотя некоторые исследователи и затрагивали этот вопрос при изучении этой эпохи².

Цель настоящей статьи хотя бы частично восполнить этот пробел в археологическом изучении Дагестана³. В основу ее положены материалы Гинчинского могильника, обнаруженного в Гидатлинской долине в 1956 г.

Долина Гидатля находится в центральной части горного Дагестана. Она образована западными отрогами хребта Нукатль и рекой Гидерил-ор, впадающей в Аварское Койсу в 8 км от сел. Советское, вверх по течению. Очень благоприятные почвенно-климатические условия способствовали заселению долины с глубокой древности.

¹ См., напр., М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 133; Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, № 1, 1957 г.; его же. Древняя история Северного Кавказа., М., 1960, стр. 224.

² А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 52—59. Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. ҚС ИИМК, вып. 71, 1958, стр. 41—49; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. Уч. зап. ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 165; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (итоги и проблемы). Уч. зап. ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 338—345; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 25—37; М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы, МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 109—123.

³ Основные положения данной статьи были выдвинуты в плановой работе автора, выполненной в 1962 г.: РФ ИИЯЛ, д. № (Гинчинский могильник — памятник эпохи бронзы горного Дагестана).

Из археологических памятников, известных здесь в настоящее время, древнейшим является поселение у хутора Гинчи⁴. Характер жилища — в виде полуземлянки круглой формы, а также керамика сближают его с энеолитическими памятниками Дагестана. К последующему этапу, эпохе ранней бронзы, относится находящийся недалеко от поселения Гобский могильник⁵. Эпоху средней бронзы характеризуют многочисленные материалы Гинчинского могильника⁶. У нас имеются сведения о некоторых находках из Гидатля, относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа, а также средневековья. Все это свидетельствует о непрерывности исторического процесса на этой территории на протяжении длительного периода.

Памятники Гидатлинской долины, в частности Гинчинский могильник, наиболее ярко характеризуют то общее, что свойственно для культуры населения значительной части горного Дагестана, особенно в бронзовом веке. Отсюда и вытекает большая значимость этого района и его памятников для археологического изучения Дагестана.

Гинчинский могильник находится у одноименного хутора на правом берегу реки Гидерил-Ор, в 3-км к востоку от сел. Тидиб Советского района. Он расположен на сравнительно небольшом участке одной из сохранившихся нижних речных террас (рис. 1).

Могильник исследовался горными отрядами Дагестанской археологической экспедиции в 1956, 1959—62 гг.⁷.

В результате работ, проведенных в эти годы, здесь вскрыто 13 каменных склепов и 15 захоронений в глиняных сосудах.

Склепы представляют собой каменные сооружения, впущенные в толщу культурного слоя поселения эпохи энеолита. Судя по тому, что культурный слой поселения ко времени сооружения склепов уже был перекрыт слоем земли толщиной не менее 0,50 м., жизнь на нем прекратилась задолго до начала функционирования могильника.

Для сооружения склепов в рыхлом культурном слое поселения рылись котлованы необходимых размеров. В боль-

⁴ Поселение обнаружено Гинчинским отрядом ДАЭ в 1962 г.

⁵ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 25—36.

⁶ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. Уч. зап. ИИЯЛ, т. X, Махачкала, 1962, стр. 166—188.

⁷ См. М. И. Пиккуль. Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. (отчет) ч. 1, 1957, РФ ИИЯЛ, д. № 2311; Д. М. Атаев, М. Г. Гаджиев, М. Н. Погребова. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1959 г. 1960, РФ ИИЯЛ, д. № 2637; их же. Отчет о работе горного отряда в ДАЭ в 1960 г. 1961, РФ ИИЯЛ, д. № 2776; М. Г. Гаджиев. Отчет о раскопках Гинчинского могильника в 1961 г., 1962, РФ ИИЯЛ, д. № 2992. В 1962 г. раскопки могильника продолжал Гинчинский отряд ДАЭ.

Шинстве случаев культурный слой прорывался насквозь до подстилавшего его материального суглинка. Затем стенки котлована обкладывались необработанными, но тщательно подобранными друг к другу известняковыми или песчаниковыми плитами со следами окатанности, видимо их брали в русле реки Гидерил-ор, где они имеются в неограниченном количестве. Кладка стен производилась без применения скрепляющего раствора. Обычно плиты клались друг на друга горизонтально в несколько ярусов. Но в некоторых случаях для облегчения процесса основания стенок образованы вертикально поставленными плитами, выше которых кладка производилась горизонтально положенными плитами. Неровность верхнего края плит основания исправлялась подкладкой мелких камней. Ими же заполнялись щели между горизонтально положенными плитами.

Рис. 1.

Внутренние стороны стенок склепов тщательно выравнивались посредством хорошо подобранных друг к другу камней и плит.

В зависимости от глубины склепов полом их служил или определенный уровень рыхлого культурного слоя поселения, или подстилавший его материковый суглинок.

Сверху склепы покрывались плитами, количество которых зависело от размеров склепов и самих плит. В тех случаях, когда склепы были перекрыты несколькими плитами, при раскопках их находили внутри склепа в виде завала. Непрочность подобного перекрытия, очевидно, следует объяснить тем, что плиты помещались поверх деревянного настила, без которого закрыть большие склепы небольшими плитами невозможно.

Прямых свидетельств об использовании дерева для устройства перекрытий склепов, кроме находки коры дерева в одном из склепов, нет. Об этом можно догадаться только по некоторым конструктивным деталям двух склепов могильника. Так, в стенках склепов №№ 5 и 13, на одинаковом уровне от пола, были сделаны небольшие прямоугольные ниши, которые, видимо, служили для поддержания деревянных балок, подстилавших плиты перекрытия. Для склепа № 5 реконструируется своеобразный способ перекрытия в виде невысокого ложного свода, центральные плиты которого возможно поддерживались четырьмя столбами, опиравшимися на ниши.

В отличие от классических склеповых сооружений Гинчинские склепы не имели специального бокового входа. Захоронения в них, очевидно, производились сверху через специальное отверстие, или в каждом необходимом случае вскрывали плиты перекрытия.

По форме склепы подразделяются на две группы: 1) склепы, имеющие в плане круглую или овальную форму (8 из 13), рис. 2. 2) Склепы четырехугольной формы (4 из 13), рис. 3. Один из склепов занимает промежуточное положение. В своей нижней части он имел форму почти правильного круга, а в верхней — четырехугольную. Обе половины склепа были отделены друг от друга двумя массивными плитами, покоившимися на карнизе верхнего ряда кладки стены круглой части склепа.

Размеры склепов не зависели от их формы: Так, среди круглых или овальных склепов наибольший имел диаметр 3,40—3,70 м., глубину 0,70—1 м., а наименьший — диаметр 1,60—1,40 м., глубину — 0,75 м. Из четырехугольных — наибольший в ширину 2,20—2,60 м., при глубине более 1 м., наименьший — 1,30—0,5 м., при глубине около 1 м.

Все склепы, исследованные в настоящее время на могильнике, за исключением двух, содержавших один или два костяка, были предназначены для захоронения большого коли-

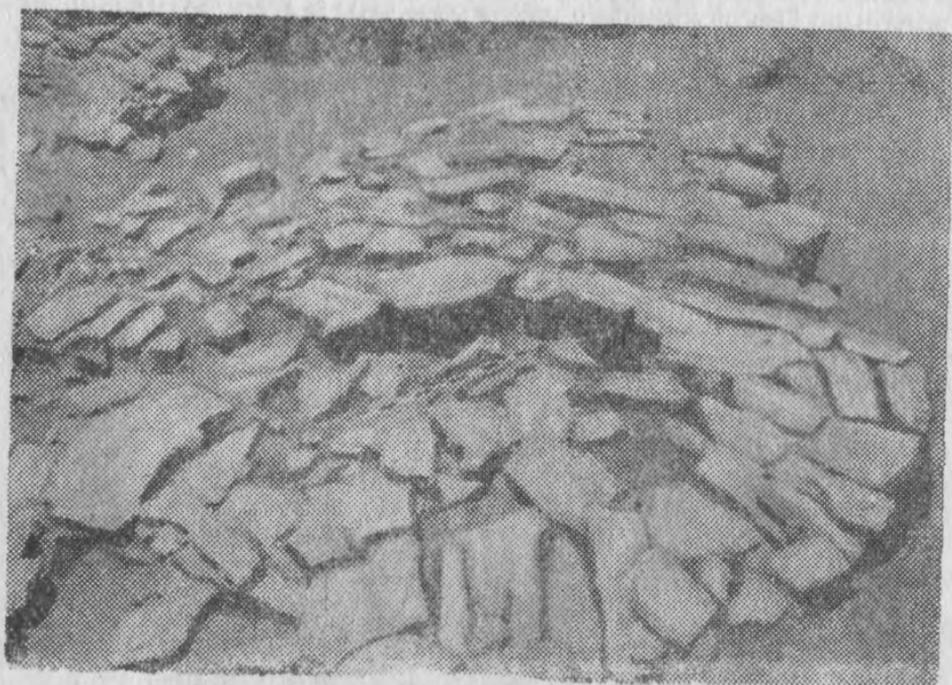

Рис. 2.

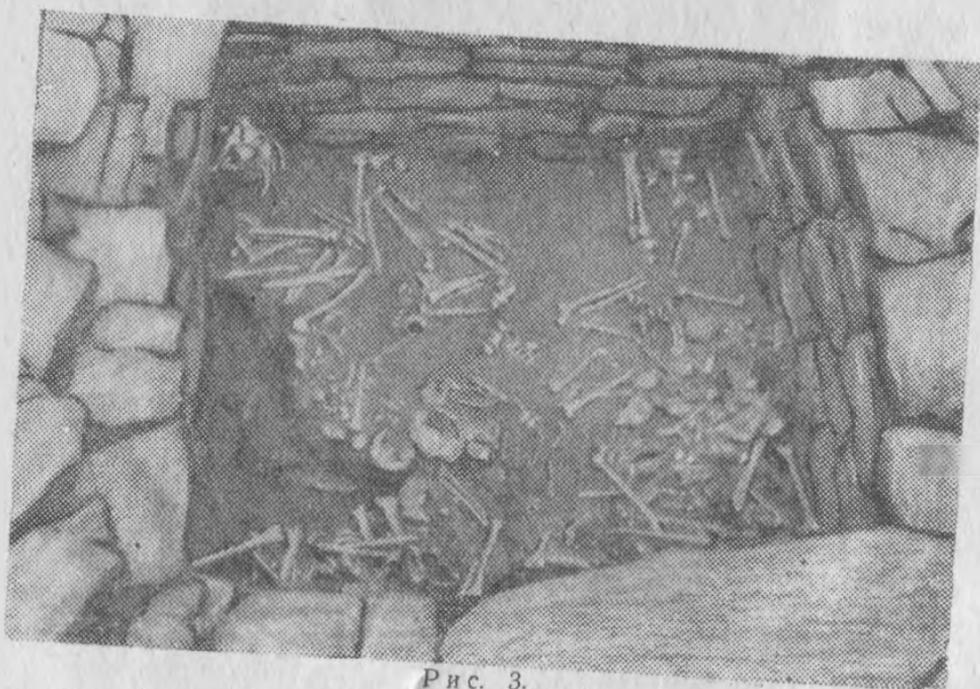

Рис. 3.

чества людей. Так, например, в склепе № 5 было погребено более 50 покойников. Погребения располагались ярусами, разделенными тонкой прослойкой земли или небольшими плитами. Покойники клались вытянуто (на спине или на боку), скорчено (на правом или на левом боку), а также в сидячем виде вдоль стенки склепов.

Сколько-нибудь строго выдержанной закономерности в положении покойников по половому признаку, форме склепов или ярусов установить по имеющимся данным не представляется возможным. Правда, в некоторых склепах можно проследить преобладание какого-нибудь из этих вариантов. Так, например, вытянутое положение покойников преобладало в склепе № 3, скорченное — в склепе № 2, а сидячее — в склепе № 5. Наблюдается невыдержанность и в ориентации покойников. Тем не менее прослеживается определенная тенденция класть их головами на восток, с отклонением в северную или южную сторону.

Несмотря на разнообразие форм погребальных сооружений, обряда погребения, все склепы объединяются общностью инвентаря и характеризуют культуру определенного отрезка времени. Погребальный инвентарь склепов, несмотря на его своеобразие, находит аналогии в памятниках Дагестана и сопредельных областей Кавказа середины и третьей четверти II тыс. до н. э.⁸

Кувшинные погребения (рис. 4) Кроме склепов в Гинчинском могильнике было обнаружено 15 кувшинных погребений. Они, как правило, рядом с каким-нибудь из склепов: 10 погребений — вокруг склепа № 5, 4 — за стенкой склепа № 9 и одно — за стенкой склепа № 13.

Характерно, что только в одном сосуде обнаружены кости скелета взрослого человека, а во всех остальных были остатки костей детских скелетов (обломки черепов, трубчатых костей и костный тлен). Как удалось установить, погребальные сосуды клались горизонтально на небольшой глубине (до 0,50 м. от поверхности) в специально вырытые для них ямы, стенки которых обкладывались тонкими плитами или небольшими камнями. В отдельных случаях дно ям подстилалось плитами. Ими же закрывались и горловины погребальных сосудов. После помещения погребального сосуда, яма покрывалась небольшими плитами и засыпалась землей. Таким образом в основу сооружения могил кувшинных погребений лежит тот же принцип, что и склепов. Формы их повторяют круглую или четырехугольную форму склепов.

Ориентация погребальных сосудов различная, но преобладает тенденция класть их горловиной на юг с отклонением на запад (преимущественно) или на восток. Все исследованные погребения в сосудах были одиночными. Плохая сохранность костей затрудняла определение положения погребенных. Но судя по расположению трубчатых костей детского скелета и следам костного тлена в одном из сосудов, покойников клали на бок, головой к горловине погребального сосуда. Единственное погребение взрослого человека (может быть подростка) было сильно потревожено в процессе распахивания могильного поля. Судя по сильно согнутым костям руки и ноги, сохранивших анатомический порядок, погребенный лежал в скорченном положении.

Инвентарь кувшинных погребений очень беден и ограничен лишь одной керамикой. А в большинстве погребений отсутствует и последняя. Однако она представлена довольно характерными формами и вместе с погребальными сосудами позволяет определить относительную датировку кувшинных захоронений могильника.

⁸ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы, стр. 166—188.

Так, погребальные сосуды представляли собой толсто-стенные широкогорлые горшки, вытянутых очертаний, светло-серого или розоватого цвета. Поверхность их обмазана жидкой глиной, а горло заглажено. Некоторые из них орнаментированы наклепным валиком, разделяющим обмазанное глиной тулово от заглаженного горла (рис. 5). В глине содер-

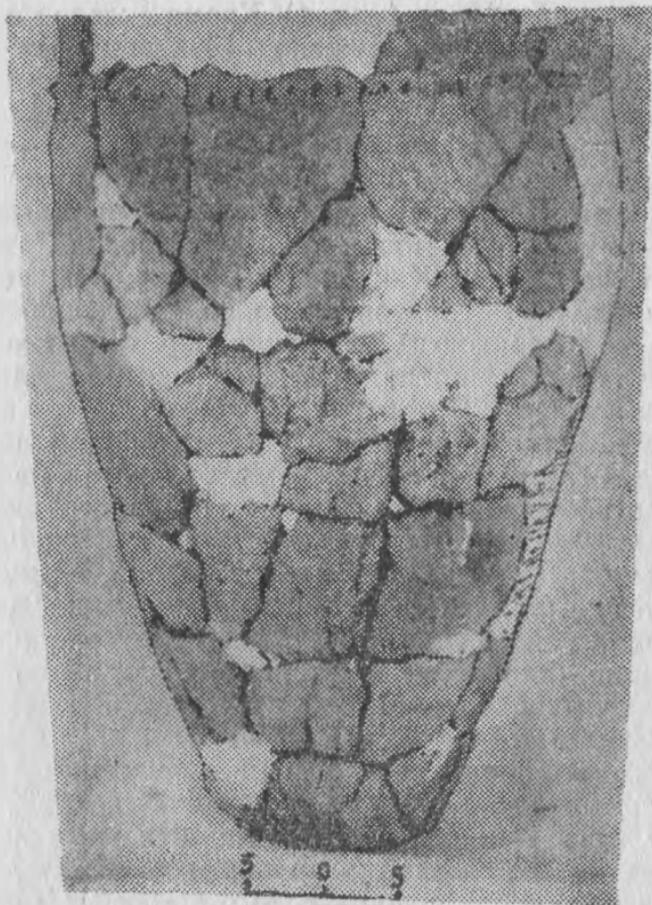

Рис. 5

жятся большие примеси крупнотолченого камня, что вообще является характерной особенностью подавляющего большинства гинчинской посуды⁹. Размеры погребальных сосудов: наибольшая высота — 0,57 м, наибольший диаметр — 0,37 м. (рис. 6).

Следует отметить, что погребальные сосуды повторяют характерные формы сосудов, находимых в склепах. Один из сосудов из склепа № 2 сходится с погребальными не толь-

⁹ М. Г. Гаджиев Указ. соч. стр. 182.

ко своей формой, технологическими особенностями, но и размерами.

Инвентарь кувшинных погребений таков: 1) Небольшой одноручный горшочек с широким горлом, узким дном, грубо обмазанным жидкой глиной туловом и заглаженным горлом (рис. 7).

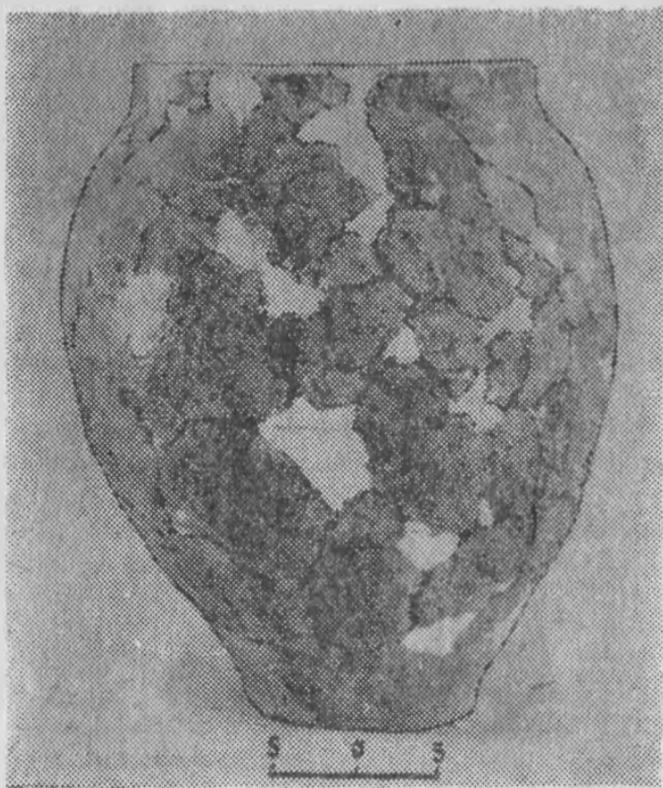

Рис. 6.

2) Миниатюрный круглодонный сосудик с гладкой черной поверхностью и одной петлевидной ручкой, расположенной по низу шейки (рис. 7, 6).

3) Миниатюрные круглодонные сосудики серого или розоватого цвета, один из которых — с петлевидной ручкой, налепом на верхней площадке и симметрично расположенными на боку тремя налепными выступами (рис. 7, 5).

4) Сероглиняные круглодонные или плоскодонные миниатюрные сосудики с одной ручкой и сливным горизонтальным носиком, служившие, очевидно, в качестве детских поильников (рис. 7, 2, 3, 4).

Все перечисленные сосуды, особенно круглодонные, находят себе точные аналогии в керамике склепов могильника.

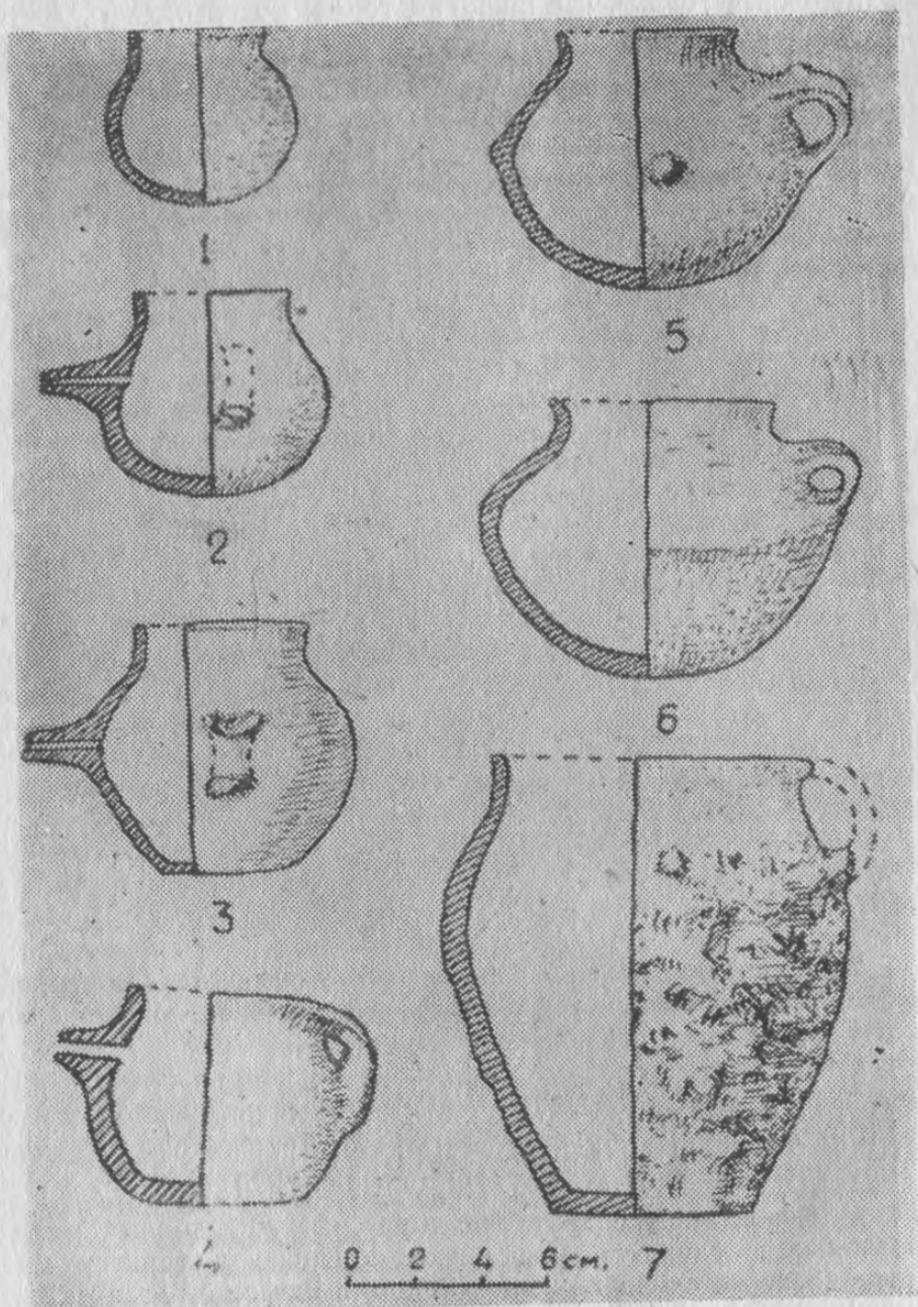

Рис. 7.

Следовательно, особенности могильных сооружений, погребальных сосудов, а также погребального инвентаря кувшинных захоронений Гинчинского могильника позволяют синхронизировать их со склепами и датировать тем же временем, что и склепы, т. е. серединой, третьей четвертью II тыс. до н. э.

* * *

*

Таким образом, в Гинчинском могильнике различаются два типа погребений: 1) погребения в склепах, подразделяемых, в свою очередь, на четырехугольные и круглые и 2) погребения в глиняных сосудах.

Как было отмечено выше, оба вида могильных сооружений, несмотря на различие погребального обряда, объединяются общностью инвентаря и характеризуют культуру эпохи бронзы населения центральной части горного Дагестана на протяжении определенного промежутка времени (середина, третья четверть II тыс. до н. э.).

Склеповые сооружения, аналогичные четырехугольным склепам Гинчинского могильника, имели довольно широкое распространение на территории Дагестана в эпоху бронзы и реже встречаются в сопредельных областях Кавказа.

Так, в горном Дагестане среди памятников, синхронных Гинчинскому могильнику, наиболее близкие аналогии мы находим в могильнике у с. Чох (склеп № 1)¹⁰. Определенное сходство с ними можно проследить и в Ирганайских¹¹, Мугинских¹², Делиганских (Сергокалинский район)¹³ склепах. Правда, последние наличием бокового входа несколько отличаются от Гинчинских.

По своим конструктивным особенностям близки к Гинчинским четырехугольным склепам также гробницы у сел. Миатли¹⁴, Чиркей¹⁵ и станции Манас (Курган Ярты-Тюбе)¹⁶. Однако последние в отличие от Гинчинских представляли собой подкурганные сооружения и предназначались не для коллективных, а индивидуальных захоронений.

¹⁰ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 44.

¹¹ М. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 110.

¹² Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 48.

¹³ М. И. Пиккуль. Отчет о работе Северного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1953 г. 1954 г. РФ ИИЯЛ, д. № 2311.

¹⁴ В. И. Канивец. Миатли—новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД, т. 1, Махачкала, 1959, стр. 36—38; В. И. Канивец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке. МАД, т. 1, стр. 73—84.

¹⁵ Н. Д. Путинцева. Отчет о работе Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркеевской ГЭС. 1960, РФ ИИЯЛ, дело № 2552.

¹⁶ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 192.

Из сказанного вытекает, что в период функционирования Гинчинского могильника во всех физико-географических зонах Дагестана существовали одинаковые по своей форме погребальные сооружения. Различия между ними заключались в основном в их использовании. В горах они служили в качестве коллективных усыпальниц, а на равнине и примыкающей к ней предгорной полосе—гробницами, предназначенными, главным образом, для индивидуальных захоронений.

Подобное разграничение в типах погребальных сооружений отчасти наблюдается и в сопредельных районах Кавказа. Так например, каменные склеповые сооружения Северного Кавказа, аналогичные Гинчинским склепам четырехугольной формы, такие, как коллективная могила № 16 Кумбультского могильника Верхняя Рухта¹⁷ в Северной Осетии и склепы могильника Гатин-Кале¹⁸ в Чечне, приурочены к горным районам.

О глубоко местной традиции, отразившейся в строительстве склепов четырехугольной формы и близких к ним погребальных сооружений синхронных могильников Дагестана, свидетельствуют памятники предшествующей эпохи.

Особый интерес в этом отношении представляет характер погребального сооружения Гонобского могильника эпохи ранней бронзы, который находится в той же долине, недалеко от Гинчинского могильника. Вскрытое здесь погребальное сооружение представляет собой четырехугольную камеру, огражденную невысокими стенками, сложенными из известняковых плит. К ней примыкают еще две подобные же камеры культового назначения. Все три камеры представляют единый комплекс, имевший «ступенчатый» облик, характерный для современной и древней архитектуры горцев¹⁹.

Весь комплекс сооружений Гонобского могильника удивительным образом отражает архитектурный облик синхронных ему поселений (Сигитминское²⁰, Верхнегунибское²¹ и др.) и не вызывает сомнения, что в планировке и форме погребальных сооружений могильника отражены глубокие традиции и опыт каменного домостроительства древних горцев.

В памятниках последующей эпохи, объединяемых в т. н. каякентско-хорочоевскую культуру эпохи поздней бронзы, произошла некоторая унификация погребальных сооружений,

¹⁷ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 49.

¹⁸ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). МИА, № 93, 1960, стр. 6—11.

¹⁹ В. Г. Котович. Указ соч., стр. 25.

²⁰ В. И. Каневец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году, стр. 158.

²¹ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, том II, Махачкала, 1961, стр. 108.

что выразилось в повсеместном распространении каменных ящиков, предназначенных для индивидуальных или парных захоронений, а сооружения типа склепа потеряли свои функции и остались в редких случаях, как пережиточное явление. Так, например, одно из погребений (№ 36) в могильнике у с. Хорочой было заключено в сооружение, значительно отличающееся от обычных каменных ящиков²².

По размерам и технике сооружения оно напоминало склеповые сооружения четырехугольной формы. Такой же факт был отмечен и в могильнике эпохи бронзы у с. Ирганай, где один из склепов содержал только два погребения эпохи поздней бронзы²³.

Следовательно, склепы четырехугольной формы были известны на территории горного Дагестана уже в окончательно сложившемся виде еще в эпоху ранней бронзы и продолжали бытовать в последующую эпоху, и, как пережиточное явление, правда, потеряв свою главную функцию, как коллективные усыпальницы, в единичных случаях остались в памятниках каякентско-хорочоевской культуры.

Одновременно с четырехугольными в Гинчинском могильнике бытовали также круглоплановые склепы. Общность их инвентаря, особенно керамики, не позволяет провести между ними какой-либо резкой хронологической границы. Некоторые наблюдения стратиграфического характера, а именно сочетание обеих форм (нижняя часть — круглая, верхняя — четырехугольная) в одном склепе или в другом случае (разрушение части стенки круглого склепа при сооружении четырехугольного) могут документировать только заключительный процесс постепенного вытеснения одной формы склепа (круглой) другой (четыреугольной), сосуществовавших на протяжении определенного времени.

Сосуществование обеих форм склепов характерно и для могильника у с. Чох (Гунибский район)²⁴, относящегося к тому же кругу памятников, что и Гинчинский могильник. Круглое в плане погребальное сооружение, сложенное из камней, обнаружено в том же районе у с. Ругуджа. Судя по керамике, типичной для Гинчинских склепов, оно датируется тем же временем, что и Гинчинский могильник²⁵. Помимо этого имеются сведения о нахождении круглых погребальных гробниц у с. Кули (Кулинский район)²⁶. Однако достоверность их точно еще не установлена. Этими данными, в основном, ис-

²² А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 52.

²³ Д. М. Атаев, М. Г. Гаджиев, М. Н. Погребова. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1960 г., л. л. 31—34.

²⁴ Р. М. Мунчаев. Указ соч., стр. 44.

²⁵ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 36.

²⁶ Там же, стр. 37.

черпывается круг точных аналогий для второй группы гинчинских склепов.

Обращает внимание, что все известные склеповые сооружения этой группы сосредоточены в центральной части горного Дагестана, а известный период их существования здесь ограничен довольно узкими хронологическими рамками. Тем не менее имеющиеся данные позволяют проследить их генетическую связь с погребальными сооружениями Дагестана предшествующей и последующей эпох. Интересно в этом плане погребальное сооружение Карабудахкентского могильника, синхронного Гнобскому и предшествующего Гинчинскому. Одно из его погребений (№ 1) находилось в грунтовой яме, которая, судя по слою галечника, застилавшего ее дно, имела овальную форму (размеры 2 м × 1,70 м.). Граница дна могилы была ограничена дугообразной в плане выкладкой из плоских камней²⁷.

Еще более близкие к круглоплановым склепам Гинчинского могильника погребальные сооружения были обнаружены в курганах Южного Дагестана (кург. Шах-Насиб-тапа и Катарагач-тапа из раскопок А. А. Русова)²⁸, относимых к ранней поре эпохи бронзы²⁹. Одно из них (Шах-Насиб-тапа) имело вид почти правильного круга диаметром около 2,5 м, образованного большими камнями, поставленными вертикально.

Как переживание этих же форм погребальных сооружений, видимо, следует рассматривать два каменных ящика необычных форм в могильнике у сел. Хорочей (погр. №№ 17, 21). Погребения здесь были обложены крупными камнями, образующими более или менее правильный овал, а внутреннее пространство могильных ям, как и у склепов, было заполнено землей и завалом мелких плит и камней³⁰.

Следовательно и круглоплановые погребальные сооружения, также, как и четырехугольные, были распространены в Дагестане, с эпохи ранней бронзы вплоть до поздней.

Точных аналогий, подобным склепам, за пределами Дагестана пока неизвестно. По некоторым особенностям погребальных сооружений (круглые подкурганые ямы), обряду (массовые захоронения с произвольным расположением костяков, неустойчивая их ориентация) и даже по некоторым формам погребального инвентаря (височная подвеска с ши-

²⁷ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент. МИА, № 68, 1958, стр. 148—149, рис. 2.

²⁸ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних работах (1880 г.) в южном Дагестане. V археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подгот. вительного комитета. М., 1882, стр. 545—548, 569—571, табл. XXXVIII, № 4, табл. XIII, № 3.

²⁹ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 49.

³⁰ Там же, стр. 114—117, рис. 382 и 41, 1.

рокими лопастями и др.), Гинчинские склепы круглой формы могут быть сравнены со Степанакертскими курганами эпохи энеолита Азербайджана³¹. Захоронения в больших круглых подкурганых ямах обнаружены также в памятниках Грузии раннебронзовой эпохи³². Могилы «колодцы» в виде круглых ям, обложенных булыжником и прикрытые плитами, известны и в горах Центрального Кавказа³³. Но их появление на этой территории относится к поздне-кобанской эпохе³⁴, значительно отделенной от времени сооружения круглых склепов горного Дагестана.

Из всего сказанного следует, что с эпохи ранней бронзы вплоть до поздней, на территории Дагестана, преимущественно в его горных районах, в планировке и устройстве погребальных сооружений сосуществовали, а в отдельных случаях и смешивались две традиции.

Это своеобразное явление, нашедшее отражение в погребальных сооружениях горного Дагестана, не находит своего объяснения в рамках бронзового века. Очевидно, для этого следует обратиться к особенностям культуры предшествующей, энеолитической эпохи, на базе которой сформировалась культура бронзового века Дагестана³⁵. К сожалению могильники этой эпохи на территории Дагестана пока еще не обнаружены и поэтому судить о характере самих погребальных сооружений не представляется возможным. В известной степени этот пробел может быть восполнен рассмотрением характера энеолитической культуры Дагестана, а в особенности сопоставлением жилищ той эпохи и погребальных сооружений бронзового века. Подобное сравнение оправданно, прежде всего, тем, что в формах погребальных сооружений, особенно в древности, отражаются особенности архитектуры домостроительства. Наиболее полное и яркое представление о характере энеолитических жилищ Дагестана дает Мекегинское³⁶ поселение. Исследованные здесь жилища представляли собой круглоплановые полуземлянки с обложенными

³¹ Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г. Изв. Аз. филиала АН СССР, № 4, Баку, 1939, стр. 82—88; его же. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КС ИИМК, вып. XX, 1948, стр. 15—28.

³² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I Тбилиси, 1941, стр. 101.

³³ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, т. VIII, М., 1900, стр. 87.

³⁴ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 194.

³⁵ А. П. Круглов. Указ. соч, стр. 47, 92—93; Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (автореферат диссертации), М., 1953, стр. 8.

³⁶ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 281.

ми камнем стенами. Круглопланные жилища, как известно, характерны для южнокавказской энеолитической культуры³⁷, в зону распространения которой входит и Дагестан³⁸. Круглопланные жилища имели широкое распространение в энеолитическую эпоху в Восточном Средиземноморье и Малой Азии³⁹, с которыми Кавказ в ту эпоху был в тесных культурных взаимоотношениях⁴⁰. Очевидно эти традиции нашли свое отражение в строительстве круглоплановых погребальных сооружений эпохи бронзы в горном Дагестане. Вследствие консервативности, свойственной погребальному обряду в целом, и, в частности, погребальным сооружениям, в форме и конструкции последних в течение длительного времени сохранились особенности древнего домостроительства, уже исчезнувшего из быта.

А другую группу — погребальные сооружения четырехугольной конструкции типа Гнобских, Гинчинских и др., которые повторяют особенности домостроительства, удивительно приспособленных к рельефу Дагестана синхронных поселений, как Сигитминское⁴¹, Верхнегунибское⁴² и др., очевидно, следует связать с местной традицией. В пользу последнего говорят следующие факты. Во-первых, оба типа погребальных сооружений сосуществуют на территории Дагестана с эпохи ранней бронзы до поздней. В эпоху ранней бронзы сосуществуют также и оба типа жилищ, послужившие им прототипом (жилища упомянутых уже Сигитминского и Верхнегунибского поселений, с одной стороны, и Джемикентского⁴³, с другой). В отличие от Сигитминского и Верхнегунибского поселений Джемикентское продолжает традиции предшествующей энеолитической эпохи. Любопытно в этом отношении, что жилища Джемикентского поселения подобно энеолитическим жилищам Дагестана имели вид полуземлянок округлых очертаний с обложенными камнем стенами⁴⁴. Во-вторых, та каменная архитектура, которая в окончательно оформившемся виде встречается на поселениях и в погреб-

37 Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 27—29; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 36—37; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры (автореферат диссертации). Тбилиси, 1962, стр. 7—8.

38 А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 29. Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 154.

39 Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 27—29; Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 152.

40 См. напр. Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 153.

41 В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., стр. 158—159.

42 В. М. Котович. Указ. соч., стр. 88—108.

43 А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 30—35.

44 А. А. Русов. Указ. соч., стр. 599—601.

бальных сооружениях горного Дагестана еще с эпохи ранней бронзы, вряд ли могла сложиться на базе Южнокавказской и связанной с ней местной строительной техники эпохи энеолита. В памятниках Южнокавказской энеолитической культуры, особенно в районах территориально близких к Дагестану, в строительстве жилищ камень не играл сколько-нибудь значительной роли.

Основным видом жилища Закавказья в ту эпоху были легкие наземные плетенные постройки, обмазанные глиной⁴⁵. Камень иногда применялся для возведения фундамента, а стенки при этом строились из сырцового кирпича или из плетеного каркаса, который затем обмазывали глиной⁴⁶. Жилища, целиком сложенные из камня, известны здесь в редких случаях⁴⁷.

Памятники энеолита Дагестана тоже дают аналогичную картину. Остатки жилых сооружений, встречавшиеся на поселениях Великент, Каякент и др., были представлены исключительно кусками глиняной обмазки от пола и стен жилищ⁴⁸. Небольшая высота каменной кладки и отсутствие сколько-нибудь значительного завала строительного камня на Мекегинском⁴⁹ поселении горного Дагестана свидетельствуют, что и здесь в строительстве жилищ камень играл далеко не основную роль.

Исследованиями последних лет в энеолитической культуре Дагестана, наряду с несомненными южнокавказскими элементами, как круглоплановое жилище, специфические особенности керамики (форма, блестящее лощение, рельефный концентрический орнамент и др.), выявлены и местные особенности, что послужило основанием для выделения дагестанских памятников в локальный вариант Южно-Кавказской энеолитической культуры⁵⁰. Некоторые из этих элементов

⁴⁵ См. напр. Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 35. Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959, стр. 21—26. А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Урбниси, I, Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на Квацхелеби (Твлепия-Кохи). Тбилиси, 1962, стр. 61.

⁴⁶ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 32—34; А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Указ. соч., стр. 61.

⁴⁷ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. ВМГ, XIII-В, Тбилиси, 1944, стр. 114.

⁴⁸ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 20—22; Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 34—35.

⁴⁹ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 285.

⁵⁰ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 129—132; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч. стр. 336—337; Р. М. Мунчаев. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 9—10; его же. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 73—101; его же. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа. МАД, т. I, Махачкала, 1961, стр. 61—62.

в Дагестане имеют глубокую древность. Так, например, прием обмазки поверхности сосудов жидкой глиной, столь характерный для керамики Дагестана эпохи энеолита и бронзы, не встречен ни в одном памятнике южнокавказского энеолита, что дает право говорить о его местном происхождении⁵¹. В этом отношении интересны фрагменты керамики, найденные на Ругуджинской неолитической стоянке. В нижней части одного из фрагментов горшочка имеется характерная бугристость, образованная, быть может, в результате обмазки глиной⁵². Неолитическую древность имеет в Дагестане так же распространенный на энеолитической керамике и встречающийся в памятниках эпохи ранней бронзы орнамент в виде сквозных отверстий на закраине сосудов (напр. Каякентское поселение)⁵³. Он имеется на керамике той же Ругуджинской стоянки⁵⁴. В керамике Дагестана эпохи энеолита прослеживаются и другие черты, как рельефный валик с зашипами, специфические формы сосудов и др., которые никак не могут быть связаны с южнокавказской энеолитической культурой⁵⁵. Они получили в Дагестане широкое распространение особенно в последующую эпоху. Отсюда вытекает, что в дагестанской энеолитической культуре смещены два элемента, один из которых связывается с закавказской культурой, а другой, имеющий здесь неолитическую древность, с местной дагестанской⁵⁶.

Влияние культуры южнокавказского энеолита на дагестанскую было настолько сильным, что в значительной степени определило облик последней на протяжении почти двух тысячелетий. Оно отразилось на характере дагестанского жилища, форме погребальных сооружений, керамике и ряде других элементов материальной культуры, но не вытеснило те специфические и местные черты, которые получили особенно широкое распространение здесь в эпоху бронзы.

В археологической науке общепризнано, что такие элементы древних культур как своеобразные приемы домостроительства, погребальный обряд, специфические особенности керамики и др. отражают этнические особенности⁵⁷. Своеоб-

⁵¹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 95—97.

⁵² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 22.

⁵³ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 28; В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана, стр. 132.

⁵⁴ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 22, рис. 11, 10.

⁵⁵ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 96—97.

⁵⁶ В. Г. Котович. Неолит и эпоха раннего металла в Дагестане. РФ ИИЯЛ, 1963 г.

⁵⁷ См. напр. П. Н. Третьяков. Этногенический процесс и археология. СА, 1962, № 4, стр. 3—16.

разие дагестанского энеолита, возможно, отражает не только культурный, но и этнический процесс, выразившийся в слиянии пришлого (южнокавказского) и местного этнического субстрата. При таком решении вопроса две традиции в строительстве погребальных сооружений бронзового века в Дагестане отражают не только культурные, но и этнические процессы, протекавшие на той же территории в предшествующую, энеолитическую эпоху.

Определенный интерес для этого вопроса представляют и данные по палеоантропологии. Так черепа из Гоно, Гинчи, Джемикента по антропологическому типу входят в круг южного, индо-средиземноморского типа и сходны с черепами из Закавказья⁵⁸. Стало быть, обитатели территории, где ранее была распространена южнокавказская энеолитическая культура, и территории, которая находилась под сильным ее влиянием, сходны между собой. По своему антропологическому типу краниологическая серия с территории Чечено-Ингушетии (могильник Гатин-Кале), где влияние южнокавказского энеолита наблюдалось гораздо слабее, чем в Дагестане⁵⁹, отличается значительным своеобразием, т. е. в ней наблюдаются черты как южного, так и северного (более брахикранного типа) носителей Майкопской культуры⁶⁰.

Перейдем к характеристике других черт погребального обряда Гинчинского могильника.

Подавляющее большинство склепов было предназначено для коллективных захоронений. Большое количество костяков, расположение их ярусами, отделенными прослойкой земли, а иногда и тонкими плитами, а также перемещение костей некоторых скелетов при последующих захоронениях свидетельствуют об использовании каждого склепа в течение длительного времени в качестве места для захоронения определенной группы людей.

В этом отношении Гинчинские склепы представляют одну из довольно широко распространенных в древности черт погребального обряда. Аналогичное явление наблюдается и в ряде других могильников Дагестана эпохи бронзы, как

⁵⁸ А. Г. Гаджиев. Данные по палеоантропологии Дагестана. Уч. зап. ИИЯЛ, т. X, Махачкала, 1962, стр. 193—198; его же. Этническая антропология Дагестана (автореферат диссертации). М., 1963, стр. 7—8.

⁵⁹ Р. М. Мунчаев. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 62—67.

⁶⁰ А. Г. Гаджиев. Некоторые данные по археологии Северо-Восточного Кавказа (рукопись).

Гонобский⁶¹, Чохский⁶², Ирганайский⁶³, а также в курганах у ст. Манас⁶⁴ и у Дешлагара⁶⁵.

Интересно отметить, что в это же время в равнинной полосе Дагестана и в прилегающих к ним предгорьях преобладали индивидуальные захоронения (Карабудахкентский могильник⁶⁶, Миатлинское курганное поле⁶⁷). Однако следует иметь в виду, что характер отношений погребенных в курганах определяется не только типом самой могилы, но взаиморасположением их под одной насыпью.

Обряд коллективных захоронений, судя по Нальчикскому могильнику⁶⁸ и Степанакертским курганам⁶⁹, известен на Кавказе еще с эпохи неолита и энеолита. В последующую эпоху, как свидетельствуют могильники в Нули (Южная Осетия)⁷⁰, Верхняя Рухта (Северная Осетия⁷¹), Гатин-Кале (Чечено-Ингушетия⁷²) и др., здесь он еще продолжал бытовать, особенно в горных районах.

Однако следует отметить, что в эпоху бронзы на Кавказе наблюдается тенденция к индивидуальным захоронениям⁷³, ставшими здесь преобладающими в позднебронзовых памятниках⁷⁴. Подобный же процесс происходит и в горном Дагестане, т. е. коллективные захоронения уступают место индивидуальным. Соответствующие изменения происходят и в типах погребальных сооружений. В эпоху поздней бронзы, в мо-

⁶¹ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 25—36.

⁶² Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г., стр. 44—46.

⁶³ М. Н. Погребов. Указ. соч., стр. 109—122.

⁶⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИММК, вып. 45, 1952, стр. 85—88; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, стр. 167—184.

⁶⁵ А. А. Русов. Указ. соч., стр. 282—284.

⁶⁶ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент, стр. 147—162.

⁶⁷ В. И. Канивец. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане, стр. 31—59; В. И. Канивец, С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке, стр. 60—85.

⁶⁸ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 67—130.

⁶⁹ Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г., стр. 82—88; его же. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, стр. 15—28.

⁷⁰ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию, Тбилиси, 1949, стр. 31.

⁷¹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, стр. 49.

⁷² В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 64.

⁷³ Там же, стр. 31—86.

⁷⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М. 1957, стр. 93; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 77—78.

гильниках т. н. каякентско-хорочоевской культуры основным типом погребальных сооружений становится каменный ящик с индивидуальными или парными захоронениями⁷⁵.

Под этим углом зрения, видимо, следует рассматривать особенности одного из круглых склепов Гинчинского могильника. Внутреннее пространство его было разделено на отдельные отсеки, образованные вертикально поставленными плитами. Они располагались в два или три яруса. В каждом отсеке было от одного до трех скелетов. По своей конструкции отсеки могут быть сравнены с погребальными сооружениями типа каменных ящиков.

Особенности данного склепа, следовательно, отражают процесс эволюции погребальных сооружений и погребального обряда населения горного Дагестана в эпоху бронзы. Объяснение ему следует искать в структуре общества этой эпохи. Как известно, в эпоху меди и бронзы особенно в южных областях нашей страны, в связи с быстрыми темпами развития производительных сил, вызванным успехами в области земледелия и скотоводства, в области металлургии, с развитием обмена и др. происходят крупные изменения и в общественной жизни. Прежде всего это выразилось в полной победе патриархальных отношений. Развитие производства и установление патриархальных отношений приводили к обособлению отдельных семей и накоплению семейной собственности. В развитии самой семьи это отразилось в постепенном переходе от парного брака к моногамии. Все это вело к подрыву коллективных начал и «создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду»⁷⁶.

Один из этапов этого процесса, как видно, отражают и Гинчинские склепы. Если склепы, как сооружения для коллективных захоронений, свидетельствуют о крепких родственных узах погребенных здесь членов определенной родовой группы (большой семьи), то внутренняя планировка склепа № 2 отражает начальные этапы обособления небольших семей и процесса разложения родового строя. В этом плане может быть рассмотрен и процесс постепенного вытеснения в горном Дагестане ко времени каякентско-хорочоевской культуры эпохи поздней бронзы склеповых сооружений каменными ящиками с индивидуальными или парными захоронениями.

Некоторые вопросы, связанные с погребальным обрядом Гинчинского могильника, в специальной литературе, посвященной памятникам бронзового века Дагестана, нашли

⁷⁵ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 52—59.

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 162.

неправильное освещение. Так, после первого раскопа разведочного характера, в результате которого вскрыт один из секторов склепа № 2, в отчете было высказано положение о расчлененности или вторичности некоторых погребений могильника. Оно было основано на отдельных фактах нарушенности первоначального положения костяков⁷⁷ и вошло в литературу как установленный факт⁷⁸. Дальнейшие раскопки могильника не подтвердили это положение. В наиболее хорошо сохранившихся склепах было прослежено первоначальное положение почти всех скелетов⁷⁹. Наблюдения, сделанные в процессе раскопок, показали, что некоторое беспорядочное положение костей отдельных скелетов было результатом того, что их потревожили в процессе последующих захоронений. В случае же захоронения покойника в сидячем положении, кости скелета после потери связок между ними естественно принимали некоторое необычное положение. Но даже в таких случаях при разборке костей прослеживалось естественное соединение суставов, исключающее расчлененный или вторичный характер погребений. В склепе № 2, где захоронения производились в отсеках, процесс погребения каждого покойника был связан с сооружением нового отсека или вскрытием старого, при котором возможно тревожили нижерасположенные отсеки, а тем самым и скелеты, заключенные в них. Вообще нарушенность положения костяков в склепах, предназначенных для захоронения большого числа покойников, явление обычное. Поэтому вопрос о характере погребального обряда и в других склеповых сооружениях горного Дагестана возможно разрешить аналогичным образом.

Выше уже указывалось, что в отношении положения и ориентации костяков Гинчинские склепы дают довольно пеструю картину, что затрудняет проследить здесь какую-либо закономерность. Если какой-нибудь из вариантов положения костяка, будь то скорченное, сидячее или вытянутое, преобладал в каком-нибудь из склепов, то при сравнении склепов между собой теряло свою силу и это, казалось бы, закономерное явление. То же самое можно сказать и в отношении ориентации костяков. Единственная закономерность, которая прослежена на имеющихся материалах, та, что для вытянутых костяков наиболее характерной была северо-восточная или строго восточная ориентация. Поэтому здесь нет необходимости в детальном разборе этой стороны погребального обряда. Укажем только, что каждый вариант положения

77 М. И. Пиккуль. Результаты археологических исследований ДАЭ в 1956 г. (отчет), часть I, 1957, РФ ИИЯЛ, д. № 2311.

78 В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году, стр. 165; М. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 119.

79 М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 107—181.

костяков и их ориентация имеет довольно глубокие корни как в Дагестане, так и сопредельных районах Кавказа. Особенно это относится к обряду скорченных костяков, который, судя по Нальчикскому могильнику, имеет здесь неолитическую древность, продолжал бытовать на всем протяжении бронзового века и стал одной из характерных черт широко известных культур эпохи поздней бронзы, как Кобанской и Колхидской.

Скорченное или сидячее положения погребенных является также характерными для могильников каякентско-хорочоевской культуры⁸⁰.

По сочетанию в одном и том же погребальном сооружении такого разнообразия в положении и ориентации погребенных к Гинчинскому могильнику за пределами горного Дагестана наибольшую близость обнаруживают уже упомянутые Степанакертские курганы раннебронзовой эпохи в Закавказье и синхронный Гинчинскому могильник Гати-Кале в горной Чечне.

Значительную роль в погребальном обряде носителей Гинчинского могильника играл культ огня. Об этом свидетельствуют специальные очажные ямы для разжигания погребальных костров как вне, так и внутри склепов, посыпка покойников угольками, сосуды, наполненные золой и угольками, клавшися с погребенными.

Широкое распространение этого обычая на территории Дагестана на всем протяжении бронзового века подтверждают специальные камеры для разжигания погребальных костров Гонобского⁸¹ и круглые ямы, заполненные золой и углем, Карабудахкентского⁸² могильников, наличие угольков в Ирганайских склепах⁸³ и остатки костров в Миатлинских курганах⁸⁴, Хорочоевский могильник⁸⁵ и Таркинские гробницы⁸⁶.

Однако обычай этот не представлял чисто местную особенность. Он был широко распространен в древности⁸⁷. Почитание огня связано с определенными представлениями древних об его магической, очистительной силе. Живучесть его у народов Кавказа подтверждают данные этнографии⁸⁸.

⁸⁰ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 56.

⁸¹ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 31—32.

⁸² Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 49.

⁸³ М. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 111.

⁸⁴ В. И. Канивец. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане, стр. 38, 41.

⁸⁵ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 58.

⁸⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, № 23, 1951, стр. 246.

⁸⁷ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 59.

⁸⁸ Народы Кавказа, т. I, М., 1960, стр. 334, 387; т. II, М., 1962, стр. 141.

Непосредственно с погребальным обрядом культ огня связывает одно предание, записанное в местной хронике Дагестана. Оно повествует о том, что в прошлом для покойников сооружали специальные домики, над которыми после помещения покойника разжигали костер и только затем их засыпали землей⁸⁹. У народов Дагестана долго удерживался также обычай разжигать костры в ночь накануне первого дня весны и зимы⁹⁰. Все это говорит о большой роли культа огня в системе верований народов Кавказа, и в частности, Дагестана, с древнейших времен вплоть до рубежа последних веков.

Другой обычай, а именно посыпка покойников минеральной краской (охрой), которой тоже приписывались функции очистительной силы огня, в горном Дагестане сколько-нибудь значительного развития не получил. Его нет в Генобском, Чохском могильниках, а в Гинчинском — только в одном случае (склеп № 2) в нескольких местах наблюдались желтоокрашенные следы⁹¹. Трудно судить, имело ли это обстоятельство какое-либо отношение к погребальному обряду, но в остальных склепах ничего подобного не было обнаружено. Тоже самое можно сказать «о кусочках земли», пропитанных «желтой охрой», найденных на дне Ирганайского склепа⁹².

Как известно, обычай посыпки покойников охрой был характерен для Северного Кавказа с неолитической эпохи вплоть до середины II тыс. до н. э. Позже он здесь исчезает. Наличие охры отмечено и в ряде памятников приморского Дагестана (Карабудахкент, Миатли, Манас), культура которых несомненно испытала влияние степей Северного Кавказа. Отсутствие этого обычая или, по крайней мере, его незначительная роль в горном Дагестане возможно объясняется степенью взаимоотношений племен Северного Кавказа и горного Дагестана в ту эпоху. В этом отношении погребальный обряд горного Дагестана эпохи бронзы сближается с закавказским, где охра в обряде также не играла сколько-нибудь значительной роли⁹³.

Вместе с погребенными, кроме украшений, редко и орудий труда, в склепы помещались глиняные сосуды с запасом пищи. В тех случаях, когда сосуды находились в непо потревоженном состоянии, наблюдалось интересное сочетание: миски,

⁸⁹ Сведения эти почерпнуты из местной хроники «Тарихи Анди», хранящейся в сел. Анди у Шамхалова Пайзулы. С выдержками из нее нас ознакомил М. А. Агларов.

⁹⁰ См., напр., Г. Д. Чурсин. Авары. Этнографический очерк (рукопись), 1928, РФ ИИЯЛ, д. № 1570.

⁹¹ М. И. Пикуль. Указ. соч., стр. 48.

⁹² М. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 111.

⁹³ Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, стр. 21.

горшок, кружка или чашечка. Подобное сочетание указывает на специфическое назначение каждого сосуда. Видимо, горшок, служил для жидкой пищи, кружка или чашечка — для зачерпывания ее из горшка (кружки и чашечки очень часто находились внутри горшков), а миски — не только для жидкой, но и мясной пищи, так как в них очень часто встречались кости животных, преимущественно ножные кости овцы или козы.

подавляющее большинство сосудов, помещенных в склепе, судя по тому, что аналогичные им формы широко представлены в бытовых памятниках той же эпохи, находило употребление и в жизни. Но с покойниками клались также миниатюрные сосудики специально культового назначения, некоторые из которых заполнялись золой или угольками. Вообще керамика Гинчинского могильника отличается богатством, разнообразием форм и очень своеобразна. Анализ ее выходит из рамок поставленной в данной статье задачи и потребует специального исследования. Здесь же укажем, что она подтверждает те положения, которые были высказаны на основе анализа погребального обряда. В керамике могильника отчетливо прослеживаются те же две черты или традиции, идущие еще с эпохи энеолита: блестящее черное или серое лощение, специфические особенности моделировки ручек и др., с одной стороны, прием обмазки поверхности жидкой глиной, рельефные валики с зашипами, специфические формы сосудов, с другой.

Особый интерес представляет обряд кувшинных захоронений Гинчинского могильника. Общность инвентаря кувшинных погребений и склепов, вокруг которых компактно они расположены, наличие в сосудах погребений только детей (младенцев), за исключением одного, быть может, подростка, говорят о том, что обряд этот был свойственен самим же носителям склепов. Представляется, что у населения, оставившего Гинчинский могильник, существовал погребальный обряд, требовавший хоронить взрослых в склепах, а детей — младенцев в сосудах. Это тем более вероятно, так как ни в одном из таких склепов, вокруг которых располагались кувшинные погребения, не было обнаружено детского погребения.

Вообще обряд кувшинных погребений был известен в ряде стран в совершенно различные эпохи. Какими представлениями он вызван, еще не выяснено. Древнейшие кувшинные погребения были найдены в Египте (IV тыс. до н. э.)⁹⁴. В эпоху ранней бронзы они получили широкое распространение в странах Средиземноморья, в Малой Азии и исчезли там еще

⁹⁴ См. БСЭ, т. 23, стр. 596.

в первой половине II тыс. до н. э.⁹⁵. В Малой Азии они возникли вновь в VII—VI вв до н. э.⁹⁶.

На территории нашей страны кувшинные погребения обнаружены в единичных случаях в некрополях античных городов Северного Причерноморья (Пантикапей⁹⁷ и Херсонес⁹⁸ —VI—IV вв до н. э.), но широкое распространение они получили только в Закавказье. К северу от Кавказского перешейка, в Дагестане, кувшинные погребения обнаружены впервые, причем они являются древнейшими среди известных на Кавказе. Кувшинные погребения Абхазии, наиболее древние в Закавказье, относятся к началу I тыс. до н. э.⁹⁹ Позднее этот обряд получил здесь распространение на более широкой территории: в Западной Грузии (VI—III в. в. до н. э.)¹⁰⁰ восточной Грузии (Самтавро, II—I вв. до н. э.)¹⁰¹, Армении¹⁰² и Азербайджане (II в. до н. э.—II в. н. э.)¹⁰³, где его связывают с одним из Албанских племен¹⁰⁴.

Наличие этого обряда в Дагестане, быть может, объясняется или общностью представлений людей «о загробном мире» на значительной территории, включающей страны Средиземноморья, Переднюю Азию и Кавказ, или влиянием с Юга. При любом случае важно, то, что и в этом отношении горный Дагестан связывается с Закавказьем и Передней Азией.

Подведем некоторые итоги.

В эпоху бронзы в горном Дагестане в планировке и устройстве погребальных сооружений прослеживается сосуществование двух традиций, выразившихся в строительстве четырехугольных или круглоплановых склепов. Они отражают этнокультурные процессы, протекавшие на той же территории в предшествующую энеолитическую эпоху. Первая свя-

⁹⁵ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 51, 71, 80, 107, 109, 374; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II, Тбилиси, 1950, стр. 74—75.

⁹⁶ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 75.

⁹⁷ Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи Боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и их местные особенности. МИА, № 69, 1959, стр. 285—286.

⁹⁸ Археологические памятники Юго-Западного Крыма. МИА, 34, 1953, стр. 33—39.

⁹⁹ См. БСЭ, т. 23, стр. 596.

¹⁰⁰ М. Иващенко. Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии. Изв. АН Аз. ССР (отделение общественных наук), вып. I, № 1, Баку, 1947, стр. 73—80; Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 20—80.

¹⁰¹ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1945, стр. 57—62.

¹⁰² М. Иващенко. Указ. соч., стр. 78.

¹⁰³ См., напр., О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура. Баку, 1958, стр. 69—72; С. М. Казиев. Альбом кувшинных погребений Мингечаура, 1960, стр. 17—27.

¹⁰⁴ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.—Л., 1959, стр. 66, 176.

зывается с местным субстратом, а вторая — с пришлым, южнокавказским.

Ко времени поздней бронзы оба вида погребальных сооружений изживают себя, уступая место каменным ящикам, предназначенным для индивидуальных или парных захоронений. Эта эволюция связывается с социальным прогрессом, выразившимся в дальнейшем развитии патриархальных отношений.

По характеру погребального обряда горный Дагестан в эпоху бронзы сближается с Закавказьем и горными районами Северного Кавказа.

Кувшинные погребения являются новой чертой погребального обряда, связывающей горный Дагестан с Закавказьем и Передней Азией.

М. И. Пикуль.

М. И. ПИКУЛЬ

19 августа 1963 года оборвалась жизнь неутомимого ученого и замечательного человека Милицы Ивановны Пикуль. Все мысли и чувства своего большого и чуткого сердца она отдала людям, своему любимому делу, Дагестану.

Милица Ивановна родилась в Тбилиси в семье ученого-медика в 1914 году. После окончания средней школы, а затем школы ФЗУ она работала на заводе. В 1937 году по путевке комсомола поступила в Коммунистический институт журналистики, а в 1938 году — на исторический факультет Московского государственного университета. Окончив университет и аспирантуру при Институте материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии) Милица Ивановна приехала работать в Дагестан.

Еще будучи аспиранткой Милица Ивановна дважды приезжала сюда для участия в работе Северокавказской экспедиции ИИМК, полюбила Дагестан и посвятила себя изучению его древностей.

В 1956 году Милица Ивановна Пикуль защитила диссертацию «Памятники скифской культуры среднеднепровского левобережья» (руководитель проф. Б. Н. Граков), за которую ей была присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

В 1951 году она провела первую археологическую разведку в северном Дагестане, положившую начало систематическим работам Дагестанской археологической экспедиции.

М. И. Пикуль все эти годы была руководителем одного из отрядов Дагестанской экспедиции, основной задачей которой являлось изучение памятников железного века.

При ее непосредственном участии впервые были исследованы такие замечательные памятники как Дагбашский, Мургерганский, Шаракунский, Хабединский и другие могильники эпохи раннего железа, Кабартикутанский и Новолакский могильники эпохи бронзы, многочисленные поселения и могильники эпохи средневековья.

Ценные материалы раскопок легли в основу подготавливаемых ею монографических работ о памятниках железного века и об этнических группах и племенах эпохи раннего железа на территории Дагестана. Она осветила один из важных вопросов древней истории Страны гор. Смерть помешала ей завершить эти работы.

За 12 лет М. И. Пикуль написана 21 работа, часть которых опубликованы в «Ученых записках ИИЯЛ» и «Материалах по археологии Дагестана».

Милица Ивановна глубоко понимала и чувствовала красоту дагестанской природы. Ее душа всегда была открыта для простых людей, которые в свою очередь с уважением относились к ней и как к человеку и как к ученому. Характерны слова из ее письма с места последних раскопок (сел. Хучни Табасаранского района): «...приятно от мысли, что в моем лице с любовью провожали ученого, работника науки. Они поняли для чего нужно копать памятники, а это — немаловажная вещь там, где археолог идет по целине».

М. И. Пикуль всегда останется в памяти знавших ее как прекрасный товарищ и неутомимый честный исследователь.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ М. И ПИКУЛЬ

1. **Пикуль М. И.** Раскопки на Сулаке в 1955 г. В кн.: «Материалы по археологии Дагестана», т. 1. Махачкала. Даг. кн. изд-во, 1959, с. 157—174 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.
2. **Пикуль М. И.** Хабадинский могильник. В кн.: «Материалы по археологии Дагестана», т. 2, 1961, с. 135—166 г., табл. Библиогр. в подстроч. примеч. (Дагест. филиал Академии наук СССР. Ин-т истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы).
3. **Пикуль М. И.** Дагбашский могильник. — «Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. филиала АН СССР), т. IX, Махачкала, 1961, с. 298—319, с илл. Библиогр. в подстрочн. примеч.
4. **Пикуль М. И.** Эпоха раннего железа в Дагестане, — В кн.: «Тезисы докладов на научной сессии Ин-та истории, языка и лит. им. Г. Цадасы Дагест. фил. АН СССР, посв. археологии Дагестана», Махачкала, 1959 с. 33—39.
5. **Пикуль М. И.** Памятники скифского времени Среднеднепровского левобережья. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1954. 16 с. (АН СССР, Ин-т материальной культуры).
6. **Пикуль М. И.** Очерки ист. Дагестана, т. 1, гл. I, §§ 1, 2, 3, стр. 5—19. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1957 г.

ТРУДЫ

М. И. ПИКУЛЬ, НАХОДЯЩИЕСЯ В РУКОПИСНОМ ФОНДЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ДАГФИЛИАЛА АН СССР.

	Объем
1. Дагбашский могильник. (Опубликовано в Ученых записках Института ИЯЛ)	28 листов дело № 2174
2. Древнейшая история Дагестана. Первобытно-общинный строй (1953)	72 листа дело № 1807
3. Древнейшая история Дагестана. Первобытно-общинный строй (1954)	49 стр. дело № 1961
4. Древнейшая история Дагестана. Первобытно-общинный строй (1955)	34 стр. дело № 2109
5. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана.	139 стр. дело № 2298

6. Памятник эпохи бронзы и раннего железа близ Аркаса Буйнакского района (1958) 112 стр. дело № 2514
7. Памятники эпохи бронзы и раннего железа близ Аркаса Буйнакского района (1958) 104 стр. дело № 2541.
8. Памятники эпохи раннего железа в Дагестане (по материалам Ругуджинского могильника близ хутора Кабада) 1957 г. 131 стр. дело № 2416
9. Научный отчет по археологической экспедиции 1955 г. 190 стр. дело № 2107
10. Первые памятники медно-бронзового века в Дагестане (1952) 59 стр. дело № 1757—58
11. Отчет о результатах археологических исследований (гл. 1—2) 1957 г. 92 стр. дело № 2474
12. Отчет о результатах археологических исследований (гл. III) 1957 г. 110 стр. дело № 2475
13. Отчет о работе Северного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1953 году 169 стр. дело № 1918.
14. Отчет о работе, проведенной Дагестанской археологической экспедицией в 1952 г. 48 стр. дело № 1988,
15. Отчет по археологическим работам за август—сентябрь 1951 г. и первую четверть 1952 г. 39 стр. дело № 1987
16. Письменные источники о племенах и этнических группах на территории древнего Дагестана. В эпоху раннего железа (1961) 105 стр. дело № 2878
17. Эпоха раннего железа в Дагестане (1960) 306 стр. дело № 2932
18. Памятник эпохи поздней бронзы и раннего железа в Дагестане (1959) 375 стр. дело № 2933
19. Племена и этнические группы на территории Дагестана в эпоху раннего железа (1962 г.)
20. Раскопки в южном Дагестане в 1961 году, 1962. 244 стр. дело № 3062
21. Результаты археологических исследований горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1956 году, 1956. 86 стр. дело № 2311.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

	Стр.
П. Тананакин. Некоторые вопросы выравнивания колхозных доходов и оплаты труда	3
А. Эльмурзаев. Трудовой подъем рабочего класса Дагестана в годы второй пятилетки	28
Н. Исмаилов. Электрификация — стержень строительства экономики коммунистического общества	63
А. Баймурзаев. Основные направления общественной мысли народов Дагестана во второй половине XIX века	83
А. Шихсаидов. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.)	104
В. Гаджиев. Исторические связи Дагестана с Россией	135
В. Алексеев. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа	156

ЭТНОГРАФИЯ

М. Агларов. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века)	177
Л. Кужелева. Ногайцы (из истории ногайцев XVIII—нач. XX вв.)	194

АРХЕОЛОГИЯ

М. Гаджиев. О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке	233
---	-----

М.И. Пикуль [Археолог. 1914-1963 гг. 261
Некролог].

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XIII

(Серия историческая)

Редактор Г. Д. Даниялов

Техн. редактор Э. С. Геллер

СО 1755. Сдано в набор 15/I-1964 г. Подписано к печати 25/IV-1964 г.

Формат 60 × 92¹/₁₆. Объем 17 п. л. Тираж 1000.

Цена 1 руб. 22 коп. Заказ № 10.

Типография Дагестанского филиала АН СССР

г. Махачкала, 5 жилгородок, корпус 10,